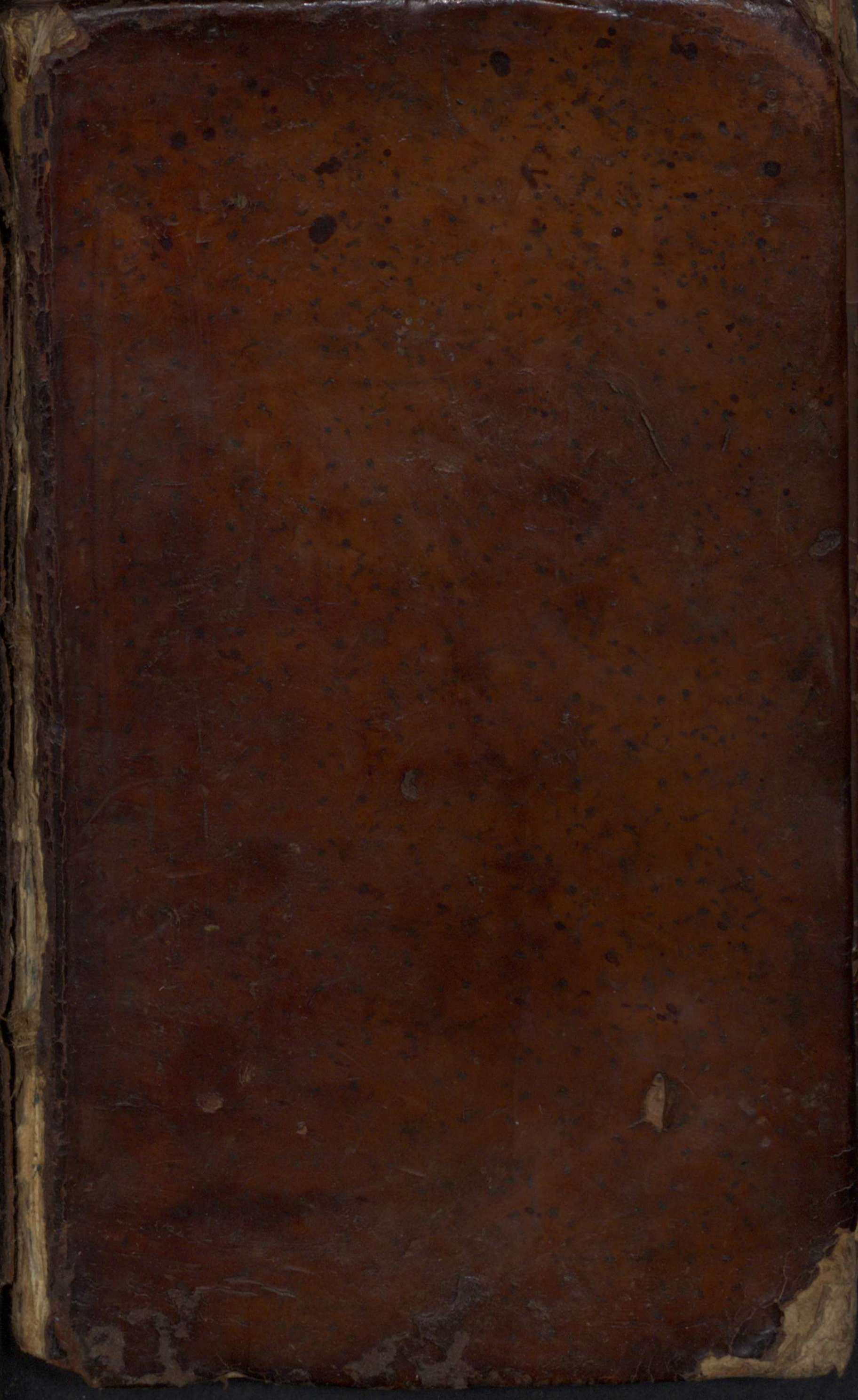
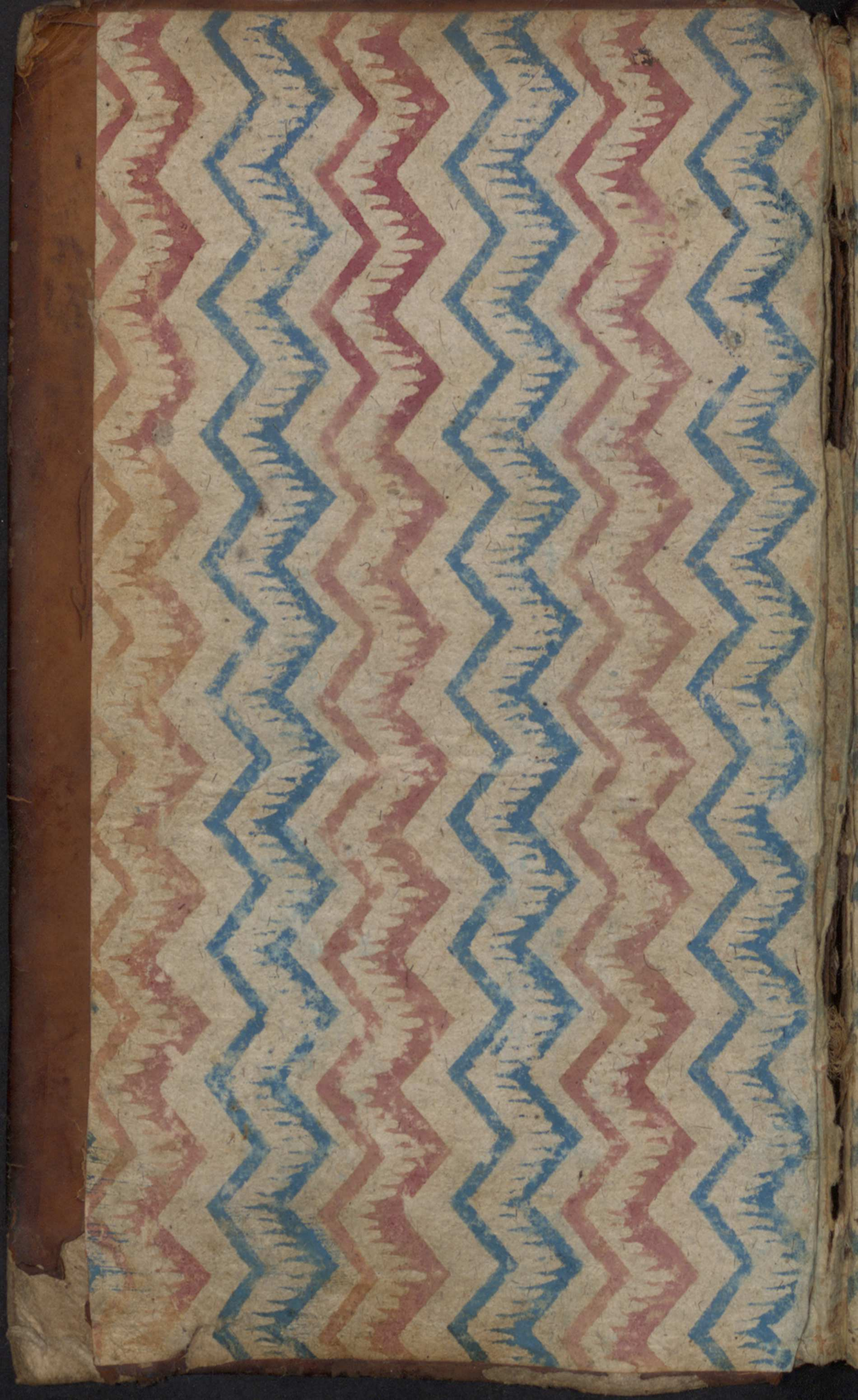
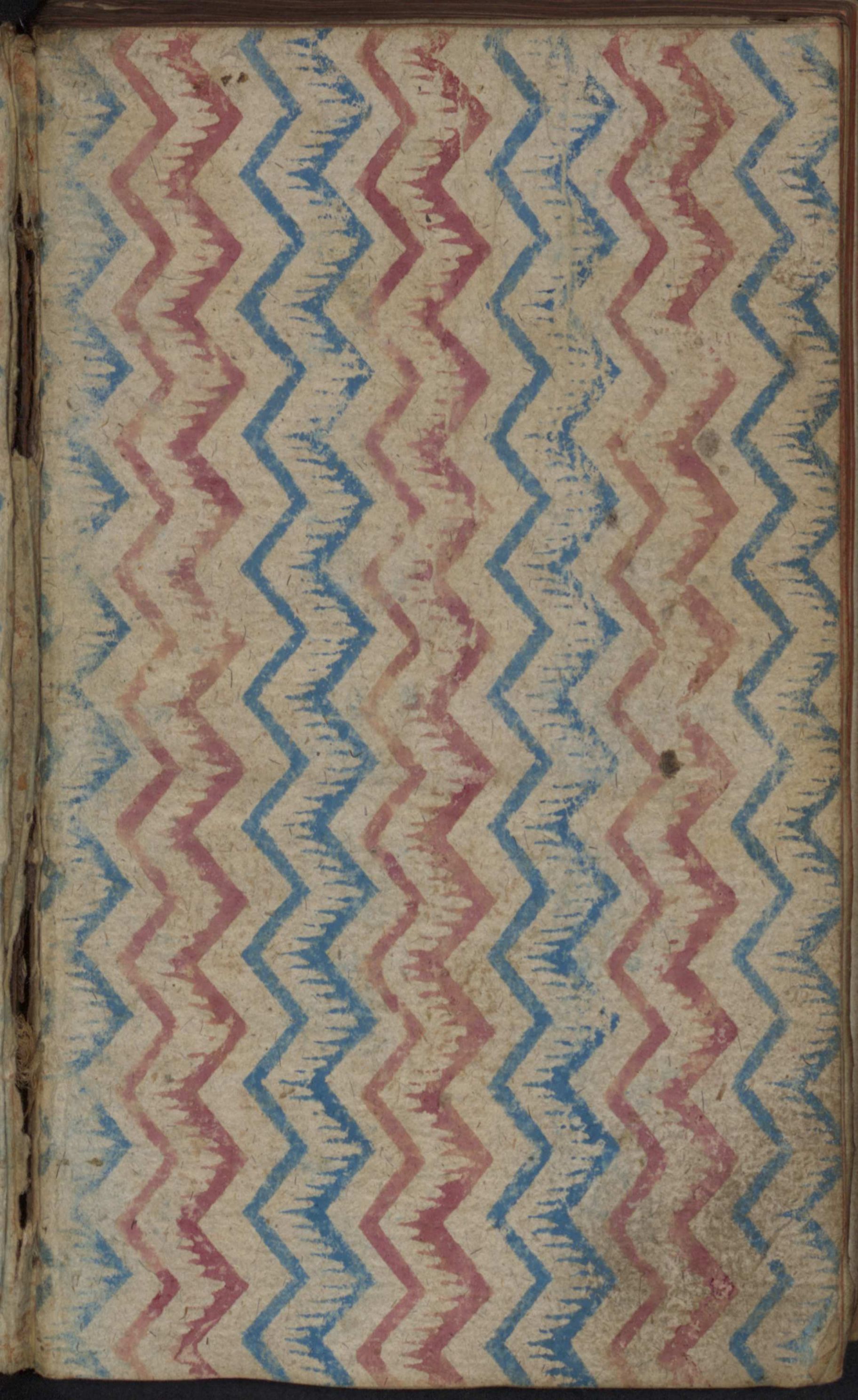
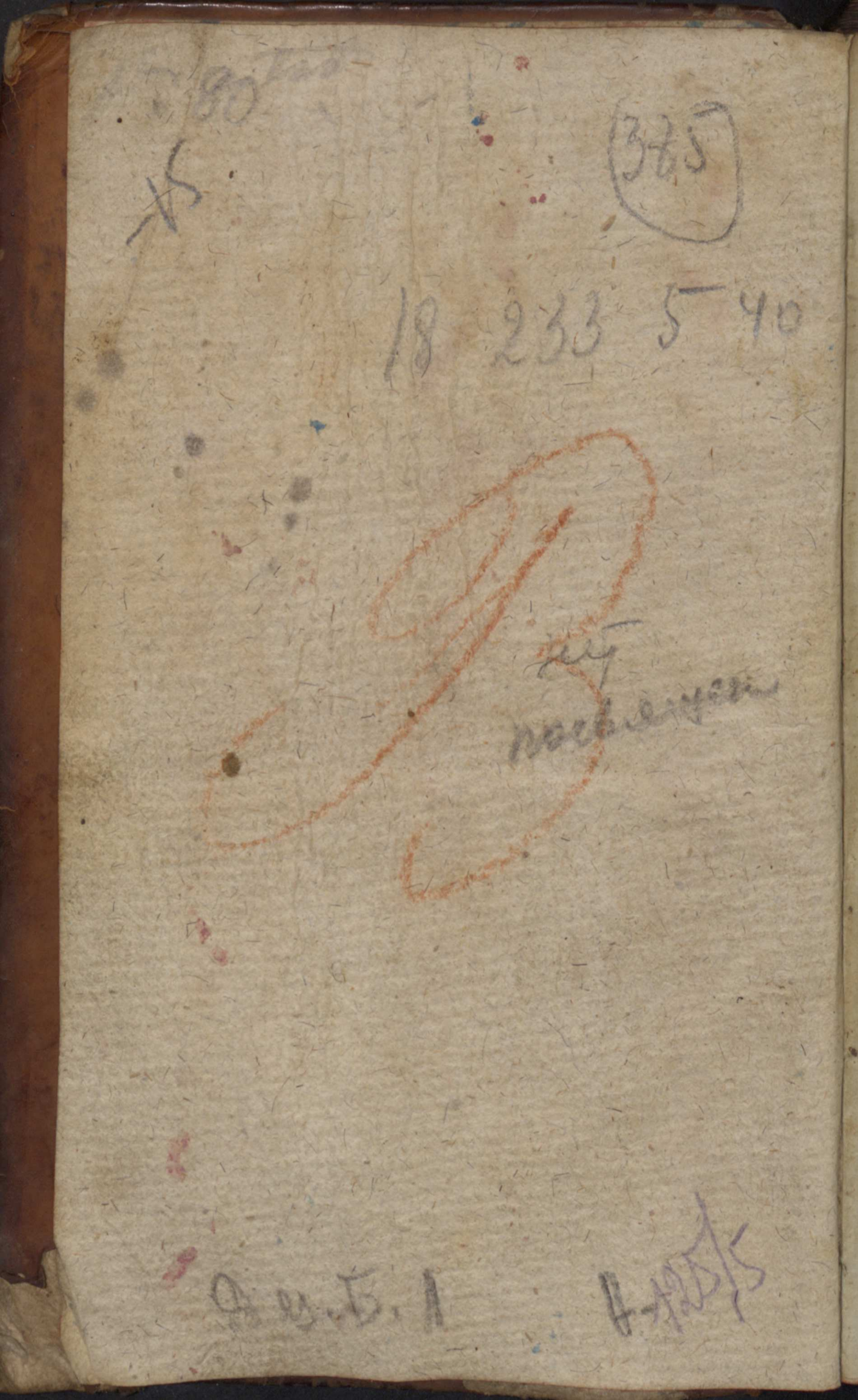

385
18 233 5 40

ВАРБЕКЪ

АНГЛИНСКАЯ ПОВѢСТЬ

основанная

на исторической истиннѣ

переведена съ Французскаго

изъ

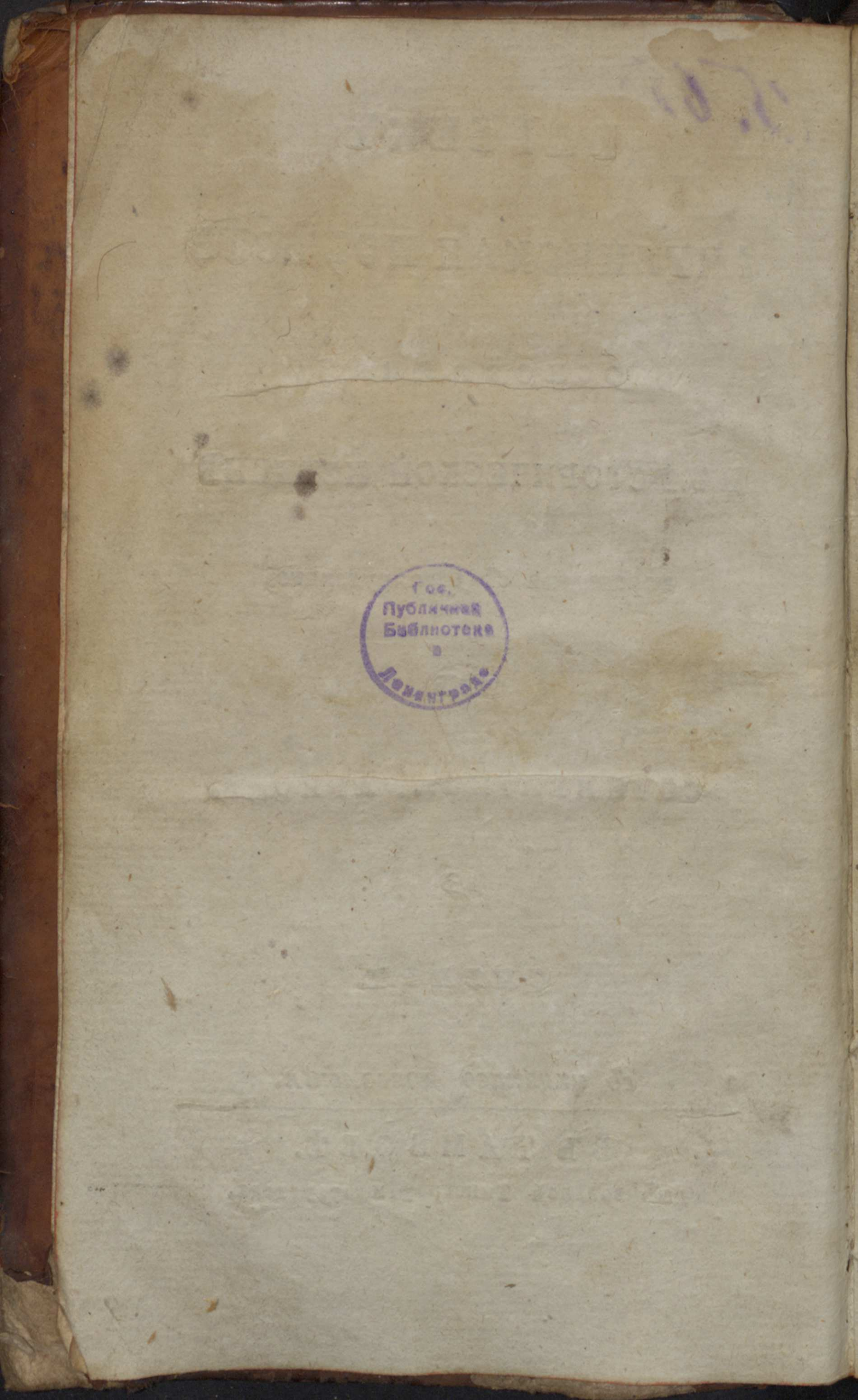
сочиненій г... Арнода.

въ

Сибири.

съ указнаго дозволенія.

ВЪ ТАМБОВѢ.
въ вольной Типографіи 1793 года.

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

ВАРБЕКЪ.

Ничто не могло преодолѣть неутомимой ненависти вдовствующей Графини Бургонской (а) къ Ланкастерскому дому; постыдная развяска (б) хитрости веденной со всѣми предосторожностями и со всѣмъ искусствомъ политики, время укрощающее страсти, чудное надвластїе, которое щастливый побѣдитель Ричарда III. какъ казалось прїобрѣлъ вмѣстѣ съ престоломъ Англїи надъ множествомъ непрїятелей и соперниковъ, все сїе говорю я не довольно было для преодоленїя сильно. Графъ Ричемонтъ сѣдящїй на тронѣ Иорковъ,

 казал-

казался Маргаритѣ страшнымъ привидѣнїемъ гонящимъ ея повсюды, даже и во снѣ ея; она не могла слышать его имени безъ содрагания отъ гнѣва; мрачное отчаянїе причиняемое ей постояннымъ щастїемъ сего Государя низвергло бы ея во гробъ, естли бы жажда упорнаго мщенїя не привязывала ея къ жизни. Больше же всего раздражало ее равнодушїе Генрихово; или лучше сказать обидная къ супругѣ его холодность. Между тѣмъ, Елисавета яко старшая дочь Едуарда IV. бракосочетанїемъ своимъ съ Королемъ подкрѣпляла слабыя права сего Князя на Престолъ Аглинской, и сїя то можетъ быть и была скрытная причина его къ Королевѣ отвращенїя: не ужели неблагодарность есть порокъ сопряженный съ естествомъ нашимъ. Вотъ до чего доводитъ насъ чрезмѣрность самолюбїя! Рѣдко любимъ

мы

мы виновниковъ нашего возвышенія. Разсмотря прилѣжно нравы людскіе, увидимъ мы что благодѣянія почти всегда человѣка пристыжаютъ, и благодарность его состоитъ только въ томъ, что онъ не досадуетъ за зделанное ему добро.

И такъ Маргарита предпріяла намѣреніе сплетать новыя ухищренія для погубленія смертельно ненавидимаго ею Государя. Фріонъ прилепленный прежде къ Генриху VII. въ должности писмоводителя, и ставши потомъ чрезъ измѣну въ семъ же званіи ревностнѣйшій наперстникъ Герцогини, питалъ въ себѣ воспламеняющій его духъ заговоровъ и враждованія, обыкновенно дѣланіемъ зла низкіе люди становятся нужными знатнымъ, и для первыхъ гораздо больше выгоды въ ласканіи страстямъ сихъ послѣднихъ, нежель въ покушеніи побѣдить оныя. Порокъ обитаетъ

въ сердцѣ человѣческомъ, малѣйшее усилїе его тамъ возбуждаетъ, и подаетъ ему силы: вмѣсто того, что добродѣтель часто внѣ насъ, и нужны весьма сильныя потрясенїя, дабы водворить ея въ нашу душу, и вкоренить въ ней. Фрїонъ предавался охотно на всѣ мстительныя движенїя волнующїя его Государыню. Я не довольна, говорила она ему, нещастнымъ приключенїемъ презрительнаго орудїя прежнихъ моихъ предпрїятїй; Фрїонъ, я хочу возбудить противъ Генриха новыхъ Варвиковъ (в) новыхъ Герцоговъ Иоркскихъ; похититель престола ненавидимъ дворянствомъ, народъ съ жадностїю бросается къ новостямъ, ты это знаешъ; не устрашимся же разсѣвать ложь, она найдетъ поборниковъ, найдетъ мучениковъ. Я не стыжусь употреблять сїе средство, ибо открытой силою дѣй-

ствовать мнѣ не дозволено. Когда дѣло идетъ о погубленіи своего врага, тогда все становится законнымъ для тѣхъ, кои такъ какъ я мщеніе почитаютъ сладчайшимъ удовольствіемъ; пусть умру я стократно, лишъ бы только послѣдніе мои взоры были свидѣтелями Генрихова паденія! Я ласкала себя что женясь на моей племянницѣ, онъ не позабудетъ, что обязанъ величествомъ своимъ сему браку, а онъ хочетъ истребить до послѣдней отрасли Иоркскаго дома! Держитъ въ оковахъ нещастнаго Графа Варвика! Накажемъ же сего случайника (г) за безстыдное его благополучіе; Самыя Ланкастры его отвергаютъ. Не ужели я не возмогу поколебать его успѣховъ! развѣ не стало больше страшилищь, коихъ могу я вооружить противъ Тудора? Развѣ они всѣ съ симъ подлымъ Симнелемъ

 изче-

изчезли? Я поручаю исполненїе моего мщенїя твоему ко мнѣ усердїю: препятствїя да не отвратятъ тебя, ищи, найди мнѣ еще какого молодаго дерзновенника, коего упою я моимъ бѣшенствомъ; можетъ быть щастїе будетъ намъ благопрїятно, и въ великомъ множествѣ стрѣлъ пущенныхъ много сыщутся такїя кои поразятъ врага моего.

Фрїонъ обѣщалъ все Маргаритѣ: онъ приложилъ всѣ старанїя для сысканїя человѣка могущаго играть съ успѣхомъ намѣреваемое дѣйствующее лице; но случай какъ бы упрямился измѣнять ему въ малѣйшихъ его надеждахъ. И онъ начиналъ уже почитать не возможнымъ произведенїе въ дѣйство неудающагося ему до сихъ поръ расположенїя, какъ вдругъ одинъ изъ одолженныхъ имъ людей вручаетъ ему письмо подписанное на имя

меньшаго своего брата, которой былъ въ отсутствїи въ то время какъ оно попалось въ руки большаго; чудное стеченїе произшествїй восхотѣло, чтобъ сей его распечаталъ, и уловя съ восхищенїемъ случай быть Фрїону полезнымъ, спѣшилъ онъ отнести къ нему сїе письмо думая тѣмъ оказать ему важную услугу; Фрїонъ спешитъ удовольствовать свое любопытство и читаетъ слова слѣдующаго содержанїя.

Нѣтъ, любезной мой Астлей, нѣтъ, ты не будешъ больше жаловаться на мою дружбу; я хочу доказать тебѣ опытомъ, которой не оставитъ ни малѣйшаго сомнѣнїя въ моихъ къ тебѣ чувствїяхъ; знай, что я открываюсь тебѣ во всемъ, что сїи душевныя излїянїя суть только для одного друга моего; а для прочихъ жизнь моя да пребудетъ непроницаемою тайною. Я че-

честолюбивъ и влюбленъ? Сіи двѣ страсти возросшія въ сердцѣ моемъ до той степени пламенности, которую могу я имъ придать, доведутъ можетъ быть меня до такой судбины, на которую слабѣйшая моя душа не могла бы взирать безъ ужаса.

,,Истинное мое имя Осбекъ или Варбекъ; отецъ мой собралъ торговлею знатное имѣніе; онъ жилъ въ Турнѣ, отвергшись отъ Еврейскаго закона принялъ Христіанской и поселился въ Лондонѣ въ Царствованіе Едуарда IV. Монархъ сей говорятъ тронутъ былъ красотою моей матери, которая два года спустя по прибытіи своемъ въ Лондонъ произвела меня на свѣтъ. Всѣ тѣ, кои видали Короля находятъ во мнѣ поражающее съ нимъ сходство, притомъ же носились слухи, что мать моя платила нѣкоторымъ снизхожденіемъ Едуарду, за без-

безпрестанныя похвалы, которыя приписывалъ онъ ея прелестямъ. Но вотъ въ чемъ я очень увѣренъ, любезный Астлей, что мысль быть Королевскимъ сыномъ возвышаетъ мою душу, и возгоржаетъ ея до такой степени что бываютъ минуты, въ которыя прискорбно мнѣ не имѣть въ рукахъ Скиптра. Я чувствую что вѣнецъ Царскій не обременилъ бы чела моего; Сей столь пріятно занимающій мысли мои предметъ наполняетъ меня тою превосходною неустрашимостію, которая возноситъ человѣка превыше его самаго, и бываетъ источникомъ великихъ дѣяній. Другъ мой, оставь мнѣ мечтать чтобъ мѣсто мое было престолъ; я возвелъ бы тебя на него съ собою; сколь много есть мечтаній насъ унижающихъ! Сей же по крайней мѣрѣ облагороживаетъ воображеніе. Совершенно справе-

дливо что я крестникъ Едуарда IV. и что онъ осыпалъ меня своими ласками; онъ назвалъ меня *Петеромъ*, (*д*) къ сему имени прибавили потомъ *Кингъ*. По смерти сего Государя, родители мои возвратились въ Нидерланды. Пребыванїе наше у Двора отклонило меня отъ промысла отца моего: мнѣ невозможнымъ стало казаться унизить себя входя въ подробности торговли, кои почиталъ я даже подлыми. Я вдался въ благородныя упражненїя; въ науки: тебѣ извѣстно что я выучился многимъ языкамъ, коими говорю совершенно. Мятущееся нѣкое желанїе противъ воли моей мною овладѣвшее и ставшее для души моей повелительною нуждою, водило меня изъ страны въ страну; я остановился въ Шотландїи: тамъ то ожидала меня страсть сильнѣйшая еще сего честолюбїя, которое было до того

еди-

единымъ испытаннымъ мною мученіемъ. Я позналъ всѣ прелѣсти или лучше сказать все изступленіе любви. Ты почтешъ меня безразсуднымъ узнавъ предметъ восторговъ, коихъ обуздывать я не въ силахъ. Естли судимъ я буду по законамъ разума, то заблужденіе мое будетъ не извинительно; но въ нашей ли волѣ повелѣвать сердцемъ? Подвластно ли оно законамъ и смотритъ ли оно на чины или достоинства? Знай же, Астлей, что я тайный обожатель самой красоты. Но, ахъ! сколь слабо изображеніе сіе младой Графини Гунтлей! Соборъ толикихъ прелестей заставляютъ сомнѣваться смертная ли она! Ты скажешъ мнѣ что она знатнѣйшаго рода, свойственница Короля Шотландскаго; (е) еще разъ другъ мой, я забываю сіе преимущество, долженствую ихъ ненавидѣть, чтобъ восхищаться

одною

одною только ею, боготворить прелести ея, привлекательность, младость, очаровательные ея взоры, легкой и стройной станъ, словомъ все прiятности ея превосходящiя богатство и знатность: я обожаю несравненную Гунтлей а не свойственницу Царскую, она есть вышнее мое божество. Суди о моемъ мученiи? Любовь не столько еще ослепила глаза мои чтобъ не могъ я видеть предстоящихъ мне препятствiй, обвиняющихъ меня предъ самимъ собою; чего могу я надеяться? Но льзяль любить безъ надежды? Здесь то воспаленное воображенiе мое помогаетъ страсти и открываетъ желанiямъ моимъ неограниченное поле. Великаго труда стоило бы мне дать тебе отчетъ въ техъ мечтанiяхъ, въ коихъ разумъ мой заблуждается: все что я знаю, есть то, что я наполненъ несумненнымъ увере-

нiемъ

ніемъ, что любовь можетъ творить чудеса и нѣтъ ничего такого на чтобъ я не покусился для учиненія себя достойнымъ открыть нѣжность мою родившему ея предмету: сердце любящее и подобно моему горящее изпровергаетъ и поглощаетъ всѣ преграды. Я умру довольнымъ естли Графиня извѣстится о моей къ ней страсти... Другъ мой, и когдабъ признаніе сіе приняла она неравнодушно... Влюбленные стараются льстить себѣ, отторгаютъ прочь все могущее разогнать сладостное для нихъ усыпленіе. Ахъ оставь меня, оставь въ семъ драгоцѣнномъ заблужденіи которое причиняетъ мученіе и блаженство моей жизни; я хочу возвратиться въ Шкотландію, увидѣть паки владычицу моего рока, упасть къ ногамъ ея... и умереть отъ любви.,,

Фріонъ

фрїонъ въ семъ мѣстѣ останавливается, обнимаетъ друга своего и съ радостнымъ восторгомъ — Я нашелъ чего искалъ! Маргарита, любезный Астлей наградитъ твою услугу. Поди и сей же часъ приведи ко мнѣ сего младаго человѣка: правда ли что столь много похожъ онъ на Едуарда? — Я видалъ изображенїе сего Государя и могу васъ увѣрить что Варбекъ имѣетъ съ нимъ одинакїя черты. — Астлей, щастїе твое устроено; склони брата твоего на нашу сторону. Дѣйствуй со всевозможною поспѣшностїю. Я горю нетерпѣнїемъ увидѣть Варбека и говорить съ нимъ! Поди, я тебя ожидаю.

Астлей спѣшитъ увѣдомить о семъ произшествїи брата своего, которой извѣщаетъ о томъ своего друга, и ведетъ его съ собою къ Фрїону.

Едва

Едва сей усмотрѣлъ идущаго къ нему молодаго иностранца, какъ ставъ пораженъ чудеснымъ его съ Королемъ сходствомъ бѣжитъ къ нему на встрѣчу, осыпаетъ учтивостями и ласками:— Я обо всемъ извѣстенъ. Радуйтесь что тайна ваша мнѣ открыта.... Не упрекайте себя страстїю которая показываетъ благородство вашей души. Гордость великихъ людей производитъ. Я предсказываю, что вы рождены не для ограничиванїя вашей надежды. Буду служить вамъ сверьхъ вашихъ желанїй; обѣщайте мнѣ со мною иногда видаться, и чтобъ только два друга ваши извѣстны были объ ожидающей васъ блестящей участи... Вы будите щастливѣйшїй изъ смертныхъ.

Фрїонъ былъ столько восхищенъ что насилу могъ изъясняться; чемъ болѣе говорилъ онъ съ младымъ человѣкомъ, тѣмъ больше радовался

 своей

своей находкѣ. Разставшись съ нимъ полетѣлъ къ Маргеритѣ: -- Небо сударыня сотворило для васъ чудо: мщеніе теперь въ рукахъ вашихъ; врагъ вашъ низвергается съ престола. Погибаетъ Генрихъ Тудоръ и съ нимъ всѣ ланкастры; благодѣтельный духъ Йорковъ востаетъ изъ гроба; сражается за насъ и торжествуетъ.

Фріонъ отдаетъ своей Государынѣ вѣрный во всѣмъ отчетъ, не забываетъ также пламенную любовь Варбека. Онъ влюбленъ вскричала Герцогиня! Фріонъ, мы здѣлаемъ изъ него Героя, Монарха; Любовь есть первое изъ изступленій. Да, я увѣрена теперь о успѣхѣ мщенія моего! Симнель имѣлъ обыкновенную душу; и естли бъ онъ любилъ, то былъ бы нынѣ на Престолѣ, Графиня Гунтлей есть благотворительное божество низшедшее подать намъ помощь, воз-

поль-

пользуемся же симъ случаемъ, я хочу знать посланнаго мнѣ съ неба мстителя; поди введи его въ мои чертоги; ты одинъ будешъ свидѣтелемъ нашего свиданія.

Искусный наперстникъ исполняетъ сей приказъ. По отшествіи придворныхъ Варбекъ подъ предводительствомъ его представляется Маргеритѣ; она ощущаетъ тѣ же впечатлѣнія, кои при первомъ видѣ поразили и наперстника ея: — Мнѣ мнится видѣть любезнаго моего Едуарда. Такъ, это онъ, онъ самый! она осыпаетъ Варбека лестнѣйшими похвалами. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, что природа желала возградить его другими дарованіями за всѣ выгоды и преимущества высокаго рожденія коихъ онъ не имѣлъ; все дышало въ немъ тѣмъ видомъ благородства и величавости, коими прельщенное воображеніе наше украшаетъ малое чи-

сло смертныхъ облагодѣтельствованныхъ судьбою и вознесенныхъ ею на первыя земныя достоинства. Малѣйшее слово Варбеково заставляло всѣхъ брать въ немъ участїе, которое есть гораздо сильнѣе чувствїй однимъ умомъ возбуждаемыхъ; лице его соединяло въ себѣ тихость съ остротою. Привлекательная младость и откровенность придавали еще новую очаровательность толикимъ прелестямъ.

Герцогиня не могла растаться съ Варбекомъ: вопрошала его стократно, и всѣ отвѣты его усугубляли производимое имъ непреоборимое впечатлѣнїе, открывая превосходныя его дарованїя.

Варбекъ сказала ему Маргерита, будь увѣренъ въ моемъ покровительствѣ, отъ тебя только зависитъ здѣлаться онаго достойнымъ... Я избрала тебя предметомъ

томъ моихъ великихъ умысловъ. Ты будешъ чрезъ Фрїона получать мои приказы и благодѣянїя. Требую отъ тебя одного неограниченнаго повиновенїя и глубокаго молчанїя; не ввѣряй никому сей тайны кромѣ двухъ Астлеевъ. Мы будемъ часто видаться... Берегись самомалѣйшей нескромности: въ такомъ случаѣ погибель твоя была бы не избѣжна, а я могу возвесть тебя на высочайшую степень благополучїя. Честолюбїе твое да обозрѣваетъ пространнѣйшїй бѣгъ и да остановится на дальнѣйшихъ его предѣлахъ; довольно сказано тебѣ на сей разъ. Удостойся приготовляемой тебѣ мною судьбины... Фрїонъ, онъ можетъ итти.

Варбекъ упоенный радостїю бѣжитъ къ двумъ друзьямъ своимъ, сказываетъ имъ съ восхищенїемъ о благосклонномъ принятїи здѣ-

ланномъ ему Маргеритою; отверзаетъ душу свою блистательнѣйшимъ мечтаніямъ, ходитъ исполиновыми шагами и преселяется въ новый кругъ бытій, предметъ же любви его воспаляющей занималъ первое мѣсто въ честолюбивыхъ его сновидѣніяхъ.

Сей молодой человѣкъ присовокуплялъ къ прочимъ своимъ знаніямъ нѣсколько рисовальнаго искусства: онъ спѣшитъ начертать изображеніе Графини Гунтлей; осыпаетъ его нѣжностями, прижимаетъ стократно ко груди своей и покрываетъ пламенными поцѣлуями; призываетъ его яко пекущееся о благоденствіи его божество. Варбекъ уже не въ числѣ смертныхъ: онъ сталъ новаго нѣкоего рода бытіе сотворенное честолюбіемъ и любовію. Никогда баснословные полубоги и Герои нашего рыцарства не являли столь

при-

приготовленной къ чудесному души.

Герцогиня увидѣвъ паки Фріона говоритъ ему: надлежитъ совершить наше предпріятіе, я желаю чтобъ Варбекъ удалился отъ общества, чтобъ перешелъ онъ въ уединенный домъ на нѣсколько миль отстоящій отъ города. Тамъ будетъ видѣть онъ только тебя, двухъ друзей своихъ и нѣсколько служителей въ тайнѣ сей участвующихъ; изъ сего уединенія будешъ ты его приводить токмо сюда, когда я того потребую. Постараемся затвердить ему приготовляемое для него дѣйствованіе. Какая утѣшительная для меня мысль! Ричемонтъ, я отмщу заплемянницу свою; исторгну скиптръ изъ рукъ твоихъ; и ты познаешъ что есть раздраженная женщина. Кровь Йорковъ кипитъ въ жилахъ моихъ; пусть низвергнусь я во гробъ но

съ тѣмъ чтобъ насладиться удовольствіемъ вовлещи и тебя въ него съ собою!

Фріонъ не умѣдлилъ исполнить приказанія своей Государыни; ввѣрилъ все Астлеямъ, повторивъ всѣ способнѣйшія обольстить ихъ обѣщанія; требовалъ чтобъ не увѣдомляли они Варбека о предопредѣляемомъ ему дѣйствующемъ лицѣ до обнаруженія ихъ предпріятія.

И такъ Варбекъ переселился въ загородной домъ удаленный отъ всякаго сообщества. Фріонъ увѣрилъ его что сіе отъ города отлученіе нужно было для нѣкоего умысла которой онъ со времянемъ узнаетъ. Варбекъ никого тутъ не видѣлъ кромѣ двухъ служителей, Астлеевъ и Фріона, коего можно назвать его наставникомъ, а того послушнѣйшимъ его ученикомъ. Никогда ни одинъ комедіантъ не

былъ

былъ столь хорошо приготовленъ къ игранію своей роли, всечастно представляли ему предъ глаза Едуарда IV, Королеву его супругу и все семейство; описывали ему живѣйшими красками самомалѣйшія обстоятельства касающіяся до Герцога Йорскаго, все что полагали случившимся ему въ Вестминстерскомъ убѣжищѣ, исторженіе его изъ онаго пронырствами жестокаго Ричарда; особливо же остановлялись на томъ щастливомъ приключеніи чрезъ которое Герцогъ избавился отъ рукъ палачей готовящихся умертвить его, старались чтобъ ученикъ повторялъ сіи повѣствованія съ тою невинною откровенностію, которая придаетъ истиннѣ столь много силъ, и разливаетъ на слабѣйшія изрѣченія привлекательность и какъ бы родъ обаянства противъ коихъ слушатели съ трудомъ устоять могутъ.

Когда Варбекъ затвердилъ первые сіи уроки, тогда Маргерита горя нетерпѣливостію видѣть исполненіе своего предпріятія восхотѣла сама усовершенствовать труды свои. Молодой человѣкъ былъ представляемъ предъ нея много разъ безъ свидѣтелей подъ предводительствомъ одного фріона. Всякое слово сей столь искусной въ пронырствахъ женщины было для Варбека новымъ лучемъ просвѣщенія, она пріучала его подражать голосу и поступкамъ знатнымъ людямъ приличнымъ, подтверждали ему чтобъ онъ старался совокуплять ласковость съ благородною осанкою и разсыпать нѣкоторый родъ величества на описаніе злоключеній кои долженъ онъ будетъ расказывать, изъясняла ему какимъ образомъ Князь можетъ не унижая себя возбуждать и даже испрашивать

вать сожалѣнїе; особливо же учила его щасшливому искусству снискивать любовь у народа, разгорячать его въ свою пользу и преклонять на свою сторону не теряя пришомъ нужнаго надъ нимъ надвластїя; наконецъ Варбекъ научился совершенно представлять величество во всемъ его блескѣ и подъ всѣми видами.

Сколь не безпредѣльно было честолюбїе Варбеково, но Графиня Гунтлей, какъ мы уже прежде замѣтили, была первымъ предметомъ занимающимъ его воображенїе и ограничивающимъ желанїя его. Фрїонъ сей искусный политикъ надѣялся воспользоваться столь сильною страстїю и весьма тому съ Герцогиней радовался.

Наступаетъ день въ которой должна поднятся завѣса скрывающая отъ Варбека не измѣримое и блистательное рысталище опре-

предѣленное честолюбію его и любви. При помощи темноты нощной, вводятъ его въ чертоги Маргеритины. Она повелѣваетъ ему сѣсть подлѣ себя; Варбекъ повинуется являя знаки удивленія. Князь, сказала ему Государыня, внимай слова мои. При словѣ Князь, изумленіе и робость его усугубляются. Да, продолжала Герцогиня не перемѣняя голоса и вида; Я говорю съ Княземъ, съ благородною отраслью нещастнаго и знатнаго дома, съ племянникомъ моимъ, съ Герцогомъ Йоркскимъ, (какія изрѣченія для Варбека!) Слова мои покажутся тебѣ не столь странны по выслушаніи меня, Варбекъ, въ послѣдней разъ называю тебя симъ имянемъ, ты скоро узришъ великость къ тебѣ моего благоволенія, и возведешъ глаза твои на верьхъ уготованнаго мною тебѣ величества. Я намѣрена вознагра-

дитъ достоинства твои и благородство твоей души за недостатки знатнаго разсужденія. Конечно само небо предопредѣляло тебѣ степень на которую поощряю я тебя вступить съ опасностію твоей жизни. Но что есть жизнь влачимая во мракѣ обыкновеннаго состоянія? Обратить на себя глаза всѣхъ насъ окружающихъ, превысить безчисленную толпу прочихъ смертныхъ, поставить себя на мѣсто гдѣ кромѣ Бога нѣтъ другова начальника и гдѣ какъ бы раздѣляютъ съ нимъ неограниченную власть, таковъ есть Монархъ, и нѣтъ инаго существованія. Вотъ что долженъ ощущать смертный сгарающій небеснымъ пламенемъ честолюбія, я ласкаю себя что огнь сей тебя воспаляетъ, Престолъ или гробъ, сіи два предмета имѣй всегда предъ глазами; безъ сомнѣнія взойдешъ ты на

тронъ

трон҃ естли будешъ слѣпо повиноваться моимъ намѣреніямъ, и естли неустрашимость твоя ополченная противу всѣхъ препонъ, поможетъ моей политикѣ.

Приключенія нещастнаго нашего дома тебѣ извѣстны: ты вѣдаешъ жестокости Ричарда III, ты видишъ несносную гордость, неблагодарность сего потомка Овенова достойную низкаго его произхожденія; онъ обязанъ бракосочетанію своему съ моей племянницей тѣмъ видомъ нѣкоторой правильности въ которую облекъ свои на престолъ требованія и вмѣсто благодарности платитъ ей презрѣніемъ; притѣсняетъ въ особѣ ея ненавидимыхъ имъ Йорковъ: пусть же снова они явятся, торжествуютъ, и да отмстятъ за себя твоею рукою. Будь симъ Герцогомъ Йоркскимъ, коего у насъ и съ братомъ его похитила немилосердая смерть:

при

при семъ напоминовенїи не могу удержать слезъ моихъ, но не слезами должна я ограничивать мое мщенїе. Ты имѣешъ всѣ черты сего младаго Князя, его лѣта, прїятности: имѣй же его твердость; онъ бы разорвалъ уже свои оковы и низвергъ бы съ престола сїю мнимую отрасль Ланкастровъ; напитай себя его пламенностїю, его восторгами; Симнель былъ бы Королемъ Англїи, естлибъ имѣлъ онъ твои дарованїя, и когдабъ съ лучшимъ успѣхомъ воспользовался моими наставленїями. Поѣзжай въ Португалїю къ Лади Бронтонъ, женщина сїя мнѣ совершенно предана; Фрїонъ и два друга твои поѣдутъ съ тобою; и ты не прежде начнешъ дѣйствовать какъ я того потребую. Еще разъ говорю тебѣ, помни что Симнель потерялъ прекраснѣйшее Королевство отъ того единственно что про-

былъ три часа въ нерадѣніи. Я извѣщу тебя о всѣхъ подробностяхъ сего великаго предпріятія; поди облобызай меня, и да благоволитъ небо чтобъ я нашла въ тебѣ мстителя моего и племянника.

Варбекъ не взирая на всю свою смѣлость, обширный и честолюбивый свой разумъ, смутился и стоялъ въ безмолвіи. Онъ тогда походилъ на человѣка блудящаго долгое время во мракѣ, которой ставъ внезапу пораженъ великимъ свѣтомъ видитъ предъ собой пространную долину представляющую ему безчисленное множество новыхъ и разнообразныхъ предметовъ; онъ не имѣетъ силы отвѣтствовать Маргеритѣ. Съ трудомъ исторгнутый Фрїономъ изъ чертоговъ пробудился отъ своего сна, ибо произшествіе сїе не иначе какъ мечтою ему казалось, чего отъ меня Герцогиня хочетъ требовать

вскричалЪ онЪ? БезЪ сомнѢнія честолюбіе мною обладаетЪ, воспламеняетЪ и снѣдаетЪ меня; я сѣтую на судьбу за то что дала она мнѣ столь стремительную кЪ великимЪ дѣяніямЪ душу, и вЪ самое то время какЪ бы нарочно старалась меня унизить; я хотѣлЪ бы достигнуть до высочайшаго достоинства, да, желалЪ бы взойти на ПрестолЪ, но какимЪ путемЪ и какими средствами? Храбростію, великодушіемЪ, вооруженною мечемЪ рукою старался бы я возложить корону на главу мою и рекЪ ко вселенной: ВарбекЪ самЪ собою обрѣлЪ дорогу кЪ трону не имѣвЪ знатныхЪ предковЪ ни чуждыхЪ для его самаго правЪ; щастіе его и имя начались сЪ него и онЪ умѣлЪ царствовать. ВотЪ что было бы предметомЪ моей гордости: вотЪ что лестно моему самолюбію: но пріобрѣ-

 сти

сти дїадиму безстыдствомъ подлой лжи! съ помощїю обманчивой личины получить то, чево съ открытымъ лицемъ не можно! Принимать знаки преданности Агличанъ подъ именемъ Герцога Йоркскаго, когда чувствую я въ сердцѣ моемъ чтобъ Варбеку въ томъ отказали! Нѣтъ, я не могу снизойти къ сему столь много унижающему самолюбїе мое дѣйствующему лицу; но поставилъ бы гордость мою въ названїи себя сыномъ простаго гражданина и объявилъ бы себя всенародно мстителемъ Йоркскаго дома. Пусть Маргерита мнѣ дастъ денегъ и войска, я сражусь съ Генрихомъ, и естли не возмогу взойти на тронъ, то по крайнѣй мѣрѣ покажу что былъ онаго достоинъ... Но что ты говорилъ Варбекъ? О сколь велико твое заблужденїе! откуду взялъ ты сїи романические мысли, сїи разборчивости

столь мало приличныя человѣку желающему существовать? И какъ бы поступлено съ тобою было когдабъ осмѣлился ты объявить, что безъ принятія имени которое дастъ тебѣ всю твою цѣну, предпріялъ ты возстать противъ Короля, и противъ Короля Англіи? Заперетъ тебя въ домъ безумныхъ было бы малѣйшимъ тебѣ наказаніемъ? Агличане и весь свѣтъ почли бы тебя примѣромъ сумозбродства. Видно другъ мой, что ты чтеніемъ рыцарскихъ книгъ повредилъ свое воображеніе. Представляя Герцога Йоркскаго можешъ ты что нибудь здѣлать, но подъ именемъ бѣднаго Варбека не будешъ ты ничего. — Но естли имѣю я дарованія, сей разумъ возлѣтающій самъ собою на верьхъ блаженства, я буду имѣть собственное мое существованіе, и буду симъ больше гордиться не-

жели непринадлѣжащимъ мнѣ званіемъ; я хочу быть самимъ собою, а не подлымъ комедіантомъ, укоряемымъ безпрестанно совѣстію за подлость и за отвратительную ложъ свою, намѣреніе мое взято. Я буду всегда называться Варбекомъ.

Фріонъ приведенный въ отчаяніе симъ непредвидѣннымъ препятствіемъ, употребляетъ прозьбы, угрозы, дружбу, усильныя прошенія Астлеевъ, но тщетно; бѣжитъ къ Маргеритѣ, сказываетъ ей съ горестію о странномъ Варбековомъ предпріятіи, описываетъ ей угнѣтающее его смущеніе. Герцогиня безъ малѣйшаго смятенія довольствуется ему сказать: Фріонъ, какъ ты безпамятливъ! Приведи ко мнѣ Варбека. — Но сударыня. — Повинуйся... успокойся... я увѣряю тебя что все пойдетъ по желаніямъ нашимъ.

Фріонъ возвращается съ непослушнымъ своимъ ученикомъ, погруженнымъ въ недоумѣніи. Варбекъ, говоритъ ему Маргерита, добо я вижу что имя сіе тебѣ дорого, я не могу понять для чего ты отвергаешъ мои благодѣянія. Ты столько уменъ что бы быть увѣреннымъ, что безъ имяни Йорка ты возбудилъ бы только противъ себя негодованіе и презрѣніе Англичанъ и всей вселенной. Я предпочла тебѣ множество представляемыхъ мнѣ молодыхъ людей, я избрала тебя орудіемъ моихъ предпріятій. Не хочу сказать тебѣ что таже самая рука, которая старалась тебя возвысить, подкрѣплять и возвесть на тронъ, можетъ обратить тебя въ прахъ за самомалѣйшую твою нескромность, нѣтъ, не съ гнѣвомъ говорю я тебѣ; ты не внимаешъ теперь справедливо раздраженную

Государыню могущую однимъ словомъ уничтожить тебя: ты видишъ предъ собою благодѣтельницу свою, жалѣющую о твоей слабости и желающую показать тебѣ блистательныя знаки своего покровительства, которая съ трудомъ можетъ противиться чтобъ не любить въ тебѣ племянника, коего иногда думаетъ что въ тебѣ возвратила, которая хотѣла даже дать тебѣ съ короной Графиню..... Гунтлей?... Сударыня, возможноли статься!.. Да, ее самую, я писала къ Королю Іякову; она готовится итти за мужъ — Другой — О небо!... — Король отложилъ ея бракъ; ты поѣдешъ въ Шкотландію; и Герцогъ Йоркскій женится.....

Варбекъ не даетъ Маргеритѣ окончить; повергается къ стопамъ ея: мнѣ позволено любить Графиню Гунтлей, сказать ей.....

на-

надѣяться быть я любовникомъ, супругомъ... Ахъ сударыня, (онъ возстаетъ съ поспѣшностїю) приказывайте, повелѣвайте; я исполню малѣйшїя ваши желанїя, небо само говоритъ мнѣ посредствомъ васъ, надобноль быть Герцогомъ Йоркскимъ? я буду всѣмъ тѣмъ чемъ вы пожелаете. Варбека больше нѣтъ. Божественная Гунтлей, я возмогу открыть тебѣ нѣжную страсть!..... Она будетъ тебя достойна. Но сударыня, естли жестокое сочетанїе...... — Поди положись во всемъ на меня; спѣши въ опредѣленное тебѣ отъ меня мѣсто, и не забывай что судьба твоя въ рукахъ моихъ.

Сколь много любовь сильняе честолюбїя! сїя послѣдняя страсть сколь ни сильно дѣйствовала надъ Варбековымъ сердцемъ, но не могла преклонить его на вспоможенїе Маргеритину мщенїю; безчислен-

сленныя препятствія его останов-вляли: но едва сказали ему одно токмо слово ласкающее чувствію, долженствующему быть побѣжденным симъ безразсуднымъ, и онъ уже ничто больше какъ послушный любовникъ, коего сердце отверзто всѣмъ впечатлѣніямъ которыя только внушить ему пожелаютъ!

Фріонъ видя сіе щастливое Варбеково расположеніе спѣшитъ его отъѣздомъ, уже преплываетъ съ нимъ море, не говоря какъ и другіе два друга его ни о чемъ больше какъ о надеждѣ получить Графиню Гунтлей.

Любовь сія покажется невѣроятною тѣмъ, кои не представляли себѣ прекраснѣйшую изъ всей Шкотландіи особу: Екатерина Гордонъ, дочь Графа Гунтлей, и свойственница Королевскаго дома, въ самомъ дѣлѣ достойна была посвященнаго ей Варбекомъ какъ

бы нѣкотораго рода идолослуженія. Она входила въ тѣ лѣта, въ коихъ красота начинаетъ показываться во всемъ своемъ блистаніи. Томность, живость, нѣжность, сей нѣкоторой родъ волшебнаго притяженія, прелести сіи всѣ соединены были въ глазахъ ея; непорочная душа ея изображалась на невинномъ челѣ; темнорусые волосы увеличивали бѣлизну ея; сладострастіе само царствовало на ея устахъ; безчисленныя безпрестанно вновь раждающіяся пріятности прибавляли новую степень совершенства правильности ее лицерасположенія; стоило только ее увидѣть что бы здѣлаться ея плѣнникомъ, и возненавидѣть свободу; произношеніе ея голоса разсыпало пріятность на всѣ выходящія изъ устъ ея слова, одинъ взоръ ея сильнѣе былъ всѣхъ выраженій, и ей стоило

толь-

только показаться дабы наслаждаться своею властїю. Тихая задумчивость, сильнѣйшая всѣхъ заразъ, дополняла толикїя прелести. Но сколь много прїятности разума, основательность ея разсужденїй, ласковыя поступки, добродѣтель безъ гордости и безъ строгости, превышали наружныя ея прїятности! Узнавъ Графиню Гунтлей забывали можетъ быть красоту чтобъ заниматься единственно прекрасными ея качествами; нѣжною ея чувствительностїю она съ восхищенїемъ уловляла тѣ случаи въ коихъ сердце ея могло вдаваться впечатлѣнїямъ нѣжности, не оскорбляя добродѣтели, когда слушала повѣствованїе какого нещастїя, или находила въ книгѣ черты описующїя злополучїе; тогда глаза ея покрывались слезами; и сколь много сладостная печаль сїя прино-

носила ей удовольствія! Для того то часто она изторгала себя изъ шума придворнаго, и удалялась въ деревню въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Единбурга отстоящую, чтобъ наслаждаться тамъ уединеніемъ. Она брала съ собою токмо одну свою пріятельницу, которая называлась Лади Сальтонъ. Графиня слышитъ нѣкогда, что Государь ея назначаетъ ей супругомъ такого человѣка, коего она почти не видывала; онъ былъ шуринъ Короля Датскаго; смерть же похитивъ Графа Гунтлей, учинила Короля Іякова какъ бы опекуномъ его дочери. Она удаляется съ пріятельницею своею въ рощу, которая казалась быть предѣломъ сладкой задумчивости: журчаніе источника за коимъ слѣдовало око сквозь зеленой коверъ усыпанный цвѣтами, пѣніе безчисленнаго множества птицъ, кои казалось пред-

по-

почли убѣжище сїе всѣмъ окрестнымъ мѣстамъ, вдали видъ ручья, коего сребристыя струи терялись между деревьевъ почти неизмѣримой высоты, солнце при закатѣ своемъ кажущееся низпадаемымъ въ сїи горящїя отъ лучей его воды; вотъ невинныя предметы коихъ искала Графиня и предпочитала прочимъ. Любезная моя Сольтонъ говорила она своей прїятельницѣ: чувствуешъ ли ты подобно мнѣ сїе щасливое забвенїе свѣта внушаемое симъ убѣжищемъ. Мнѣ мнится, что Шкотландїя, что вся вселенная изчезли отъ глазъ моихъ, и что только мы двое существуемъ въ семъ спокойномъ уединенїи. Для чего не могу я проводить здѣсь остатокъ дней моихъ, далеко отъ величества, отъ двора, для чего не могу я располагать своей судьбиной, ища и находя въ сердцѣ

моемъ

моемъ сїе чистѣйшее блаженство убѣгающее отъ шуму свѣтскаго, и обманывающее наши желанїя въ самое то время когда думаемъ мы обладать онымъ! О мой единый другъ, я не найду сего блаженства въ уготовляемомъ мнѣ отъ Короля союзѣ! я буду нещастная жертва влекомая предъ олтарь для посвященїя супруга.... который не будетъ предметомъ моей нѣжности! Сольтонъ, сердце мое горитъ желанїемъ любить! Но кого почту я достойнымъ моей привязанности? Я желала бы чтобъ супругъ мой зналъ всѣ подробности чувствїя кои невѣдомы обыкновеннымъ сердцамъ, и кои постигаютъ только малое число душъ моей подобныхъ. Я желала бы чтобъ онъ испыталъ злополучїе; думаю что нещастїе усугубляетъ чувствительность. Какое сладострастїе отирать слезы любе-

безнаго предмета! Нѣжность бы моя удвоилась: нѣтъ Сольтонъ, благополучные люди любви нечувствуютъ! Сколь много восхищаюсь я читая въ исторіи о Епонинѣ обитающей въ мрачьной пещерѣ съ нещастнымъ своимъ супругомъ, отверзающей сердце свое его стенаніямъ, носящей съ нимъ бремя страданія его! замѣняющей ему все на свѣтѣ: они не были сожалѣнія достойны, стократно повторяя другъ другу взаимно о любви своей, претерпѣвали вмѣстѣ. Увы! Веспасіянъ на престолѣ обладая вселенною не имѣлъ понятія о ихъ благополучіи.

Разговоръ сей Графини Гунтлей гораздо лучшее подастъ объ ней познаніе, нежели всѣ возможныя другія изображенія.

Между тѣмъ Герцогиня Бургонская не теряла изъ виду своего предпріятія, и начинала разсѣя-

вать тайно о проявленіи Герцога Йоркскаго; каждый день новыя подробности увеличивали сей слухъ, расказывали какъ сей Князь избавился отъ рукъ палачей, сожалѣніемъ кое онъ въ нихъ къ себѣ возбудилъ. Говорили что онъ склонилъ ихъ спасти его отъ жестокости Ричардовой, что они ушли изъ башни съ Герцогомъ, и что наконецъ онъ готовился выпти изъ своего убѣжища въ которомъ долгое время былъ какъ бы погребеннымъ. Склонность къ новостямъ и возмущеніямъ царствующая въ Англіи можетъ быть больше другихъ Государствъ съ охотою вѣрила таковымъ переговорамъ; примѣтное неудовольствіе воздвигало знатныхъ особъ противъ Монарха; Онъ унизилъ ихъ облегчивъ иго подъ коимъ стеналъ до того народъ. Къ томужъ родъ подашей, кои онъ собиралъ съ богатыхъ

лю-

людеи производили всеобщее негодованіе, всѣ желали, всѣ призывали отрасля Плантаженетовъ.

Не смотря на благосклонное предубѣжденіе, которое казалось быть предзнаменованіемъ сего рода воскресенія, Варбекъ не давалъ знать себя въ Португаліи: онъ довольствовался возбуждать любопытство; народъ склонный къ чрезвычайному; любитъ извлекать изъ общаго состоянія людей человѣка облеченнаго въ завѣсу тайности; сіе есть одно изъ заблужденій ума человѣческаго, который веселится придаваніемъ благородства мечтаніямъ своимъ. Должно припамятовать такъ же что природа какъ бы согласилась съ симъ молодымъ обманщикомъ для пріобрѣтенія ему общей благосклонности, и что онъ имѣлъ всѣ дарованія нужныя для произведенія великой въ Государствѣ перемѣны.

фріонъ увѣдомлялъ со тщаніемъ Государыню свою о всѣхъ ученика его успѣхахъ. Знатнѣйшіе Лисбонскіе жители спѣшили принять Варбека, которой обладалъ искусствомъ сохранять о себѣ недовѣденіе больше выгодное нежели вредное для его тщеславія: но среди начинающаго окружать его сіянія, онъ незабывалъ обѣщанія Маргериты помогать любви его къ Графинѣ Гунтлей; онъ безпрестанно напоминалъ о томъ фріону, которому страсть сія служила пищею огню имъ возжигаемому, особливо же Варбекъ ввѣрялъ волнующія его восхищенія любезному своему Астлею, сіи сладостныя изліянія усугубляютъ душевныя удовольствія, и сердце жаждетъ дѣлить ихъ съ дружествомъ. Астлей, говорилъ Варбекъ, тверди мнѣ о обожаемомъ мною предметѣ. Постигаешъ ли

 ты

ты чрезвычайность моего благополучія? Обладать тѣмъ что есть для меня любезнѣйшаго въ свѣтѣ.... Но другъ мой развѣ я не могу быть благополученъ безъ помощи безчестнаго обмана? Мысль сія заставляетъ меня роптать на судьбу. Для чего не позволено мнѣ вознестись самимъ собою на мѣсто первѣйшаго въ свѣтѣ Монарха, показать себя таковымъ каковъ я есмь; Варбекомъ, безъ прародителей, безъ знатнаго произхожденія; но величайшимъ изъ смертныхъ, которой обязанъ всемъ благородному честолюбію... Любви, любви! я былъ бы благодѣтелемъ вселенной когда бы щастіе произвело меня на престолѣ. Въ чемъ состоитъ блаженство царей? Они имѣютъ власть дѣлать добро, отирать слезы нещастныхъ, и подавать руку помощи угнетенной невинности; они могутъ оказы-

казывать блистательныя опыты своей нѣжности владѣющему сердцемъ ихъ предмету, возгоржать его своею преданностію, возвышать и воспламенять его душу желаніемъ ему нравиться . . . . Астлей, я достойнѣшій сожалѣнія изъ всѣхъ смертныхъ.

Сей другъ его одинъ изъ употребляемыхъ искуснымъ Фріономъ орудій, и сверьхъ того весьма привязанный къ Варбеку, разгонялъ мракъ его недоумѣній, и обращалъ колеблющійся его разумъ на великое предпріятіе Маргеритино, любовь же въ прочемъ не мало имъ помогала въ ихъ намѣреніяхъ.

Варбекъ не могъ больше жить въ Португаліи, слухи часъ отъ часу умножались и дошло до того что поговаривали тихо что онъ можетъ быть въ самомъ дѣлѣ Графъ Варвикъ, или младой Герцогъ Йоркской. Онъ горѣлъ желаніемъ при-

ближиться къ Шкотландіи. Фріонъ снабденный приказаніями Герцогини, идетъ увѣдомить своего питомца, что все къ отѣзду его изъ Лисбона приготовлено, говоритъ ему что должно для исполненія ихъ намѣренія, переѣхать въ Ирландію. Что наконецъ наступилъ часъ въ которой Герцогъ Йоркскій долженъ показаться свѣту въ приличномъ его особѣ видѣ. И такъ Варбекъ оставляетъ Португалію и приготовляется съ помощію своихъ дарованій съ успѣхомъ играть дѣйствующее свое лице.

Они прибыли въ страну гдѣ стоило имъ только показаться для привлеченія множества поборниковъ. Фріонъ сошедъ на берегъ, вскричалъ: я свидѣтельствую преданность мою Герцогу Йоркскому; имя Варбеково да предастся вѣчному забвенію: я посвящаю услуги мои

истинному Князю достойному занимать первый престолъ въ свѣтѣ. Пойдемъ къ славѣ, друзья мои, продолжалъ онъ говоря Астлеямъ и малому числу людей за ними слѣдующихъ. Низвергнемъ Генриха съ трона, коего онъ не достоинъ, и принесемъ въ жертву похитителя справедливой ненависти Государыни, которая не неблагодарна: награжденія ея будутъ безпредѣльны.

Коркъ былъ первый Ирландскій городъ признавшій Ричарда Плантеженета, втораго сына Едуарда IV законнымъ Государемъ Великобританіи. Герцогъ Йоркскій (ибо съ сихъ поръ мы иначе не будемъ называть Варбека) пишетъ къ Графамъ Килдадскому и Десмондскому, чтобъ склонить ихъ на свою сторону; письмо его было родъ манифеста въ которомъ Князь объяснялъ права свои на Престолъ; Генрихъ VII представляемъ тутъ

 былъ

былъ тираномъ дворянства, и безстыднымъ грабителемъ жертвующимъ всемъ ненасытной своей скупости; все сїе подтверждаемо было подробностями придающими видъ истинны явленїю потомка Йорковъ. Начальникъ сего города котораго по видимому Фрїонъ умѣлъ включить въ число сообщниковъ сей хитрости, употребилъ всѣ старанїя для подтвержденїя сего извѣстїя; безчисленное множество людей ожидающихъ щастїя своего отъ такихъ перемѣнъ, усердно предлагали услуги свои новому Монарху; они уже забыли объ Симнелевымъ обманѣ; ненависть и страсть къ чрезвычайному раждали враговъ низложителю его.

Фрїонъ безпрестанно внушалъ питомцу своему все могущее утвердить его въ дѣйствующемъ лицѣ, коего исполненїе казалось

уже

уже не сомнительнымъ. Я принужденъ съ тобой растаться, сказалъ ему онъ въ одинъ день, но въ скоромъ времени ты присоединишся ко мнѣ; продолжай употреблять въ пользу дарованныя тебѣ природою достоинства; не забывай о предоставляемомъ за то тебѣ награжденіи; помни что ты будешъ обладать обожаемою тобой женщиною. Такое возмездіе стоитъ того, чтобъ дѣлать всевозможныя усилія для пріобрѣтенія престола. Друзья твои съ тобой остаются. Паче всего сохраняй глубокое молчаніе вразсужденіи особы удостоивающей тебя своимъ благоволеніемъ.

Въ то время какъ Герцогъ Йоркскій преклонялъ всю Ирландію на свою сторону, одинъ французъ требуетъ у него тайнаго разговора, и зоветъ его отъ имени своего Государя къ его Двору.

Генрихъ VII. искусенъ будучи въ сниканіи предлоговъ для умноженія своихъ сокровищь, притворяется что намѣренъ объявить войну Франціи, сіе было представить Агличанамъ призракъ, за которой они съ жадностію хватались. Разсматривая произшествіе политическими глазами можно справедливо сказать, что сраженія Поатіерское и Азинкуртское причинили можетъ быть столько же вреда сосѣдамъ нашимъ какъ и самимъ намъ: побѣды сіи обольстили ихъ до такой степени, что завоеваніе Франціею долгое время казалось имъ не трудно. Генрихъ намѣренъ былъ возпользоваться плодами заблужденія Англичанъ. Подъ симъ пріятно ласкающимъ ихъ предпріятіемъ умѣлъ онъ наложить еще подать, которую назвалъ самопроизвольною; онъ простеръ хитрость до того, что вышелъ въ море;

море; и въ началѣ Октября пріѣхалъ въ Кале. ,,Нѣтъ нужды мнѣ, ,,говорилъ онъ, что время къ войнѣ ,,пришло, къ тому же въ одно ,,лѣто не льзя завоевать всей ,,Франціи.,,

Герцогиня Бургонская будучи столько же прозорлива какъ и нескротима во мщеніяхъ своихъ, воспользовалась щастливымъ случаемъ соединяющимъ съ нею необходимо Монарха, врага Короля Англинскаго; Фріонъ по приказанію Маргериты поѣхалъ ко Двору Карла VIII, и умѣлъ возбудить въ семъ Государѣ желаніе видѣть Герцога Йоркскаго.

Не многаго стоило труда исходатайствовать у Карла явнаго покровительства мнимому остатку Дома славнѣйшаго еще своими нещастіями нежели знатностію происхожденія. Сей младой Государь начиналъ оказывать ту геройскую пламенность, которая потомъ занесла

несла его въ поле безчисленныхъ побѣдъ. Страсть къ славѣ почти всегда сопряжена съ великодушіемъ; благородная душа съ радостію исправляетъ недостатки щастія. Воскресить такъ сказать, знатной домъ погребенный подъ бременемъ злощастій, возвести отрасль его на престолъ ей принадлежащій, признать себя предъ лицемъ Европы защитникомъ и мстителемъ нещастнаго Князя изъятаго изъ подъ меча палачева, такъ то мыслили всегда наши Государи, покровители и друзья нещастныхъ царей, а особливо наполненъ былъ Карлъ благороднымъ симъ изступленіемъ коего восторги однѣ токмо великія души ощущаютъ.

Слухъ о чревзычайномъ произшествіи исхитившемъ изъ челюстей смерти столь опаснаго для Генриха совмѣстника, гремѣлъ во всей

Шко-

Шкотландіи; слава въ повѣствованіяхъ своихъ не забыла ни единой черты, коихъ видъ истинности разсыпаетъ соучастіе на малѣйшія подробности; воображеніе разгорячается въ пользу знаменитыхъ нащастливцовъ; предубежденіе дѣлаетъ ихъ Героями и они никогда не кажутся намъ столь храбрыми какъ сражаяся съ нещастіемъ; мы чувствуемъ нѣкоторой родъ удовольствія видя извѣстнаго намъ человѣка борющагося съ злополучіемъ; слѣдуемъ за нимъ сквозь препятствій, сквозь опасностей; и когда онъ все преодолѣваетъ, то мы какъ будто раздѣляемъ съ нимъ побѣду его и славу, сіи то были впечатлѣнія кои Герцогъ Йоркской внушалъ большой части чувствительныхъ душъ и сколь много душа Графини Гунтлей была наполнена симъ похвальнымъ для человѣчества состра-

страданїемъ! Я не знаю какъ назвать то что я чувствую, говорила она своей прїятельницѣ. Образъ младаго Князя избѣгшаго отъ меча убїйцъ своихъ не имѣющаго кромѣ собственной своей храбрости ни какой помощи, сопротивляющагося судбинѣ, которая какъ казалось осудила его умереть во міракѣ темницы, идущаго къ трону съ мечемъ въ рукѣ: такой предметъ изливаетъ въ душу мою нѣкоторой родъ сладострастїя, коего всѣ прочїя удовольствїя произвесть не способны. Повѣришъ ли ты что я иногда ищу уединенїя дабы оплакивать тамъ участь Герцога Йоркскаго? И сколь сладостны сколь дороги мнѣ сїи слезы! По этому сожалѣнїе есть первѣйшее удовольствїе! Для чего не могу я помочь сему столь привлекательному Князю? О другъ мой, я бы съ радостїю пожертвовала ему

всѣмъ

всѣмъ что я имѣю, естли бы симъ можно было возвратить ему тронъ его предковъ! Можетъ быть тщеславіе меня заблуждаетъ, и я почитаю его за великодушное сострраданіе: но я почла бы себя щастливѣйшею изъ смертныхъ когда бы могла помочь Герцогу въ отмщеніи за несправедливость рока. Ахъ! Сольтонъ, я тебѣ уже сказывала, определяемой мнѣ супругъ не испыталъ нещастія, а одни только злополучные любить умѣютъ.

По прибытіи Герцога Йоркскаго въ Парижъ, усердный Фріонъ первый летитъ въ его объятія. Они имѣли продолжительный разговоръ. Фріонъ увѣдомляетъ его какимъ образомъ благодѣтельница его умѣла изъ внутренности чертоговъ своихъ, снискать ему защиту Короля Французскаго, открываетъ ему различныя пути кото-

торыми онъ итти долженствуетъ. Герцогъ наполненный духомъ коего былъ токмо орудїемъ, представляется Королю въ присудствїи всего двора. Никогда питомецъ Фрїоновъ не представлялъ столь хорошо Государя. Карлъ VIII обладающїй въ совершенствѣ великодушїемъ и откровенностїю французскихъ рыцарей здѣлалъ ему весьма ласковый прїемъ, придворные же по обыкновенїю старались въ семъ его превзойти. Хвалили съ восхищенїемъ величественную его походку, благородный и трогательный видъ; нѣкоторой родъ тихой унылости, которая казалась произходящею отъ нещастїя, разливалась по лицу его, и прибавляла еще нѣчто къ его прелестямъ, особливо для глазъ прекраснаго пола коего чувствительность часто доводила до изступленїя и до высочайшей степени Геройства;

Карлъ

Карлъ назначилъ Герцогу жилище во дворцѣ своемъ, называетъ его Герцогомъ Йоркскимъ, и даетъ ему стражу, которой начальникомъ былъ одинъ Лордъ.

Удивленїе, сильное участїе, избытокъ состраданїя возбужденныя врагомъ Короля Англїи, достигли до Лондона. Извѣстно, что молва возрастаетъ въ пути своемъ, и что отдаленность способствуетъ всѣмъ таковымъ мечтанїямъ, призракамъ, съ жадностїю объемлемымъ легковѣрїемъ: больше ста Англичанъ проплываютъ море, спѣшатъ въ Парижъ, между прочими были Сиръ Жоржъ Ревиль и Сиръ Джонъ Тойлордъ.

Каждой день число недовольныхъ Генрихомъ и усердныхъ поборниковъ Ричарда Плантаженета умножалось въ Парижѣ. Французская вѣжливость пекущаяся какъ возможно лучше угощать иностран-

странцовъ, не оставила ничего желать Герцогу Йоркскому; выдумывали для него различныя празднества, въ коихъ вкусъ и великолѣпіе царствовали; онъ заставилъ удивляться искусству своему во многихъ каруселяхъ и получалъ награжденія изъ рукъ имянитѣйшихъ госпожъ какъ красотою такъ и знатностію рода ихъ; старались узнать для чего онъ носилъ зеленую перевязь, и тщились растолковать смыслъ иносначенія изображеннаго на щитѣ его: на немъ представлялся орелъ съ распростертыми крыльями, парящій къ солнцу; въ низу были слѣдующія слова: для него я возвышаюсь.

Увеселенія сіи, великолѣпіе и честь могли бы удовлетворить душу не имѣющую другой страсти кромѣ тщеславія: но Герцогъ Йоркскій былъ влюбленъ смертельно, а предъ любовью все изчезаетъ.

другъ мой, говорилъ онъ часто вѣрному своему Астлею, ты превозносишъ мнѣ благополучїе мое, блескъ мой, твердишъ мнѣ о достоинствахъ, о славѣ, о коронѣ, напоминаешъ мнѣ что одинъ величайшїй изъ всѣхъ Монарховъ, удостоиваетъ меня такимъ принятїемъ, которое бы другїе на моемъ мѣстѣ почли за избытокъ благодѣянїй щастїя. Я не скрою отъ тебя что честолюбїе мое могло бы быть симъ удовольствовано; но сколь гордость слаба предъ любовїю! И можетъ ли сердце мое быть тронуто мечтами сего прекраснаго сна, когда не раздѣляю я ихъ съ Графиней Гунтлей? Но для кого я унизилъ себя здѣлавшись Героемъ басни, которая заставляетъ меня стыдиться въ душѣ моей? И естли Графиня сочетается... Астлей, она принуждена будетъ уступить Королевской волѣ, но что я го-

 во-

ворю? Развѣ до сихъ поръ она пребыла къ любви нечувствительна? Сколь много я заблуждаюсь! Возможно ли съ толикими прелестями не вѣдать власти любви? Она вступаетъ въ союзъ уготованной нѣжностїю. Другъ мой, мысль сїя меня терзаетъ! Я ожидаю отъ тебя одной услуги: поѣзжай въ Шкотландїю и узнай чего могу я надѣяться; ты увидишъ сїю божественную красоту, ты узнаешъ отдала ли она кому свое сердце, и что рука ея...... Увы! Я не желаю быть ея супругомъ, когда не буду ей казаться любовникомъ? Паче всего осмѣлься извѣстить меня о моемъ нещастїи; я отрекусь отъ обѣщанїй рока моего, отъ благодѣянїй Герцогини, отъ всего, отъ жизни; величество, тронъ, существованїе, суть для меня ничто когда не могу я ихъ раздѣлить съ божественною Гунилей. Фрїонъ

фрїонъ горя нетерпѣнїемъ увѣнчать свое дѣло, съ охотою на сїе требованїе согласился. Астлей ѣдетъ въ Шкотландїю, въ намѣренїи ласкать надеждѣ друга своего, коего благополучїе почиталъ онъ несомнѣннымъ. Къ тому же участь обѣихъ сихъ братьевъ зависѣла отъ предпрїемлемой въ Государствѣ перемѣны; дѣло состояло въ томъ, чтобъ упоить молодаго человѣка всѣми заблужденїями могущими подкѣрплять нужное для Герцогини и для нихъ изступленїе.

Генрихъ взирающїй презрительнымъ окомъ на пресмыкающагося въ толпѣ слугъ своихъ Симнеля, получилъ извѣстїе о второмъ мстителѣ Йоркскаго дома съ хладнѣйшимъ пренебреженїемъ; онъ полагался на постоянное свое щастїе, столь хорошо до того ему служившее; Государь сей занимался наиболѣе собиранїемъ сокро-

вищь ; и сїе великое предпрїятїе которымъ онъ угрожалъ Францїи, имѣло цѣлїю ихъ умноженїе. Онъ показывалъ, что хочетъ взять Булонїю, которую держалъ въ осадѣ, думая между тѣмъ только какъ бы заключить выгодный для алчнаго своего сребролюбїя договоръ. И такъ миръ между Францїею и Англїею заключается ; одно изъ первыхъ требованїй Генриха было чтобъ выдать ему Герцога Йоркскаго, коего успѣхи начинали возмущать его спокойствїе : Французской совѣтъ склонился на удовольствованїе въ семъ Государя Великобританскаго. Карлъ возстаетъ съ негодованїемъ : съ коихъ поръ предательство и подлость покрыли насъ срамомъ своимъ ? И совѣты сїи подаютъ мнѣ люди отличенные просвѣщенїемъ и добродѣтелїю ! Что говорите вы мнѣ о политикѣ ! Политика Короля

Французскаго состоитъ въ томъ чтобъ никого не бояться, встрѣчать мужественно непрїятелей своихъ когда они его сражаться заставляютъ; дворъ мой всегда былъ убѣжищемъ нещастныхъ и гонимыхъ Государей. Герцогъ Йоркской бросается въ мои объятїя, подъ симъ почтеннымъ именемъ принялъ я сего иностранца. Пусть онъ въ самомъ дѣлѣ нещастной остатокъ Плантаженетовъ какъ онъ сказываетъ, или дерзко меня обманывающїй, но ктобъ онъ таковъ ни былъ, я не употреблю во зло его довѣренности, пусть узнаетъ до какой степени Французской Король умѣетъ хранить свое слово, и жертвовать чести выгодами своими. Еще разъ, когда могу я предводительствовать тремя стами тысячь Французовъ, тогда я не Политикъ, но Король, и великодушной воинъ; народъ мой под-

 твер-

утвердитъ сїе. Пусть же Генрихъ придетъ со мной сражаться, я ожидаю его безъ робости: но да не надѣется онъ чтобъ я купилъ миръ цѣною моей чести. Когда бъ я иначе думалъ, то не достоинъ бы я былъ повелѣвать такими людьми какъ вы.

Сїи слова тронули всѣхъ предстоящихъ и возбудили въ нихъ удивленїе къ младому Государю, коего душа обнажалась съ такимъ благородствомъ; однако Карлъ въ послѣдствїи принужденнымъ себя нашелъ умѣрить сїи высокїя чувствїя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ разумной Государь долженъ жертвовать своими хотѣнїями и даже славою своею Государственнымъ нуждамъ; выключая честь, и сїе несомнѣнно что Карлъ сохранилъ свою во всей ея непорочности, хотя и нашелся принужденнымъ для заключенїя мира съ Генрихомъ выслать

слать Герцога Йоркскаго; прежде отъѣзда говорилъ онъ съ нимъ на единѣ, и милостиво старался утѣшить его о потерянїи своего блистательнаго покровительства. Выгода моего Государства говорилъ онъ ему, требуютъ твоего удаленїя отъ моего двора; но я не нарушу права гостепрїимства, какъ ласкалъ себя обижая тѣмъ меня твой врагъ, онъ разглашаетъ что ты самозванецъ; естли бъ я имѣлъ на это доказательства, то бы наказалъ тебя, но тебябъ не предалъ; я лучше желаю думать что я далъ убѣжище Герцогу Йоркскому; ты оставишъ съ безопасностїю мое Государство, и въ какомъ бы мѣстѣ не избралъ свое жилище, можешъ полагаться на мою дружбу.

Сїе непредвидимое произшествїе поразило Фрїона; но онъ какъ искусной политикъ умѣлъ скрыть

свое смятеніе даже отъ своего питомца; онъ испросилъ у Короля тайнаго свиданія. Герцогъ Йоркскій впалъ въ уныніе, блистательныя его мечты изчезали, потребно было все искусство наперстника Герцогини Бургонской для оживленія его бодрости. Ты изнемогаешъ отъ сего удара говоритъ ему Фріонъ! По этому ты весьма мало знаешь людей и различныя пружины надъ ними дѣйствующія! Сіе нещастіе послужитъ только къ усугубленію усердія поборниковъ твоихъ къ тебѣ, вѣдай что нещастной Государь бываетъ всегда дороже, что нещастіе кажется будто сообщаетъ особѣ его нѣчто священное, рѣдко получаетъ онъ сію выгоду отъ величества и сана. Злополучіе кажется сравниваетъ всѣхъ смертныхъ чрезъ первоначальный законъ установленный самою природою. Гонимый судьбиною

Государь, можетъ только одинъ ласкаться имѣть вѣрныхъ слугъ и друзей; находятъ нѣкоторый родъ славы во вспоможенїи ему; честолюбїе соединяется съ чувствованїемъ, и склонность подкрѣпляемая тщеславїемъ раждаетъ страсть способную къ величайшимъ геройскимъ подвигамъ. Король Французской принужденнымъ себя нашелъ показать что лишаетъ тебя сильной своей помощи: но естли Государь кажется отъ тебя отрекающимся, вѣрь что Карлъ тебя любитъ и будетъ помогать тайными путями всею своею силою. Онъ далъ мнѣ въ томъ слово. Пойдемъ къ твоей благодѣтельницѣ: разумъ ея изобилуетъ вымыслами, берегись показать ей сїю слабость унижающую всякаго человѣка, въ какомъ бы мѣстѣ или званїи судьба его не поставила; единственно презрѣнїемъ опасностей

и

и препятствій можешь ты удостоиться милостей Герцогининыхъ. Пока станетъ она тебѣ помогать, то будь увѣренъ о благополучіи и о успѣхѣ; сверьхъ же сего не забывай что Графиня Гунтлей...

Герцогъ Йоркскій при словѣ семъ выходитъ изъ унынія своего, прерываетъ Фріона дабы увѣрить его что онъ совсемъ полагается на его совѣты. Предметъ сей обожаемой молодымъ человѣкомъ подобился представляемому намъ баснословіемъ неожидаемому божеству идущему на помощь смертнаго, которой по порядку произшествій долженъ быть угнѣтаемъ злощастіемъ. И такъ Фріонъ съ ученикомъ своимъ оставляютъ безъ шума дворъ Карла и отправляются во Фландрію.

Между тѣмъ Астлей пріѣзжаетъ въ Едимбургъ, видитъ обожаемую другомъ его красавицу и пишетъ къ нему слѣдующее письмо. ,,Не-

,,Непоколебимая твердость духа; терпѣніе въ предпріятіяхъ твоихъ; неутомимая борьба съ злощастіемъ, однимъ симъ преклонишъ ты любовь. Я видѣлъ Графиню Гунтлей; она почти всегда въ деревнѣ, въ глубокомъ уединеніи. Правда что природа прекраснѣе ея ничего не сотворила. Кажется что съ отбытія твоего прелести ея еще приумножились. Сколь много нравится мнѣ въ ней тихая унылость разсыпанная на всѣхъ чертахъ ея, сколь много печаль сія умножаетъ ея красоту! Одинъ взоръ ея производитъ въ душѣ нѣжное нѣкое соучастіе.... Чрезвычайная страсть которую возжгла она въ тебѣ, меня болѣе не удивляетъ, и я прибавляю еще къ похваламъ кои ты ей приписывалъ. Но вотъ что должно побудить тебя къ предпріятію и самаго невозможнаго; повѣришъ ли ты что Графиня не видавъ

давъ еще тебя, расположена платить взаимною любовїю? Приключенїя твои ея къ тебѣ прилепляютъ; она слѣдуетъ за тобою въ твоихъ успѣхахъ; любопытствуетъ узнавать о самомалѣйшихъ подробностяхъ до тебя касающихся. Нѣкогда сказала она съ природною ей одной прїятностїю: говорятъ что всякая женщина должна имѣть своего героя, такъ пусть же мой герой будетъ Герцогъ Йоркской: вотъ другъ мой, пламенныя стрелы для седрца любовничьяго! Ничего еще не слышно о бракосочетанїи ея, и должно думать что она не имѣетъ никакой склонности. Она большую часть времени провождаетъ въ семъ уединенїи, и въ сотовариществѣ никого не имѣетъ кромѣ одной своей прїятельницы преданной ей съ самаго младенчества. Всѣ превозносятъ здѣсь добродѣтель ея

и

и красоту, по всей Шкотландіи носится слухъ о благотвореніяхъ ея; никогда говорятъ не бывало столь чувствительной души. Ты справедливо повторялъ мнѣ толикократно: она не смертная, но божество! Какое возмездіе предстоитъ тебѣ! оно достойно того, чтобъ дѣлать всевозможныя усилія для пріобрѣтенія короны дабы поднести ей оную.,,

Письмо сіе произвело надъ Герцогомъ Йоркскимъ дѣйствіе подобное тому которое бываетъ отъ яснаго свѣта надъ глазами человѣка отъ крѣпкаго сна пробудившагося. Графиня Гунтлей беретъ во мнѣ участіе, вскричалъ онъ! Да, я буду ея герой. Фріонъ, какія еще новыя препятствія противуположитъ мнѣ судьба, я всѣ ихъ превозмогу.

Фріонъ отдаетъ вѣрной отчетъ Маргеритѣ о пребываніи ихъ во Фран-

Франціи, о расположеніяхъ питомца своего; въ тайномъ съ нимъ разговорѣ назначила она день для начатія явленія долженствующаго увѣнчать столь основательно одуманное предпріятіе.

Фріонъ и его питомецъ не показывались еще въ свѣтѣ, какъ вдругъ въ назначенное время сей послѣдней въ сопровожденіи нѣсколькихъ сообщниковъ своихъ требуетъ чтобъ представили его Герцогинѣ; она окружена была великимъ множествомъ Фламандскихъ и Англинскихъ господъ привлеченныхъ туда любопытствомъ быть свидѣтелями столь важнаго свиданія. Маргерита сначала притворилась пораженною чрезвычайнымъ сходствомъ Герцога Йоркскаго съ Едуардомъ IV, потомъ принявъ важной и величественный видъ: — Ты выдаешъ себя за Ричарда Плантажeнета втораго сына брата моего Едуар-

Едуарда? Признаюсь что сходствомъ твоимъ съ нимъ заставляешъ ты меня думать что я вижу и говорю съ племянникомъ моимъ: но сколь мало полагаться должно на обманчивыя сіи подобія: я извѣдала уже чрезъ жестокой опытъ. Подлый обманщикъ уже возпользовался моимъ легковѣріемъ; но получилъ достойное за грубую ложъ свою наказаніе. Сколь много стоило мнѣ выпти изъ сего драгоцѣннаго для меня заблужденія, и сколь много Симнель въ глазахъ моихъ виновенъ.

Герцогъ Йоркскій не смутился отъ словъ сихъ: онъ защищается съ благородною и пріятною твердостію отъ поношенія учиненнаго ему Маргеритою сравнивъ его съ хлебниковымъ сыномъ. Герцогиня продолжаетъ возвыся голосъ: когда такъ, то я въ присудствіи сего собранія и придворныхъ моихъ

кои наибольше имѣютъ опытности и просвѣщенія, подвергну тебя допросу, за коимъ послѣдуетъ поносное наказаніе естли откроется что ты имѣлъ дерзать обманывать меня даже въ чертогахъ моихъ.

Любопытство слушателей усугубляется купно съ щастливымъ предубѣжденіемъ впереннымъ Герцогомъ Йоркскимъ; всѣ глаза, всѣ сердца, естли можно такъ сказать, обратились къ нему; Маргерита яко искусившаяся женщина въ соплетеніи таковыхъ хитростей, обремѣняетъ его вопросами: отвѣты же его безъ сомнѣнія были столь основательны что имѣли всю силу истинны. Маргерита дабы преклонить тѣхъ кои меньше прочихъ были легковѣрны, простерла родъ сего допроса, столь далеко, какъ того требовала ея политика.

Оба актеры столь хорошо сыграли свою роль, что произвели желаемой успѣхъ: не осталось больше ни малѣйшаго сомнѣнія, Маргерита собираетъ плоды съ хитрости своей: возстаетъ съ стремленіемъ, даетъ вольное теченіе слезамъ, кои имѣла искусство проливать къ стати, и бросается въ объятія самозванца: — Такъ это онъ, наслѣдникъ Плантажѣнетовъ Ричардъ Герцогъ Йоркской! Я объемлю моего племянника! О сколь удивительно могущество неба возвѣщается, и сколь ясно показываетъ оно что хощетъ возвести Князя сего на законопринадлежащій ему престолъ, и наказать несправедливость и хищеніе! Такъ, вотъ единая надежда и подпоръ *бѣлой розы*. (*ж*)

Все собраніе возчувствовало тѣ же самые восторги, кои казалось воспламеняли Маргериту; мы ощу-

 щаемъ

щаемъ сладостное удовольствіе когда видимъ что щастіе преклоняется на сторону столь привлекательнаго молодаго человѣка. Князь продолжала Герцогиня, ты не будешъ имѣть кромѣ дворца моего другаго жилища, я знаю почести принадлежащія наслѣднику Англинской короны, и прибавлю къ нимъ пріемъ родственницы желающей раздѣлять съ тобою щастіе твое и злоключенія.

Въ самомъ дѣлѣ Герцогъ Йоркскій получилъ всѣ знаки отличности приличной Государямъ: ему отвели домъ, и стражу изъ тритцати человѣкъ состоящую; разговоры его съ Фламандскими дворянами и нѣкоторыми Агличанами находящимися при дворѣ Ерцгерцога довершили преклонить въ пользу его всѣ умы или лучше сказать всѣ сердца: ибо онъ возбудилъ во всѣхъ сострадательное участіе до изступленія.

Сей

Сей родъ упоенія прешолъ за море: Сиръ Станлей, казначей доходовъ Короля Великобританскаго, Лордъ фицвальтеръ, Сиръ Монфортъ, Сиръ Томасъ Тветсъ, послали къ Маргеритѣ Сиръ Роберта Клифорди и Вильгельма Барлея, чтобъ очевидно судить о истиннѣ; первый же изъ нихъ, подговоренъ ли Маргеритою, или ставъ игрою легковѣрія, написалъ въ Лондонъ къ друзьямъ своимъ, что человѣкъ производившій толикой громъ былъ дѣйствительной самъ Герцогъ Йоркскій сынъ Едуарда IV. Сія вѣдомость разсѣялась и принята съ такимъ стремленіемъ и восторгомъ что извлекла наконецъ Генриха изъ гордаго того спокойствія, въ коемъ погруженъ былъ онъ какъ бы въ крѣпкомъ снѣ; призракъ часъ отъ часу увеличивался и принималъ видъ истинности могущей здѣлаться бѣдственною для Ко-

роля Англинскаго. Тотчасъ обнародовалъ онъ объявленіе Тирреля и Дигтона: они признались что удушили въ башнѣ обѣихъ Князей: Едуарда V и Ричарда Герцога Йоркскаго. Но доказательтсва сіи недовольны были для истребленія басни пріемлемой за истинну и Генрихъ самъ казалось увѣренъ былъ о ихъ слабости. Говорили что онъ силою исторгнулъ сіи столь мало удовлетворительныя признанія. Монархъ разсудилъ прибѣгнуть къ убѣдительнѣйшимъ хитростямъ: онъ разослалъ надежныхъ лазутчиковъ для развѣданія со тщаніемъ о всѣхъ подробностяхъ касающихся до жизни, воспитанія и рожденія мнимаго Ричарда Плантаженета, также о именахъ всѣхъ помогающихъ ему въ Англіи. Генрихъ симъ не удовольствовался: и дабы отвратить всякую недовѣрчивость, то помѣстилъ въ число

вра-

враговъ Королевскихъ по обыкновенію тѣхъ временъ, сихъ самыхъ лазутчиковъ на коихъ онъ показывалъ притворно что имѣетъ причину жаловаться: ихъ изключили изъ числа сыновей церькви Святаго Павла, и Монархъ сей не поколебался преступить законъ въ наисвятѣйшихъ его преимуществахъ употребляя таинство исповѣданія для точнѣйшихъ розысковъ о мнимомъ сынѣ Едуарда IV и его соучастникахъ; несмотря на то, нѣкоторыя писатели не устыдились похвалять его набожность.

Генрихъ, не остановился на разсыпаемыхъ въ народѣ подробныхъ извѣстіяхъ касающихся до жизни и приключеній его совмѣстника: но подвелъ другія пружины, кои произвели вернѣйшій успѣхъ: Клифордъ преклоненный паки хитростями его, очернилъ себя еще ужаснѣйшею первой измѣною. Герцогиня

Бургонская преступивЪ противЪ той глубокой политики, которая казалось до сего ее безпрестанно сопровождала, забыла что съ изменниками должно всегда быть осторожну, опустясь въ нескромную довѣренность, имѣли слабость объявить Клифорду главнѣйшихЪ заговорщиковЪ держащихЪ въ Англіи сторону бѣлой розы. Сей подлый предатель, бросился съ запискою о именахЪ ихЪ кЪ Королю и получилЪ за сію измѣну себѣ прощеніе. ОнЪ былЪ причиною множества жертвЪ погибшихЪ на Ешафотѣ, между коими находился и Станлей, который не взирая на то что былЪ братЪ Графа Дерби, тестя Королевскаго, попалЪ въ сіи хитросплетенныя сѣти помрачившія на всегда память сего Государя. СЪ другой стороны Фламандцы, торговлѣ коихЪ великій вредЪ причинялЪ разрывЪ союза между

между Лондонскимъ дворомъ и Герцогомъ, требовали чтобъ выслать изъ Нидерландовъ виновника Генрихова неудовольствія. Маргерита казалась быть не чувствительною къ симъ народнымъ воплямъ; но принуждена была уступить прозьбамъ молодаго человѣка, который распаленъ будучи сильнѣйшею страстїю горѣлъ нетерпѣнїемъ видѣть себя въ Шкотландїи. Астлей увѣдомилъ его что Іяковъ не взирая на обѣщанїя данныя имъ Герцогинѣ готовился выдать свою питомицу за родственника Короля Датскаго. Какая громоразительная вѣсть для Герцога Йоркскаго, онъ бѣжитъ къ Маргеритѣ, показываетъ ей письмо друга своего, проливаетъ слезы и бросается къ ея ногамъ. Сїя Государыня откладывавшая производство своего предпрїятїя до благосклоннѣйшихъ тогдашняго времянъ, уступаетъ его

прошенїямъ: даетъ войски, корабли, и фрїонъ яко первый двизатель сего великаго дѣла принимаетъ въ тайнѣ приказъ своей Государыни не отставать отъ своего питомца. Герцогъ желалъ чтобъ какое блистательное дѣйствїе предшествовало прибытїю его къ Шкотландскому двору. Они останавливаются не далеко отъ Сандвича въ провинцїи Кентъ, но храбрость одного и искусство другова не предуспѣли въ предприемлемомъ ими: жители сей провинцїи не только не приняли ихъ сторону; но еще старались какою нибудь хитростїю заманить ихъ и овладѣть ими. фрїонъ увидѣлъ разставленную имъ сѣть; они удалились: малое число ихъ воиновъ сшедшихъ на берегъ было порублено, оставлено было изъ сего количества только сто пятдесятъ, коихъ повѣсили на виси-

лицахъ здѣланныхъ по берегамъ провинцїй Кентской, Суссекской и Нольфолькской.

Щастїе не оказалось имъ благосклоннѣе въ сей разъ въ покушенїяхъ ихъ на Ирландїю. Кавалеръ Едуардъ Пойнингсъ ровно способный къ войнѣ и къ народоправленїю, бывъ предводителемъ въ семъ Королевствѣ подъ начальствомъ вторагo Генрихова сына, утушилъ всѣ искры бунта могущїя произвести великое пламя. Должно думать говорилъ Герцогъ Йоркскїй, коего нещастїя не приводили въ замѣшательство, что щастливѣйшая сей участь ожидаетъ насъ въ Шкотландїи: поспѣшимъ туда, можетъ быть любовь вознаградитъ насъ за строгости судьбины...

Графиня Гунтлей готовилась заключить союзъ которой почитала до сего отдаленнымъ. Тутъ по-

почувствовала она всю тяжесть оковъ на нея налагаемыхъ. Супругъ коего ей назначали, былъ богатъ, знатенъ; но сколь мало выгоды сіи трогаютъ душу, не знающую другихъ удовольствій кромѣ тѣхъ, кои чувствительность производитъ! и сколь сходственность сердецъ и взаимная нѣжность выполняютъ желанія сей столь трудно могущей быть удовлетворенною чувствительно. Увы! говорила Графиня пріятельницѣ своей, не былали бы я слишкомъ благополучна когда бы могла жить и умереть въ томъ независимомъ положеніи въ которомъ я была повелительницею самой себѣ? Естли сердце мое искало но не находило предмета достойнаго привязанности; то по крайнѣй мѣрѣ наслаждалась я утѣшеніемъ не быть принужденною притворяться и облекать сердце мое въ чувство-

ствованія коихъ никогда оно не будетъ имѣть къ тирану, подъ власть коего меня подвергаютъ. Не любовь насъ съ нимъ сопряжетъ, но власть Королевская; странныя пристойности, жестокая политика. Другъ мой! какая участь готовится Графинѣ Гунтлей, и сколько разъ негодовала я на свое знатное рожденіе коего буду жертвою.

День въ которой надлежало совершаться браку насталъ: при Дворѣ Шкотландскомъ дѣлаютъ приготовленія къ блистательному торжеству; между тѣмъ Графиня погружена была въ глубочайшую печаль, которая придавала красотѣ ея новую пріятность; она была съ Королемъ, который читалъ письма отъ Графини Бургонской, какъ Герцогъ Йоркскій прибывъ въ Единбургъ проситъ свиданія у сего Монарха.

Пусть представятъ себѣ молодаго человѣка двашцати двухъ лѣтъ, соединяющаго тьму наитрогательнѣйшихъ прелестей съ благородною и величественною осанкою, коего одинъ шокмо видъ разсыпалъ не изъяснимое нѣкое притяженiе покоряющее ему сердце и вперяющее сильное желанiе быть съ нимъ безпрестанно, его слушать, быть отъ него примѣчену, и наконецъ нравиться ему; пусть прибавятъ еще къ симъ драгоцѣннымъ дарамъ природы окружающее его великолѣпiе, коему казалось нещастiе придавало еще больше важности, и тогда получитъ слабое изображенiе очарователя, (ибо имя сiе можно дать Герцогу Йоркскому,) представшаго глазамъ Короля Шкотландскаго, а особливо глазамъ Графини Гунтлей. Стремительное смятенiе объяло ея чувства; поражена какъ бы

бы громовою стрѣлою, съ трудомъ можетъ она взирать на своего побѣдителя, она зритъ его какъ бы сквозь облако; ноги насилу могли здержать ее; она почувствовала всю силу любви. Молодой человѣкъ уже видитъ ее и раздѣляетъ съ нею скоропостижное сїе волненїе; уже готовится пасть къ ногамъ ея, какъ Фрїонъ остановляетъ нескромныя его восторги и даетъ ему примѣтить Короля простирающаго къ нему руку. Герцогъ начинаетъ говорить: произведенное имъ очарованїе увеличивается: сколь стремительно душа Графини летитъ на встрѣчу его рѣчамъ! Какой сильной пламень разгарается въ груди ея! пламень страсти до сего ей неизвѣстной! Какими стрѣлами поражается сердце ея при повѣствованїи Герцогомъ нещастїй его съ тѣмъ благороднымъ видомъ, который содѣ-

лывалъ важными малѣйшія его слова; всякое его изрѣченіе начертывается на томъ сердце коего сталъ онъ самовластнымъ повелителемъ. Прекрасная Гунтлей даже не въ силахъ была сокрыть отъ него слезъ своихъ.

Іяковъ не дождавшись окончанія его повѣсти уже сталъ предубежденъ въ его пользу; нетерпѣливо желаетъ защищать его; и даетъ свое царское слово возвратить ему престолъ. Для показанія же что онъ здается совершенной истиннѣ, сбираетъ совѣтъ, и приказываетъ повторить предъ нимъ, нещастія претерпѣнныя Йоркскимъ домомъ. Письма Короля Французскаго и Короля Римскаго, внушили уже въ Іякова сильное предубѣжденіе въ пользу Генрихова совмѣстника. Совѣтъ ощутилъ тѣже влїянія какъ и Государь его: Герцогъ Йоркскїй привлекъ и воспла-

спламенилъ все. Не было ни одного фламандца который бы не объявлялъ себя защитникомъ и другомъ его.

Графиня Гунтлей бѣжитъ къ вѣрной своей Сольтонѣ и бросается въ ея объятія: — Я его видѣла... Нѣтъ ничего прелестнѣе... Сердце мое отдалось ему на всегда. Ахъ сколько я нещастна! — Объ комъ ты говоришъ, любезная Графиня? Можешъ ли ты меня о томъ спрашивать! развѣ ты не знаешъ что Герцогъ Йоркскій сюда пріѣхалъ? Какой благородной и поразительной видъ! сколь много тронуло меня повѣствованіе о злоключеніяхъ его, но какіе чувствія вселилъ онъ въ меня? Ахъ Сольтона, Сольтона могу ли я въ нихъ обманутся, я люблю, и чувствую что ничто не возможетъ побѣдить страсть мою! Какимъ злощастнымъ дѣйствіемъ судьбы

Князь сей предсталъ моимъ взорамъ, въ ту самую минуту какъ готовились влещи меня къ олтарю подобно жертвѣ. Я не пойду Сольтона, не пойду.... Увы! я уже и безъ того слишкомъ была сожалѣнія достойна! а теперь чтобъ могло сравниться съ моими мученіями? Невѣрность, лжеклятвіе, омерзеніе къ супругу и къ себѣ самой! могу ли обѣщать любить другаго, когда сердце мое...... Одного мгновенія довольно было чтобъ родить во мнѣ сію терзающую меня страсть! О Генрихъ, сколь много я тебя ненавижу! для чего не могу я низвергнуть тебя съ престола и возвесть на него своею рукою..... то что я обожаю, да что меня теперь единственно занимаетъ, оживотворяетъ; я не вижу и не слышу ничего кромѣ Герцога Йоркскаго; очаровательной голосъ его раз-

даетса

даетсся еще въ моемъ сердцѣ; онъ предъ глазами моими; душа моя наполненная его злоключенїями, почитаетъ ихъ своими....... И такъ нашла я наконецъ тотъ предметъ, коего существованїя столь упорно требовало мое воображенїе, или лучше сказать чувствительность моя! все то чего она желала, нахожу я совокупленнымъ въ Герцогѣ Йоркскомъ! Но до чего доведетъ меня сїя склонность; сїе упоенїе разлившееся по всѣмъ моимъ чувствамъ? Судьба моя рѣшилась, Король изрекъ смерть мою, расположа моимъ замужствомъ.... Но оно не совершилось еще; я буду имѣть твердость отринуть жестокое иго на меня налагаемое, пойду повергнусь къ ногамъ Государя, пролью предъ нимъ токи слезъ; открою ему все; онъ увидитъ любовь мою, горесть, отчаянїе; не уже ли будетъ онъ

 столь-

столько немилосердъ что потребуетъ таковаго отъ добродѣтели моей усилія; ахъ, другъ мой, я лишилась разсудка, лишилась всей власти надъ собою; я предалась совсемъ слабости моей. Пусть Герцогъ Йоркской восходитъ на тронъ; пусть будетъ онъ благополученъ: хотябъ щастіе его стоило моей жизни, я умру благословляя свою судбину. Слишкомъ много чувствую я что истинная любовь все позабываетъ и что нѣтъ для нея труднаго пожертвованія.

При сихъ словахъ пролила она слезы. Герцогъ Йоркскій ощущалъ волненіе еще сего жесточае. Пусть вспомнятъ, что безъ Фріоновой осторожности готовъ онъ былъ броситься къ ногамъ Графини Гунтлей; глаза его, вся его душа къ ней устремились; красота ея показалась ему несравненно поразительнѣе, нежели какъ въ пер-

вое его въ Шкотландіи пребываніе. Что же онъ тогда возчувствовалъ, когда Астлей извѣстилъ его о приготовленіи ея къ бракосочетанію! — За тѣмъ ли я сюда пріѣхалъ чтобъ быть свидѣтелемъ такаго ужаснаго зрѣлища! прилѣжно ли ты ея разсмотрѣлъ Астлей? Признайся что не льзя имѣть больше прелестей; сколь много усовершенствовались онѣ! какая красота! Ахъ! божественная Гунтлей, я умру у ногъ твоихъ; ты узнаешъ сколько я тебя обожаю, узнаешъ что я жилъ до сихъ поръ только на то чтобъ покланяться тебѣ какъ тайному божеству къ которому я устремлялъ всѣ свои желанія.... Астлей, какіе же благодѣянія хочетъ оказать мнѣ Герцогиня, когда то, что одно только меня воспламеняетъ, у меня похищается? Ты говоришъ о томъ союзѣ который готовъ.... Нѣтъ

онъ не совершится, или окровавлю я торжество..... Герцогиня хочетъ возложить на меня корону; но я отрекусь отъ Королевства Англинскаго, когда не возмогу раздѣлить его съ прелестною Гунтлей? Что я говорю? Какое несравненное удовольствіе возчувствовалъ бы я повергая скипетръ мой къ ея ногамъ, и повторяя ей стократно: о владычица моя, царствуй надъ моими подданными и надъ всей землею, такъ какъ царствуешъ ты надъ моимъ сердцемъ; подавай уставы: я у ногъ твоихъ готовъ принимать ихъ; я твой любовникъ, твой обожатель, твой послушнѣйшій невольникъ; твой взоръ одинъ не сравняю я съ сокровищами цѣлаго свѣта. Астлей, что есть честолюбіе безъ любви? И что тронъ безъ Графини Гунтлей? (Увидя Фріона) Маргерита мнѣ обѣщала.... А сегодни

дни Графиня идетъ въ объятія другаго... Я умираю стократно при семъ напоминовеніи. А ты, которой столько меня любишь, ты которой почти меня создалъ, возми назадъ свои благодѣянія; позволь мнѣ возвратиться паки во мракъ, погрузиться въ ничтожность, въ смерть, естли сіе сочетаніе необходимо.... Я не стыжусь припадать къ ногамъ твоимъ, омывать ихъ слезами; я здѣлаю все что отъ меня потребуютъ; но.... По крайнѣй мѣрѣ хотябъ отсрочили сей несносной бракъ.... Онъ не совершится.....

Горесть овладѣвшая имъ пресекаетъ его слова; Фріонъ его подъемлетъ, обнимаетъ, и даетъ ему слово просить Короля о здержаніи даннаго имъ Маргеритѣ обѣщанія.

Государь прилепляясь часъ отъ часу болѣе къ молодому человѣку,

твердо намѣренъ былъ поддерживать его всѣмъ своимъ могуществомъ.

Герцогъ Йоркскій прогуливаясь въ одинъ день въ дворцовыхъ садахъ, искалъ уединенія. Не рѣдко любовники и честолюбцы находятъ великое удовольствіе въ размышленіяхъ. Онъ остановился при видѣ розовыхъ кустовъ, коихъ цвѣтъ и благоуханіе казалось ласкали его задумчивости; ни одна истинная страсть не бываетъ безъ сей сладостной унылости составляющей прелесть чувствія, и главнѣйшее его наслажденіе. Герцогъ садится на дерновой скамьѣ находящейся во внутренности кустарника: тамъ предается онъ со всемъ склонности той, отъ которой произтекали всѣ мученія и утѣхи его жизни: держа въ рукахъ начертанное имъ изображеніе Графини, обливалъ слезами сей

образъ

образъ, къ коему зрѣнїе его казалось быть прикованнымъ. Да, божественная Гунтлей, говорилъ онъ: внемли клятвы любви которая вмѣстѣ со мною истребится; вотъ обожаемыя мною черты, впечатлѣнныя на всегда въ моемъ сердцѣ, и не прежде можно исторгнуть ихъ оттолѣ, какъ пронзивъ тьмою ударовъ сїе сердце надмѣру чувствительное! Сколь наполнено оно пламенемъ своимъ! Сколь люблю я тебя, о обладательница всѣхъ чувствъ моихъ! А ты можешъ ли сопрящись съ другимъ и любить его!.... Милый образъ, прими тысячу поцѣлуевъ моихъ, прими слезы мои, душу, жизнь.... Не хочу больше слышать о царствованїи....

Вдругъ нѣкоторой родъ стенанїя пронзаетъ слухъ его: онъ возстаетъ съ поспѣшностїю, бѣжитъ къ тому мѣсту откуда стонъ

 произ-

произшелъ; какое зрѣлище представляется его глазамъ! Почти лишившаяся чувствъ женщина, въ объятіяхъ другой старающейся подать ей помощь.... Пусть представятъ состояніе Герцога Йоркскаго! Онъ узнаетъ Графиню Гунтлей, и бросается къ ногамъ ея: — Ето вы сударыня, ето вы! Ахъ! Князь вскричала Графиня, открывъ прекрасныя глаза свои, и обращая ихъ съ тихою томностію на Герцога Йоркскаго, какая странная судьба завела тебя въ сіи мѣста! Я пришла сюда размышлять.... Въ какое время!.... Встаньте, подите, оставьте меня одну..... А ты другъ мой, дай мнѣ свою руку и... поспѣшимъ удалиться.... Князь я все слышала, и... къ своему нещастію.— Къ вашему нещастію сударыня! Пусть буду я злополучнѣе, пусть умру, но хочу чтобъ вы познали всю власть

вашу надъ нещастнымъ Герцогомъ Йоркскимъ. Знайте что онъ былъ уже въ Шкотландіи, не давая знать себя. Лишъ только я васъ увидѣлъ, то возчувствовалъ что любовь начала раздирать мое сердце, я носилъ по всюды пожирающій меня огнь; нѣжность моя испытывала начертать сей образъ который былъ глубоко впечатлѣнъ въ моей душѣ; я безпрестанно говорилъ съ изображеніемъ симъ, которое есть предметъ моего обоженія и любви страстнѣйшей и чистѣйшей; увы! Еще и въ самую сію минуту орошалъ я его моими слезами. Я выхожу изъ бездны горестей. Я хочу загладить нещастія дома моего, и возвратить принадлежащее мнѣ мѣсто: но прекрасная Гунтлей, что будетъ для меня тронъ, когда ты на него не взойдешъ со мною? Я ничемъ не заслужилъ любви твоей?...

Ты

Ты не откажешъ мнѣ въ сожалѣнiи твоемъ : по крайнѣй мѣрѣ отсрочишъ ты бракъ свой .... Какъ, возможно ли, чтобъ ты вступила въ сей союзъ! Не хочу больше слышать о мщенiи, о славѣ, о скипетрѣ : судьба моя рѣшена ; не престолъ меня ожидаетъ, но гробъ; онъ разверзается подомною въ Шкотландiи и у ногъ твоихъ сударыня. Я не пойду далѣе прекращать несносное мое бытiе, естли должно мнѣ отъ тебя отрещися.....— Ты меня любишъ Князь! Но чтожъ говоришь мнѣ о Престолѣ ? Я не могу болѣе .... Сольтона, удалимся изъ сихъ мѣстъ.— Какъ! сударыня, не ужель вы ко мнѣ нималѣйшаго сожалѣнiя не чувствуете!....— Я ничего не могу тебѣ сказать ; сожалѣй обо мнѣ... Прости.... Ахъ почто гонящая меня судьбина завела въ сiи мѣста ? ... Я хотѣла бы не

знать

знать.... Я буду стократно нещастнѣе тебя: — Ты меня оставляешъ, сударыня! Ты пронзаешъ мое сердце, ты удвоиваешъ мои мученія, или лучше сказать, ты одна причиною оныхъ!... Она больше меня не внимаетъ.

Герцогъ Йоркскій бѣжитъ къ Астлею идущему къ нему съ такою же поспѣшностію: Я погибъ: я все сказалъ Графинѣ, и не знаю надѣяться ли мнѣ или бояться.... Можетъ быть любовь моя ей противна. Не о томъ теперь тебѣ надлежитъ мыслить, прерываетъ Астлей; я тебя искалъ: самъ Король приказалъ мнѣ привести тебя во дворецъ; фріонъ съ нимъ.

Графиня возвратясь въ комнаты свои, бросается въ кресла, обливаясь слезами: — Сольтона — любезная моя Сольтона; что я здѣлала? Герцогъ Йоркскій.... Ахъ! онъ знаетъ что я его люблю. Я не

не въ силахъ болѣе скрывать нещастную страсть мою; стыдъ послѣдуетъ за моею слабостїю, и заблужденїе мое!... Въ самый сей часъ готовится цѣпь..... Смерть моя предупредитъ жестокой сей союзъ. Но, Сольтона, скажи, не слишкомъ ли рокъ мой злополученъ! Я любима не сравненнымъ ни съ кѣмъ Княземъ; ты ето слышала: нѣжносшь его можетъ быть и мою превосходитъ, а я бы здѣлалась виновною, естлибъ открыла ему чувствїя..... которыхъ онъ столько достоинъ. Какая жестокая неволя удручаетъ полъ нашъ! какъ всегда таить, скрывать и истреблять наши восторги: сколь много, говорю я еще разъ, странна и непонятна моя участь! Я нашла сердце, искомое моимъ, и къ которому душа моя стремилась, Сольтона.... Любовь сїя содѣлала бы мое верховное

бла-

блаженство! Герцогъ Йоркскій меня любитъ; открываетъ мнѣ любовь свою; и клянется въ ней у ногъ моихъ!.... Развѣ имѣетъ онъ нужду въ діадимѣ для полученія моего сердца? Не сынъ Едуарда, не наслѣдникъ престола Англіи, не Герцогъ Йоркскій меня пленяетъ; но привлекательнѣйшій и любви достойнѣйшій изъ смертныхъ; постигаешъ ли сколь велико было бы мое блаженство, естлибъ Король далъ мнѣ такого супруга? Дѣлить его нещастія, жить съ нимъ на краю вселенныя, заниматься токмо единою нашею нѣжностію, существовать только для того чтобъ часъ отъ часу усугублять любовь нашу: вотъ удовольствія.... которыхъ я никогда вкушать не буду. Еще бы сноснѣе для меня было, когда бъ имѣла я свободу изливать въ сердце твое мои слезы, когда бы

я

я отъ самой себя токмо зависѣла, и питала бы горесть свою такимъ чувствїемъ которое хотя безъ надежды, но довольно было бы для услажденїя мукъ моихъ.... Тщетно употребляла ты свои совѣты и усилїя: да, я пойду къ Королю; онъ не будетъ столько жестокосердъ чтобъ приказать влещи меня къ олтарю; онъ возвратитъ меня мнѣ самой, и по крайнѣй мѣрѣ я возмогу жить и о посвятить послѣднїй вздохъ мой сему Князю.... Почто послѣднїя мои взгляды не возмогутъ видѣть его на престолѣ! Жестокая прїятельница! ты меня привела въ сей столь бедственный садъ! Я любила, горѣла.... обожала.... невѣдая еще всѣхъ своихъ нещастїй: я любима, любима; я удвою злополучїя человѣка достойнѣйшаго быть щастливымъ, а моя свобода, участь и жизнь не въ моей состоятъ власти!

Герцогъ Йоркскій пришелъ къ Королю: Государь какъ скоро его увидѣлъ, такъ сказалъ ему съ милостію, и подавая ему руку: Подойди, Князь, я хочу начать оказывать тебѣ знаки моего къ тебѣ участія; я писалъ къ Герцогинѣ Бургонской что отсрочу бракъ Графини Гунтлей; Государственныя причины принуждали меня нѣкоторымъ образомъ, возвратить свое слово: но Фріонъ извѣстилъ меня что ты чувствуешъ къ Графинѣ Гунтлей страсть съ которой сопряжено твое блаженство, намѣреніе же мое есть въ томъ тебѣ помогать, не взирая на сильныя неудобства, уступаю удовольствію явить тебѣ сіе первое свидѣтельство моей благосконности; прими изъ рукъ моихъ Графиню въ супругу. Я не сомнѣваюсь чтобъ она не согласовалась въ томъ съ моими желаніями; ты тотчасъ ея увидишъ; я за нею послалъ.

Герцогъ, восхищенный радостїю, хочетъ изъяснить свою благодарность; но голосъ его прерывается, и въ безмолвїи бросается онъ почти безчувственъ къ ногамъ Государя. Графиня входитъ опасаясь что Іяковъ призвалъ ее только для заключенїя несноснаго для нея союза: но какая неизъяснимая перемѣна послѣдовала въ ней, какъ услышала она что говорилъ ей Король: вы видите, сударыня, Герцога Йоркскаго, какъ бы удрученнаго избыткомъ ее нещастїя; онъ любитъ васъ смертельно и я нарекаю его вашимъ супругомъ; не думаю я, чтобъ противно было вамъ сїе сопряженїе: преданность Князя сего должна быть лестна для Графини Гунтлей; я прикажу приготовлять все нужное къ вашему сочетанїю . . . . Фрїонъ, присудствїе мое можетъ быть ихъ смущаетъ; пойдемъ займемся предме-

метомъ долженствующимъ слѣдовать за празднествомъ симъ.

Графиня стояла подобно какъ громомъ пораженная; Герцогъ Йоркскій выходитъ, естли можно такъ сказать, изъ очарованія своего. Правда ли сударыня, что позволено мнѣ упасть къ ногамъ вашимъ, и говорить вамъ о любви моей! Не пожертвованія ли требуетъ тѣмъ Король отъ божественной Гунтлей? Ахъ! пусть лучше за сію цѣну...— Князь, безполезно скрывать отъ тебя:... Я вкушаю сладчайшее удовольствіе открывая тебѣ все; познай всю чрезмѣрность любви моей: знай что еще не видавъ тебя, отдала тебѣ мое сердце; нещастія твои извлекали изъ глазъ моихъ слезы; то было не сожалѣніе, я нынѣ слишкомъ ясно это вижу, то была любовь, да любовь, и любовь нѣжнѣйшая воспламеняющая меня къ нещастному

му Герцогу Йоркскому; суди о моихъ восторгахъ.... Вотъ сердце то, которое предупредило изволенія Короля, которое горѣло соединиться съ твоимъ; ты будешъ мой супругъ, мой любовникъ, ты будешъ все то что можетъ быть для меня драгоцѣннаго на свѣтѣ; ахъ! любезный Князь!

Герцогъ съ стремленіемъ бросается на ея руку, покрываетъ ея тысячью поцѣлуевъ, орошаетъ тѣми слезами, кои извлекаетъ упоеніе чистѣйшаго сладострастія: — ты принимала участіе въ моихъ злоключеніяхъ, они трогали тебя! Я былъ любимъ! Я буду твоимъ любовникомъ: да, прелестная Гунтлей, я буду жить только для того, чтобъ обожать тебя какъ вышнее и единое божество мое; располагай моей судьбою; воспламеняй храбрость мою; и для кого хочу я пріобрѣсти тронъ? Для воз-

возведенія на него, добродѣтели, красоты, прелестей, самую любовь, все что я обожаю.... (Онъ возстаетъ съ стремленіемъ) трепещите гордые враги, познайте повелителя своего. Но сколь еще корона недостаточна къ посвященію владычицѣ моей преданностей ея достойныхъ.

Астлей прерываетъ разговоръ сей и вручаетъ Герцогу Йоркскому записку отъ Фріона; Графиня спѣшитъ къ своей пріятельницѣ, чтобъ извѣстить ее о новой своей участи. Герцогъ вскорѣ летитъ къ ней: — Ахъ сударыня сколь несносны будутъ для меня минуты тѣ, которыя долженъ буду я провождать розно съ вами отвлекаемъ заботами и стараніями о достиженіи величества; но жестокое размышленіе разрушаетъ все мое блаженство: вы любите Герцога Йоркскаго; я буду обязанъ рож-

денію и сану, чувствіями тѣми, которыми вы удостоиваете платить мнѣ: но не можете ли вы отдѣлить меня отъ всего окружающаго меня? Я бы хотѣлъ, удостойться нѣжности вашей, горящимъ тысячью огнями сердцемъ моимъ, но не тщетнымъ тѣмъ блескомъ которой увы, слишкомъ для меня чуждъ. Хочу чтобъ видѣла ты во мнѣ любовника страстнѣйшаго, нѣжнѣйшаго, а не Князя, и не сына Едуардова. Прелестная Гунтлей, развѣ любовь имѣетъ нужду въ титулахъ, въ знатномъ произхожденіи, въ коронѣ, къ содѣланію верьховнаго нашего блаженства? Развѣ одной только истинной страсти для сего не довольно? Что же до меня касается, то чувствую, что тебя одну обожаю, что предпочту одинъ взглядъ очаровательныхъ глазъ твоихъ обладанію всею вселен-

ленною, что хотябъ природа произвела тебя въ самой низкости, то бы и тогда избралъ тебя владычицей моего сердца. Ахъ! для чего не могу жертвовать тебѣ царевнами, богинями! Еще разъ, испрашиваю у тебя сей милости: скажи, повтори что не Герцога Йоркскаго преданность тебя тронула, но любовника твоего: — Князь... — Ахъ сударыня какъ несносно мнѣ ето названіе! естли бы не былъ я Князь... — Разборчивость ета лестна для меня: нѣтъ не думай чтобъ блескъ рожденія твоего мѣшался въ склонность мою къ тебѣ которую открывать я не стыжуся: нещастія твои были первыя стрѣлы любви меня поразившей и наносящей мнѣ теперь столь глубокія раны. Я уже тебѣ сказала: нѣжность та которую называла я состраданіемъ питалась моими слезами. Я тебя

увидѣла и познала наконецъ все могущество страсти отъ которой ожидаю я всѣхъ утѣхъ жизни моей. Какова бы не была участь твоя, будь увѣренъ что твоя супруга будетъ всегда болѣе и болѣе къ тебѣ привязана. Степь и супругъ мой, и я буду довольна своей судьбою.— Обоженія достойная женщина, повтори сіи прелестныя слова: они на всегда начертались въ душѣ моей. Для чего не возможно выразить столько любви? Но упоеніе въ которое погружено сердце мое говоритъ тебѣ вмѣсто изреченій, чувствуешъ ли все то что мнѣ внушила?

Герцогъ Йоркскій увидѣлъ Астлея. — И такъ другъ мой! я на верху моихъ желаній, я любимъ Графинею Гунтлей, любимъ всѣмъ тѣмъ, что сердце мое обожаетъ; но ужасная горесть разливаетъ ядъ свой на мое блаженство!

ство! Астлей, подъ какимъ именемъ могъ я ей понравиться; Кому Графиня даетъ свою руку и сердце? Жалѣй меня, я... нещастнѣйшій изъ смертныхъ!... Астлей, вижу что несносно мнѣ будетъ быть обязаннымъ измѣнѣ, тѣмъ что бы получить я хотѣлъ избыткомъ любви моей, нѣтъ никогда не буду я въ состояніи наслаждаться за сію цѣну щастіемъ, которое не отрекся бы я пріобрѣсть подвергая жизнь свою всѣмъ опасностямъ! Увы! Почто Варбекъ не въ самомъ дѣлѣ Герцогъ Йоркскій.

Онъ проливалъ слезы; нося повсюды смятеніе волнующее его душу; замѣшательство его усугублялось въ присудствіи Графини. Изъ груди его вырывались вздохи, стенанія; внезапу изъ страстнѣйшихъ восторговъ погружался онъ въ глубочайшее уныніе; оставлялъ поспѣшно обожаемую имъ женщину и воз-

вращался вскорѣ повергнуть себя паки къ ногамъ ея. Она вопрошала его о причинѣ смятенія гонящаго его повсюды: въ отвѣтъ произносилъ онъ несвязныя слова прерываемыя рыданіями и слезами. Постигаешъ ли ты странность судьбы моей, говорила Графиня своей пріятельницѣ? Я нѣкоторымъ образомъ любила уже Герцога Йоркскаго не знавъ и не видавъ его; была готова вступить въ ненавидимой мною союзъ; онъ сюда пріѣзжаетъ; я слышу что онъ любитъ меня; наконецъ Король соглашается сочетать насъ; мнѣ не остается ничего желать болѣе, а онъ готовясь быть моимъ супругомъ, ощущаетъ не непостижимое волненіе! Когда говорю я ему объ моей нѣжности, увѣряю его что она будетъ всегда одинакова; когда видитъ онъ всю любовь мою, въ сіе то время, безпорядокъ его

вол-

волнующій усугубляется! Онъ хочетъ говорить со мною, но голосъ его теряется въ рыданіяхъ! Сольтона, какъ я нещастлива! Герцогъ.... Какая ужасная мысль во мнѣ раждается! онъ меня не любитъ! Политическія выгоды можетъ быть понуждаютъ его къ сему союзу...... Не любовь совершитъ его! но почтожъ я такъ мучительно заблуждаюсь? Развѣ не мы застали его въ кустарникѣ? Развѣ не слыхали мы словъ его! Нѣтъ, онъ не способенъ къ притворству; не льзя оказывать столько нѣжности тому, кто ее въ самомъ дѣлѣ не ощущаетъ; онъ любитъ меня.... Къ чему же столь противорѣчущія движенія? Не скрываетъ ли онъ отъ меня какихъ новыхъ своихъ бѣдъ? Увы! кто умѣетъ больше меня дѣлить ихъ съ нимъ? Я тебѣ уже говорила: пусть щастіе престанетъ гнать

его

его, пусть будетъ онъ благополученъ, пусть царствуетъ, пусть будетъ стоить то моего щастія, жизни моей, я умру для сего съ радостію.

День бракосочетанія насталъ; Фріонъ входитъ къ Герцогу Йоркскому: онъ застаетъ его въ слезахъ оперщагося на руку; въ другой рукѣ держалъ онъ перо; множество изодранныхъ лоскутковъ бумаги разбросаны были по полу. Что вижу я вскричалъ Фріонъ? Въ самую ту минуту какъ готовишся ты здѣлаться обладателемъ самой красоты, погружаешься въ горесть! Что съ тобою здѣлалось? Скажи мнѣ причину такова страннаго положенія.— Щастливѣйшій, и нещастнѣйшій изъ смертныхъ, такова моя участь.— Какъ! говори яснѣе.— Такъ, единый взоръ Графини Гунтлей совершилъ бы всѣ желанія мои, и я иду въ ея объя-

объятія... Приближается минута въ которую здѣлаюсь я супругомъ ея; безъ сомнѣнія нѣтъ такого сильнаго выраженія которымъ бы можно было дать слабое понятіе объ моемъ блаженствѣ, но сему самому блаженству сопутствуетъ ужаснѣйшее мученіе! Варбека ли дѣлаютъ щастливымъ? Нѣтъ, онъ претерпѣваетъ всѣ казни! Подъ какимъ именемъ Графиня становится моей супругою?.... Герцогъ ли я Йоркскій? Что я слышу, прерываетъ Фріонъ? Куда дѣвалась парящая душа твоя, возносящая тебя къ первому въ свѣтѣ достоинству? Или хочешъ ты покорить благороднѣйшую изъ страстей разборчивостямъ безразсудной любви? Развѣ хочешъ ты потушить воспламеняющее тебя честолюбіе чувствіемъ романическимъ? Чего ты больше требуешъ? Обратись назадъ и посмотри отку-

куда началъ ты бѣгъ свой : богатство, слава, престолъ, нѣжность и рука Княжны, въ которой всѣ прелести собраны, вотъ чемъ Варбекъ обязанъ Герцогу Йоркскому. Когда забываешъ ты свои выгоды, то вспомни благодѣтельницу, которая создала тебя. И что скажетъ Эвропа, вселенная, когда узнаютъ что уступя избытку ложной разборчивости, пожертвовалъ ты щастіемъ твоимъ и самою любовію? Или мнишъ ты что назовутъ добродѣтелію, великодушіемъ то, что есть дѣйствіе токмо ложнаго угрызенія совѣсти достойнаго людей рожденныхъ пресмыкаться и теряться въ безчисленной толпѣ подлыхъ твореній? Ты навлекъ бы на себя вѣчное презрѣніе, или посмѣшество, которое еще несноснѣе пренебреженія. Оставь мѣлочи таковыя сыну мѣщанина Турнайскаго; Варбекъ

да предается забвенію: будь Княземъ, будь сыномъ Едуарда, будь Герцогомъ Йоркскимъ и непротився блестящей и предупреждающей желанія твои судьбинѣ... Но что значитъ разбросанныя по полу бумаги? Или писалъ ты къ Герцогинѣ Бургонской? — Я начиналъ писать многократно письмо, къ обожаемой мною женщинѣ, и которую, увы! столь подло обманываю. Могу ли я вѣчно сохранить занятую мною личину? Развѣ никогда не узнаетъ она кто я таковъ? И сколь дорого заплачу я тогда за всѣ тѣ утѣхи, которымъ сердце мое будетъ страшиться предаваться! Какимъ окомъ будетъ она на меня взирать? Я хотѣлъ открыть ей истинну, но перо мое..... не согласилось съ желаніемъ моимъ ей признаться. — Слѣдуй же благородному сему движенію; бѣги открыть все Графинѣ:

нѣ: она приметъ Варбека такъ какъ онъ того достоинъ. Я же съ своей стороны пойду предупредить тебя къ Королю, изведенiемъ его изъ обмана: ты будешъ то что ты есть въ самомъ дѣлѣ; разборчивая любовь твоя ограничится испрошенiемъ какого ни есть мѣстечка при дворѣ Князя, назначаемаго супругомъ Графинѣ Гунтлей; ты будешъ свидѣтелемъ щастiя совмѣстника твоего, который и не примѣтитъ тебя въ толпѣ своихъ служителей.... ты будешъ Варбекъ..... Я въ негодованiи что Герцогиня удостоила тебя своею довѣренностiю; прощай, не пеняй болѣе ни мнѣ ни ей: я оставляю тебя твоимъ угрызенiямъ столь мало приличнымъ человѣку желающему возвыситься; Герцогиня легко найдетъ вмѣсто тебя другаго которой болѣе будетъ имѣть признательности къ ея милостямъ.

Фрiонъ

Фрїонъ притворился что уходитъ съ гнѣвомъ; сей искусный человѣкъ умѣлъ управлять страстями, и проникъ въ новыя движенїя питомца своего, который бѣжитъ за нимъ: — Постой отпусти мнѣ нерѣшимость мою и смущенїе, ты благодѣтель мой, наставникъ и другъ: я все здѣлаю, все что ты мнѣ прикажешъ. Забудемъ Варбека; да, я преемникъ Едуардовъ, наслѣдникъ Англинскаго престола, любовникъ, супругъ Графини Гунтлей . . . Иду къ Олтарю . . . . Я узнаю паки моего питомца прерываетъ Фрїонъ обнимая его: естли хочешъ ты углубиться въ дѣйствующее лице твое, то не обращай никогда взоровъ твоихъ на рожденїе твое; потеряй со всемъ изъ вида Варбека; не оставляй объ немъ нималѣйшаго напоминовенїя; умѣй обманывать самаго себя: это есть вѣр-

нѣйшїй способъ обмануть другихъ; будь готовъ всегда къ смерти, нося новое имя тебя украшающее. Благородство души твоей замѣняетъ тебѣ то которымъ слѣпой токмо случай разпредѣляетъ.... и можетъ быть царская кровь течетъ въ твоихъ жилахъ: кто вѣдаетъ что мать твоя не была тронута прелестями Едуарда, почему знать что ты не сынъ сего Монарха? Недостающее тебѣ, то есть плодъ единаго предразсудка; природа все для тебя здѣлала: сотворяя тебя опредѣлила къ верховному сану; она зоветъ тебя на престолъ; послѣдуй же ея гласу, и покажи намъ въ себѣ государя достойнаго щастїя своего.

Герцогъ Йоркскїй идетъ къ Графинѣ, и видитъ ее во всемъ блескѣ красоты ея, какое очаровательное зрѣлище для любовника, которой въ самой тотъ день го-

товился быть ея супругомъ! Однако же мрачное облако печали проникало изъ средины толикаго сїянїя; прелестныя глаза ея покрыты были слезами, она высылаетъ женщинъ своихъ: — Князъ, уже приходитъ, наступаетъ минута, которая соединяетъ насъ: но союзъ тотъ еще не заключился. Я люблю тебя: съ удовольствїемъ то тебѣ подтверждаю; сердце мое твоего ищетъ; и я полагаю все блаженство мое въ семъ бракѣ, лечу къ олтарю; но съ слѣдующимъ условїемъ: Я хочу чтобъ любилъ ты меня съ такимъ жаромъ съ какимъ я тебя люблю: — Ахъ! сударыня, можетъ ли чья любовь сравниться съ моею! какой пламень можетъ уподобиться тому которой меня снѣдаетъ? Развѣ сомнѣваешся ты . . . Да, я сомнѣваюсь. — О Боже! что ты говоришъ? — Ахъ, естли то пра-

вда, что ты любишъ меня, естли я мила тебѣ, естли союзъ сей столько лестенъ для тебя какъ для меня, естли любовникъ мой горитъ нетерпѣнїемъ быть моимъ супругомъ, отъ чего же происходитъ смятенїе твое, которое усугубляется тогда, когда увѣряю я тебя о моей нѣжности? Неужели ты меня обманываешъ, неужели ты меня не любишъ? Неужели политика вмѣшивается въ то сопряженїе, которымъ бы я желала быть обязанной одному только чувствїю? Говори Князь, говори: нужно ли тебѣ супружество со мною, для полученїя отъ Короля ожидаемыхъ отъ него тобою вспоможенїй, я готова и на то, и отъ подножїя олтаря,.... я умру отъ горести; никто, нѣтъ никто не узнаетъ причину смерти моей: одинъ только ты будешъ объ томъ извѣстенъ, и я прощу

тебя

тебя умирая отъ твоихъ ударовъ.

При сихъ послѣднихъ словахъ, Герцогъ Йоркскій повергается къ ногамъ Графини; обнимаетъ ея колѣни, и орошаетъ слезами. Нѣтъ обожаемая женщина, не политика примѣсилась къ любви моей; нѣтъ я видѣлъ токмо въ тебѣ прелести твои и почувствовалъ пламень которой изъяснить я не въ силахъ. Ахъ! естлибъ могла ты проникнуть въ глубину моего сердца, сердца истерзаннаго, въ которомъ ты съ такою силою господствуешъ! Волненіе то, снѣдающая меня печаль, смятеніе низвергающее меня изъ казни въ казнь... Ето плоды прошедшихъ моихъ злоключеній.. Избытокъ щастія обременяетъ меня... Ето я буду мыслить что величество, діадима..... Ты любишъ Герцога Йоркскаго.... и....

Можетъ быть открылъ бы онъ тутъ Графинѣ всю истинну естли бъ по щастїю Фрїонъ не вошелъ вдругъ въ комнату: примѣтивъ смятенїе питомца своего, спѣшитъ исторгнуть его изъ столь опаснаго положенїя, которое бы испровергло всѣ ихъ предпрїятїя. Все готово говоритъ онъ ему; Король васъ обѣихъ ожидаетъ; немедлите совершенїемъ вашего благополучїя.

Они уже въ храмѣ. Никогда Герцогъ Йоркскїй и Графиня не казались столь прелестными; лестное шептанїе присудствующихъ возвѣщало удивленїе и соучастїе ими производимое. Весь дворъ казалось раздѣлялъ ощущаемое ими удовольствїе. При изреченїи клятвы, незапный трепетъ объемлетъ Герцога, и повергаетъ его безъ чувствъ на землю: Фрїонъ примѣчающїй малѣйшїя его движенїя, летитъ

къ нему на помощь; Герцогъ открываетъ глаза, и съ стенаніемъ возводитъ ихъ на Графиню подъемлющую его; наконецъ бракъ совершается и любовники стали супругами.

Герцогъ изъ нѣдръ сладчайшихъ утѣхъ низвергался въ мрачнѣйшую задумчивость; нужна была вся сила совѣтовъ Фрїоновыхъ для воспрепятствованія ему открыть тайну его угнѣтающую. Чемъ больше супруга осыпала его ласками, тѣмъ болѣе ощущалъ онъ волненія, котораго источникъ тщетно сыскать она старалась. Онъ приписывалъ то всегда предчувствїю разливающему горесть на его удовольствїя; страшился говорилъ онъ, чтобъ Санъ, блескъ вѣнца имъ ожидаемаго, не примѣсили образа своего къ взаимной ихъ нѣжности. Супруга его спрашивала безпрестанно не имѣлъ ли

онъ какихъ горестей ей вверить, а отвѣты его состояли въ единыхъ только вздохахъ и слезахъ. Герцогиня часто жаловалась на то пріятельницѣ своей: Сольтона, говорила она ей: я почитала себя на верьху желаній моихъ! Но увы! мнѣ еще желать остается; супругъ мой кажется меня любитъ: но мрачная нѣкая унылость отягчаетъ его и онъ упорствуетъ скрывать отъ меня тому причину; ахъ! естлибъ онъ любилъ меня... Развѣ есть для любви какія тайны? Развѣ думаетъ онъ что страшусь я раздѣлять его печали? Я лишена сихъ сердечныхъ удовольствій! и посреди щастія моего претерпѣваю жестокія мученія!

Іяковъ давшій убѣжище и супругу Герцогу Йоркскому неудовольствовался тѣмъ: онъ желалъ возвесть его на престолъ Англинской; и удовлетворить чрезъ то соб-

ственнымъ своимъ выгодамъ. Не безъизвѣстно что смертельная ненависть царствовала тогда между Шотландцами и Англичанами; Іяковъ III имѣлъ причины негодовать на сихъ послѣднихъ, сынъ же его горѣлъ нетерпѣніемъ объявить войну Генриху. И такъ предпріялъ онъ здѣлать набѣгъ на Государство бывшее въ то время и безъ того жертвою многихъ возмущеній, кои могъ онъ употребить въ свою пользу. Вооруживъ многочисленное войско, извѣщаетъ Герцога Йоркскаго, что онъ готовъ мстить за него; Герцогъ приготовляется съ Королемъ къ походу для совершенія своего предпріятія.

Какимъ окомъ женщина обожающая мужа своего смотрѣла на сіи приготовленія?

Наступилъ часъ Герцогова отъѣзда, Герцогиня уступаетъ наконецъ

нецъ горести своей: — Дражайшій супругъ, сокрой отъ себя зрѣлище слезъ моихъ; взирай токмо на престолъ, куда щастіе и справедливость тебя призываютъ. — Но увы! естли щастіе измѣнитъ мнѣ, естли похититъ оно у меня удовольствіе украсить чело твое діадимою . . . — я не меньше буду твоя супруга, твоя любовница; почто ты всегда напоминаешь мнѣ о коронѣ: Ахъ! Князь, развѣ санъ внушилъ мнѣ чувствія мои къ тебѣ, и тотъ пламень которой только съ жизнію моею потухнетъ; новыя твои злоключенія усугубятъ мою нѣжность. Естли опредѣлено мнѣ рокомъ не видать болѣе того кого я обожаю говоритъ Герцогъ, прижимая къ устамъ своимъ руку Герцогини и орошая ее слезами, естли въ опасностяхъ сраженія прекращу жизнь мою, не забудь, ахъ! не забудь что цар-

ствовала ты въ душѣ моей до последняго моего вздоха, что любовь моя была чрезмѣрна . . . что ея одну токмо надлежитъ обвинять . . . Ты узнаешъ . . . Астлей вручитъ тебѣ письмо . . . Ты простишь меня естли чувствуешь что такое есть любовь . . . Нѣтъ, никогда никто не горѣлъ столь пронзительнымъ пламенемъ. Я преступникъ, это правда . . . но . . . Князь, что ты сказать хочешь? . . . Я тебѣ оставляю . . . Я заблуждаюсь . . . это все для тебя . . . Увы! не въ послѣдній ли разъ я съ тобой прощаюсь?

Герцогиня почти безъ чувствъ повергласъ въ объятія своего супруга; голосъ ея пресѣкся; глаза ея съ трудомъ могли отверзаться лучамъ свѣта: приходитъ самъ Король: — Поѣдемъ, Князь, оставь любовь для славы; пренесемся на непріятельскія земли; Нортумберландъ

ландъ да будетъ первымъ позорищемъ военныхъ нашихъ дѣйствій.

Прибывъ на границы провинціи сей, Герцогъ обнародовалъ Манифестъ, въ которомъ назвалъ себя Ричардомъ IV Королемъ Англинскимъ: писаніе сіе исходило изъ Фламандскаго совѣта, въ немъ возвѣщали сына Едуарда IV, законнаго наслѣдника Престола; который обѣщавалъ осыпать благодѣяніями и честію тѣхъ, кои признаютъ его своимъ Государемъ, и помогутъ низвергнуть грабителя похитившаго у него скипетръ; сверьхъ того называли его тираномъ и убійцею; однимъ словомъ, описали Генриха ужаснѣйшими красками.

Фріонъ и Астлей были неразлучны съ Герцогомъ Йоркскимъ; ожидали сраженія; Герцогъ отводитъ Астлея къ сторонѣ и ведетъ его на берегъ ручья протека-

кающаго не подалеку отъ ставки: любезной Астлей, мы идемъ сражаться. Не могу скрыть отъ себя что не истинна вооружила руку мою: но честолюбїе или лучше сказать любовь, любовь которая содѣлываетъ меня столько злополучнымъ, въ то самое время когдабъ долженствовалъ я ощущать все упоенїе очаровательности ея. Другъ мой, какїя усилїя употребилъ я для сокрытїя отъ Герцогини тайны которая столь жестоко гнететъ мое сердце! какїя угрызенїя терзаютъ меня, когда вижу я себя въ объятїяхъ божественной сей женщины, которая наполнена будучи искренностїю, безъ всякой недовѣрчивости, думаетъ что Герцога Йоркскаго осыпаетъ ласками своими, но вмѣсто того жертвуетъ измѣннику, самозванцу..... Но какой смертной на земли способенъ почувство-

ствовать больше меня всю власть красоты ея! Какой Царь, обожалъ бы ее больше моего. Естли погибну я въ наступающемъ сраженіи, то вручи ей сіе письмо: Душа моя излилась въ сіе начертаніе; не хочу чтобъ преступленіе мое продолжилось и по смерти моей, пусть узнаетъ она всю великость онаго. Астлей прибавь слѣдующее къ моему письму: дай почувствовать ей, что страсть, которую обуздать я былъ не въ силахъ, привлекла меня къ сей безчестной хитрости, хитрости столь ея недостойной, и смѣю сказать, и меня. Пусть вообразитъ она мое изступленіе; она любитъ: и отъ того съ меньшою строгостію судить меня станетъ. Скажи, ахъ! скажи ей, что не Графиню Гунтлей, не Княжну царской крови обожалъ я: но прелести ея, тѣ щастливыя дары

при-

природы; — нѣжность ея ко мнѣ, добродѣтели довершили воспламенить мое сердце изъ коего ни одна черта образа ея не могла изгладиться. Преступленіе мое безъ сомнѣнія будетъ меньше когда припишетъ она его странностямъ рока. Астлей, я чувствовалъ въ себѣ духъ царской, и никакой смертной не любилъ подобно мнѣ; по крайней мѣрѣ хотя проститъ она моей памяти. Герцогиня Йоркская не могла утѣшиться отъ разлученія столь поразительнаго для чувствительности ея: супругъ ея мечтался ей всечастно окруженъ опасностями, представлялся ей израненымъ, умирающимъ, мертвымъ; она воспоминала послѣднія его изреченія и не могла никакъ истолковать смыслъ ихъ; словомъ, все наносило душѣ ея болѣзненныя удары.

Іяковъ льстилъ себя что въ Нортуберландѣ найдетъ множество поборниковъ дома Йоркскаго, которыя думалъ онъ полетятъ подъ его знамена: но въ надеждѣ своей обманулся. Побѣгъ Клифордовъ, и кончина Лорда Станлея поселили ужасъ во всѣхъ умахъ; надвластіе Генрихово наводило больше нежели когда либо страхъ на народъ; полководцы его вмѣсто того чтобы дать сраженіе, какъ ожидали того Шкотландцы, только что томили его войска, которыя ежедневно ослабѣвали. Государь ихъ начиналъ уменьшать въ себѣ родъ изступленія, которымъ Герцогъ Йоркскій умѣлъ воспламенить его въ свою пользу; сей Монархъ даже показалъ досаду не приличную Царямъ, за то что онъ не имѣлъ никакого успѣха въ предпріятіи на которое взиралъ какъ на источникъ славы и множе-

жества выгодъ для Шкотландіи, онъ вышелъ изъ предѣловъ которыми военная вольность ограничивается: предалъ огню и мечу всю страну ту, и ни о чемъ больше не старался какъ о полученіи себѣ добычи, которая бы вознаградила войски его за неудачу въ семъ покушеніи. Сіи столь мало ожидаемыя нападенія, довершили негодованіе Англичанъ противъ Герцога Йоркскаго: онъ поспѣшилъ броситься къ ногамъ Іакововымъ, и умолялъ его сжалиться надъ нещастными жителями Нортумберландскими: Шкотландской Государь довольно худо принялъ его прозьбу, отвѣчавъ ему съ нѣкоторымъ родомъ язвительной насмѣшки, что удивляется какъ можетъ онъ вступаться за враговъ своихъ, и что сверхъ того сей народъ можетъ быть никогда принадлежать ему не будетъ. Послѣ

сего возвратились они въ Шкотландію весьма другъ другомъ недовольными.

Герцогъ и фріонъ примѣтили что очарованіе ихъ изчезаетъ; но не смотря на то, Герцогиня, съ неизъяснимою нетерпѣливостію желала видѣть своего супруга: новыя его злоключенія послужили токмо къ содѣланію его еще любезнѣе такому сердцу, которое знало всю силу и нѣжность любви. Но какой то былъ для нее ударъ, когда увидѣла она въ вѣдомостяхъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ возпретившихъ Англичанамъ взять сторону ея супруга! Жаловались явнымъ образомъ, что онъ для пріобрѣтенія престола выбралъ себѣ подпорою народъ бывшій вѣчнымъ непріятелемъ Англіи; больше же всего упрекали его бракосочетаніемъ съ Графинею Гунтлей, которую называли печатію

отверженія его навсегда даже отъ надежды вступить когда либо въ наслѣдіе предковъ своихъ. И такъ єто бракъ нашъ, сказала ему Герцогиня, бракъ нашъ заграждаетъ тебѣ путь на тронъ! а для тебя любезный Князь нѣтъ другаго мѣста; суди о моемъ мученіи, я, которая бы не отреклась цѣною жизни моей доставить тебѣ державу всея вселенныя! Ненависть народа твоего, непреклонныя его отказы признать тебя своимъ Государемъ, вотъ чего любовь моя будетъ тебѣ стоить.

По сихъ словахъ источникъ слезной полился изъ глазъ ея; она впадаетъ въ пронзительнѣйшую горесть; потомъ вышедъ изъ сего рода ничтожности, и вооружась твердостію духа: — Герцогъ, я люблю тебя и теперь должна я подать тебѣ и всей Европѣ блистательный тому опытъ...... Я

то здѣлаю. Бракъ нашъ причиною негодованія Англичанъ на тебя; онъ то исторгаетъ изъ рукъ твоихъ скипетръ тебѣ принадлежащій; имя супруга моего кажется имъ преступленіемъ. И такъ, должно омыть тебя отъ преступленія сего, царствуй, и будь щастливымъ..... да прервется союзъ брака нашего, пусть вѣчный разрывъ... и я могу произнесть єто слово, разлучитъ насъ.... разлучитъ..... навѣки, любовница твоя да престанетъ быть твоею супругою: но обѣщать не любить тебя, увы! клятвы такія превосходятъ мои силы.

Обожаемое твореніе! вскричалъ Герцогъ Йоркскій голосомъ задыхающимся отъ рыданій, какъ могъ я тебя до сихъ поръ слушать и быть еще на свѣтѣ? Что ты мнѣ предлагаешь? мнѣ ли принять таковую жертву! развѣ думаешъ ты,

что

что собственная моя была бы менѣе ужасна? Кому, мнѣ! прервать союзъ для котораго. . . . Я бы долженствовалъ убѣгать отъ сего брака; любовь меня ввела въ заблужденіе . . . названіе Князя . . . Увы! что есть титулъ царской въ сравненіи съ именемъ твоего супруга, твоего любовника? Царствовать безъ божественной Гунилей! . . . Нѣтъ сударыня, нѣтъ, я не приму трона за такую цѣну. Пусть Англичане, пусть вся вселенная меня оставитъ и отвергнетъ: одинъ взоръ твой вознаградитъ меня за всю мою потерю; супруга моя будетъ для меня все на свѣтѣ; я не могу довольно любить ее, обожать . . . Сударыня, тотъ кто дерзнулъ вознести желанія свои до овладѣнія сердцемъ твоимъ, и тобою, тотъ долженъ ощущать восторги сверьхъ человѣческіе; тронъ сей отъ котораго хотятъ удалить меня,

ня, я чувствую въ себѣ довольно силы къ завладенїю онымъ; супругъ твой долженъ имѣть Геройскую душу, и ты будешъ воспламенять мою не устрашимость. Англичане столь теперь ослѣпленныя не видятъ прелестей твоихъ, знатности твоего рожденїя, добродѣтелей твоихъ, откроютъ со временемъ глаза и отдадутъ тебѣ справедливость; все въ свѣтѣ должно обожать подобно мнѣ обладательницу моего сердца.

Герцогъ бѣжитъ къ Астлею: — другъ мой, естлибъ зналъ ты какъ много я виновенъ; повѣришъ ли ты что Герцогиня, услыша роптанїе звѣрскаго народа негодующаго на бракъ мой предлагала мнѣ разорвать союзъ.... Единственно для сего сопряженїя могъ согласиться я на подлой обманъ, для него здѣлался орудїемъ лжи.... Я не Царь, Астлей: но что бы не

могло

могло случиться, я буду носить корону, естли не такъ какъ Герцогъ Йоркскій, то какъ супругъ Графини Гунтлей, какъ страстнѣйшій любовникъ, ищущій здѣлаться достойнымъ обладанія таковыми прелестями. Ахъ! сколь много любовь возвышаетъ насъ! еще стократно болѣе честолюбія! мнѣ, мнѣ прилично вознестись выше человѣчества, и предпринимать невозможное! Божественная Гунтлей, я могъ обмануть тебя! но я заглажу сіе преступленіе избыткомъ великодушія и неустрашимости.

Генрихъ снѣдаемый безпрестанно подлою страстію ко злату уловилъ случай умножить свои сокровища; онъ созвавъ Парламентъ, жаловался съ огорченіемъ на опустошеніе причиненное Шкотландцами и Королемъ ихъ, которой помогалъ дерзновенному самозванцу, опи-

описалъ трогательнѣйшими красками раззореніе претерпѣнное сѣверными провинціями, и наконецъ умѣлъ истребовать сто двадцать тысячь фунтовъ стерлинговъ. Сборщики сихъ налоговъ поступили съ жестокостію; народъ вознегодовалъ и жители Корнвальской провинціи воздвигли знамя бунта, сборщики были изрублены; Лордъ Оделей здѣлался начальникомъ бунтующихъ, и повелъ ихъ въ Лондонъ. Духъ покровительствующій Королю Англинскому еще и въ семъ случаѣ восторжествовалъ надъ усиліями почти общенароднаго возмущенія! Генрихъ сразился съ ними; побѣдилъ ихъ, и предалъ начальниковъ лютѣйшей казни.

Іяковъ употребилъ въ пользу возмущеніе сіе грозящее Генриху погибелію, онъ покусился еще разъ здѣлать набѣгъ на Англію; но не проникъ далѣе замка Норгамскаго, ко-

которой онъ осадилъ. Приближеніе Графа Сирея, подавшаго крѣпости помощь въ людяхъ и въ съѣстныхъ припасахъ, принудило сего Монарха отступить; новая сія неудача усугубила досаду его на Герцога Йоркскаго; Герцогиня весьма справедливо предвидѣла горестную для супруга своего будущность. Отечество мое говорила она, наноситъ ему таковыя удары! Неблагопріятное щастіе за нимъ всюды слѣдуетъ, а нѣжность моя возрастаетъ вмѣстѣ съ его нещастіями. Я должна загладить предъ нимъ, непостоянство Короля и Шкотландцовъ. Что же! когда не остается больше ему подпоры, и надежды; я должна стараться замѣнить ему все.

Король Англинской наскучивъ преодолѣвать такое множество враговъ, захотѣлъ преклонить Іякова на свою сторону; прибытіе

Дона Педро Дайала, посла Гишпанскаго ко двору Англинскому, показалось ему хорошимъ способомъ къ произведенію въ дѣйство своего предпріятія. Министру сему поручено было сватаніе Инфантины Екатерины, дочери Фердинанда и Изабеллы за Артура, Принца Валлійскаго. Никто не имѣлъ столько способности какъ Донъ Педро къ примиренію двухъ сихъ Монарховъ: онъ былъ тихъ, вкрадчивъ, и умѣлъ скрывать довольновидность политическихъ своихъ намѣреній подъ ласковою и чистосердечною наружностію. И такъ пріѣхавъ въ Едимбургъ, имѣлъ онъ съ Королемъ неоднократно продолжительные на единѣ разговоры, плодъ коихъ былъ подробное увѣдомленіе о всемъ касающемся до Герцога Йоркскаго, Генрихъ непремѣнно требовалъ чрезъ Гишпанскаго посла, чтобъ врагъ его былъ пре-

преданъ въ его руки: и ето былъ первой членъ мирнаго договора.

Іяковъ призываетъ къ себѣ Герцога. Ты не можешъ сомнѣваться, сказалъ ему Монархъ; о безмѣрномъ желанїи моемъ быть тебѣ полезнымъ, и возложить на главу твою Англинскую корону: я принялъ тебя въ свойство свое, ибо супруга твоя мнѣ родственница, однимъ словомъ, я почитаю тебя Княземъ крови моей: но Король Французской подалъ мнѣ примѣръ, которому всякой смертной призванный на престолъ обязанъ слѣдовать. Государь не долженъ кромѣ области своей имѣть ни сродниковъ, ни друзей, словомъ сказать, никакого другаго предмета; онъ есть родъ нѣкоторой жертвы всегда готовой на закланїе для благоденствїя подданныхъ своихъ. Намъ завидуютъ: но для себя ли мы живемъ, и себя ли любимъ?

Ты вперилъ въ меня привязанность, которой не однократно видѣлъ отъ меня нелицемѣрные опыты: теперь же принужденнымъ себя нахожу то ограничить: но я обѣщалъ помогать тебѣ, и здержу царское свое слово: кто бы ты таковъ ни былъ, знай что я неспособенъ отдать тебя напроизволъ притѣсняющаго рока. Король Англинской предлагаетъ мнѣ выгодной миръ. Я сказалъ уже тебѣ, что не для себя царствую; но для народа ввѣрившаго мнѣ свою пользу; и такъ я принимая необходимой миръ сей. Генрихъ требовалъ чтобъ тебя предать въ руки посланника его: въ семъ то случаѣ соглашу я должность съ великодушіемъ; прошу тебя оставить мое Государство; благодѣянія мои всюды за тобою послѣдуютъ; кораблей, денегъ и всѣхъ помощей отъ меня зависящихъ можешъ

жешъ ты требовать. Государь, отвѣчаетъ Герцогъ Йоркскій съ обыкновеннымъ ему благороднымъ видомъ разсыпающимъ важность на всѣ изрѣченія его, вы не услышите отъ меня ни малѣйшей жалобы. Уже давно долженъ пріучить я себя къ представленію нещастнаго, а нещастливцы могутъ ли имѣть друзей? Признаюсь, думалъ я что небо въ пользу мою отличило васъ отъ прочихъ Государей, думалъ что нещастія мои тронули васъ, что благодѣтель мой не устанетъ никогда помогать мнѣ; благодарность моя была столь неограниченна! Сверьхъ того мнилъ я что вы будете видѣть во мнѣ супругу мою, которая имѣетъ щастіе быть вамъ столь близкою. Государственныя причины воспрещаютъ вамъ продолжать ко мнѣ явную благосклонность: почитаю Государь причины тѣ, столь проти-

вныя чувствїю. Не стану разсматривать, долженъ ли Государь повиноваться жестокому народоводству гонящему нещастнаго Князя, недающему ему никакого убѣжища, и которое можетъ быть принудитъ его и жену его Княжну крови твоей, пасть подъ бременемъ горестей, и испытавъ посрамленїе, которое слѣдуетъ всегда за убожествомъ; я теперь ни о чемъ иномъ напоминать вамъ не стану, кромѣ благотворенїй вашихъ, и моей признательности, которую сохраню я до конца моей жизни. Обѣщайте только мнѣ, естли долженъ буду уступить я злощастїямъ моимъ, естли умру удрученъ злоключенїями, обѣщайте мнѣ незабыть супругу мою.... Мысль сїя, ужасная мысль, вѣнчаетъ мои нещастїя.... Вы плачите Государь! Увы! слезы сїи пронзаютъ мое сердце! Суди, о моемъ мученїи,

нїи, прерываетъ Шкотландской Король обнимая его; поди... естли ты и не Князь, то весьма достоинъ быть онымъ.

Герцогъ Йоркскїй извѣщаетъ Герцогиню о новомъ ударѣ ихъ поразившемъ, и что онъ только нѣсколько дней можетъ еще пробыть въ Шкотландїи: но гдѣ найти убѣжище; какъ предстанетъ онъ въ такомъ посрамленїи Фламандцамъ, выгоды коихъ запрещали ему входъ въ Нидерланды? Они нѣкоторымъ образомъ соединились съ его врагами. Герцогиня же Бургонская, въ таковыхъ обстоятельствахъ кромѣ безполезнаго покровительства не могла ему подать ни малѣйшей помощи.

Герцогиня Йоркская не отвѣтствуетъ ничего мужу своему, но бѣжитъ съ споспѣшностїю къ Королю. Растрепанныя ея волосы, волненїе души ея, небреженїе царствую-

ствующее въ одѣянiи ея, придавали ей новыя прелести; величество горести естли можно такъ сказать, являлось на лицѣ ея во всей своей блистательности; она летитъ во дворецъ купно съ супругомъ своимъ; входитъ, бросается въ слезахъ къ ногамъ Монарха: — Вы рѣшились Государь, потушить гласъ чести и человѣчества, чтобъ единственно внимать безбожной политикѣ преступающей всѣ законы, прерывающей всѣ союзы, и даже приведшей васъ въ забвенiе о родствѣ моемъ съ вами? Какъ! Отвергши нѣдра сердца вашего нещастному Герцогу Йоркскому, вы хотите его изгнать изъ области вашей? Его званiе, почтенное титло нещастнаго васъ умоляющаго, и сiе послѣднее не естьли чувствительнѣйшее для такого сердца, каково ваше; какъ, не ужели ничто васъ тронуть не возможетъ,

и

и возбудить къ окончанїю дѣла, которое вы такъ щастливо начали? Я не говорю вамъ о союзѣ сопрягающемъ меня съ Герцогомъ Йоркскимъ, совокупляющемъ участи наши, злоключенїя и успѣхи, во едино: вы сами совершили бракъ нашъ ставшїй столь бѣдоноснымъ Князю сему; не неизвѣстны вы что Англичане вмѣняютъ ему въ преступленїе сочетанїе сїе, а я въ приданое ему принесла неутомимое нещастїе, лишенїе помощи, которой могъ бы онъ надѣятся отъ народа рожденнаго ему повиноваться, наконецъ потерю вашихъ благодѣянїй, въ то самое время когда всѣ его оставляютъ!

Король прерываетъ Герцогиню говоря ей что они могутъ полагаться на его къ нимъ привязанность, и что будутъ видѣть тому доказательства, въ какую бы страну судьба ихъ ни завела; при-

бавляетъ къ тому что принужденнымъ себя находитъ уступить необходимости и благоденствїю Государства, что противъ воли своей разлучается съ супругомъ ея. Жертва, продолжаетъ онъ, будетъ не столько для меня тягостна, естли ты послушаешъ моихъ совѣтовъ, и я думаю что Герцогъ Йоркскїй присоединитъ прозьбу свою къ моей: сїя столь строгая политика, которой я теперь собою жертвую, не отнимаетъ у меня утѣшенїя удержать тебя при дворѣ моемъ; ты будешъ здѣсь дожидаться, чтобъ Герцогъ возстановилъ тишину, и чтобъ положенїе его дозволило ему найти для тебя вѣрное убѣжище, въ которомъ бы ты по крайнѣй мѣрѣ могла быть спокойна. Увы! прерываетъ съ стремленїемъ Герцогъ Йоркскїй, пусть дражайшая супруга моя останется въ Единбургѣ!

Пусть

Пусть будетъ она благополучна! и пускай одинъ я сношу всѣ нападенія не утомимаго рока моего! Я соглашаюсь . . . . Не оканчивай, вскричала Герцогиня, я знаю свою должность; знаю любовь, мой любезный супругъ! сердце еще больше соединило насъ, нежели тотъ священный узелъ; должно что бы одинакія удары насъ обѣихъ поражали, одна только смерть въ силахъ разлучить насъ, но и тогда я раздѣлю гробъ твой: да, я умру съ тобою; прахъ мой еще твоего искать станетъ; Государь, продолжаетъ она, изрекая участь его изрекли вы и мою.

Монархъ смѣшиваетъ слезы свои съ слезами Герцогини; обнимаетъ ея съ милостію: но не можетъ перемѣнить намѣренія; все то что могъ онъ имъ сказать сквозь рыданій, было только сіи два слова: я Царь.

Іяковъ имѣлъ столько великодушія чтобъ скрыть отъ Герцогини Йоркской и отъ мужа ея, причины побуждающія его къ высланію ихъ изъ земель своихъ; Государя сего извѣстили о истинномъ произхожденіи Варбека, однако же иногда сомнѣвался онъ еще въ томъ, столь то искусно молодой сей человѣкъ умѣлъ выполнитъ наложенное на него дѣйствующее лице!

Они сѣли на корабли для нихъ приготовленные. Герцогиня погруженная въ неописанную горесть, не спускала глазъ съ удаляющагося берега; наконецъ уходитъ онъ почти со всемъ изъ виду ея. И такъ, сказала она: въ послѣдній разъ взоры мои на тебя обратились, немилосердое отечество! отрекаюсь на всегда отъ обиталища давшаго мнѣ жизнь; я здѣлала вѣчной разрывъ съ Шкотландіею,

и не потребую отъ нея даже гроба. (Потомъ обратясь къ супругу своему,) любезный Князь будь для меня все на свѣтѣ, я забываю мое отечество, существованїе, или лучше сказать, нахожу, люблю ихъ въ одномъ тебѣ; да пренесутъ насъ на край вселенныя, въ необитаемой островъ, въ страшную пещеру; лишъ бы только могла я жить и умереть съ тобою, и я не буду пенять на свою участь.

Фрїонъ оставилъ своего питомца, и возвратился къ Герцогинѣ Бургонской. Молодой Астлей одинъ только слѣдовалъ за другомъ своимъ; привязанность болѣе еще нежели собственная польза, которая прежде казалось одна только побуждала его къ тому, влекли его стремительно въ сообщество съ симъ славнымъ самозванцомъ.

Отъѣздъ ихъ изъ Шкотландїи заключилъ миръ между Іяковомъ и Генрихомъ. Донъ Педро здѣлалъ поруками онаго Государей своихъ Фердинанда и Изабеллу; сверьхъ того думаютъ что онъ сваталъ Маргериту, дочь Короля Англинскаго за Шкотландскаго Государя.

Мореплаванїе двухъ супруговъ было довольно щастливо. Герцогъ Йоркскїй намѣренъ былъ вторично побывать въ Ирландїи, въ надеждѣ что сїе новое покушенїе на землю столь склонную къ бунтамъ, будетъ ему благопрїятнѣе перваго. Когда взиралъ онъ на супругу свою, тогда болѣзненныя стенанїя вырывались изъ груди его, а невинныя ласки имъ отъ нея получаемыя служили только къ усугубленїю печали грызущей его сердце. Часто проливалъ онъ слезы въ нѣдра друга своего: — Астлей, сколь ужасна моя участь! и что

со

со мною воспослѣдуетъ? Все меня оставляетъ, Францїя, Нидерланды, Шкотландїя, а я влеку за собою злощастную жертву, которая удвоиваетъ внутреннїя мученїя меня терзающїя! Къ чему приведетъ меня ложное мое имя надмѣру уже для меня тягостное? Какъ я обманываю женщину знатнѣйшаго рожденїя, красоту, добродѣтель самую, друга моего, владычицу мою: и нещастнаго конца моего недовольно еще къ тому будетъ: я вовлеку въ погибель мою.... Астлей, нѣтъ я не могу снести ужасной мысли сей! Самая то мысль сїя, прерываетъ Астлей, должна вооружить тебя непоколебимою твердостїю. Теперь не время вникать невмѣстнымъ угрызенїямъ: вспомни что ты мужъ Графини Гунтлей, сродницы Царской; что ей надобенъ престолъ; что сынъ Овеновъ не больше тебя имѣлъ къ

 тому

тому права; что легко будетъ загладить обманъ сей управляя Англїею, какъ великому Государю прилично. Увѣрь себя что ты сынъ Едуарда IV; есть на свѣтѣ полезныя лжи; сїя же приведетъ тебя къ славѣ, и къ столь лестному для тебя удовольствїю, возвести супругу твою на мѣсто ее достойное. — Но естли щастїе меня превозможетъ, естли откроется истинна, что скажетъ тогда сїя нещастная? Герои и любовники, прерываетъ съ стремленїемъ Астлей, не должны смотрѣть на препоны; страхъ и уныние суть удѣлъ душъ обыкновенныхъ; не видь ничего кромѣ женщины, которую ты страстно любишъ, и тѣмъ принудишъ щастїе быть тебѣ благосклоннымъ.

Успѣхъ подтверждаетъ ту благородную смѣлость, которою Астлей воспламенялъ друга своего; по-

появляются внезапу искры огня того, которой Генрихъ мнилъ что погасилъ совершенно; тщетно преломилъ онъ мрачный и жестокїй нравъ свой; духъ тихости, которой противоположилъ онъ возмущенїю Корнвальскому, показался бунтовщикамъ болѣе дѣйствїемъ слабости его, нежели милосердїя; и они желали новаго начальника.

Герцогъ Йоркскїй сошедъ на берега Ирландскїе, слышитъ что бунтъ паки возгарается; начали появляться сообщники его и друзья; недовольные отправляютъ къ нему посольство, и предлагаютъ ему предводительство войска, которое ожидало только его присудствїя, дабы итти противъ Генриха. Герцогъ съ радостїю прїемлетъ предложенїе сїе, и летитъ къ нимъ: они говорятъ ему что онъ здѣлалъ великую ошибку, ввѣривъ себя

бя Герцогинѣ Бургонской и Королямъ Французскому и Шкотландскому, коихъ выгоды требовали пожертвованія его пользы, что онъ обманулся въ политическихъ своихъ видахъ, сошедъ въ Кентскую провинцію, столь близкую отъ Лондона, что естли бы онъ привергнулся къ жителямъ Корнваліи, то былъ бы уже коронованъ въ Вестминстерѣ. Честолюбивой молодой человѣкъ, при сихъ словахъ, почувствовалъ разлившееся въ себѣ пламя, уже мнилъ онъ держать въ рукахъ своихъ скипетръ, и зрѣлъ супругу свою съсобою на престолѣ Англинскомъ. Онъ вступаетъ въ Бодминъ; три тысячи человѣкъ къ нему туда приходятъ; онъ принимаетъ титулъ Королевской, и раздаются повсюды восклицанія и поздравленія.

Слухъ сей вскорѣ достигаетъ до Монарха Англинскаго; пріобыкши

ши къ успѣхамъ, не опасается онъ чтобы щастїе ему измѣнило: даже радуется что готовится сразиться съ привидѣнїемъ смущающимъ его съ давнаго времени нѣкоторымъ видомъ истинности; толпа дворянъ коихъ бунтовщики не могли преклонить на свою сторону, собираются во кругъ его; и готовятся къ сраженїю.

Герцогъ Йоркскїй уже надѣвалъ латы свои и готовился показаться войскамъ; Герцогиня здѣлавъ за нимъ нѣсколько шаговъ, останавливаетъ его, прижимаетъ къ груди своей, омываетъ его слезами и изпускаетъ пронзительный вопль. — Ахъ! сударыня, ты которая берешъ участїе въ славѣ моей, которая желаешъ моего благополучїя, ты представляешъ мнѣ такое болѣзненное зрѣлище! Тебѣ ли прилично вселять въ меня боязнь? . . . Любезная супруга, те-

тебѣ надобна діадима; супругъ не на престолѣ сѣдящій не можетъ имѣть твоей нѣжности . . . — Что говоришъ ты жестокой? Я тебѣ стократно повторяла: развѣ санъ твой люблю я въ тебѣ и обожаю? И такъ ты не къ величеству, не къ рожденію привязана! Ты меня одного любишь! Герцогъ Йоркскій . . . — Ахъ, можешь ли ты въ томъ сомнѣваться? Можешь ли думать ты, чтобъ я не тебя одного обожала, тебя безъ того суетнаго блеска, которой ни мало меня не прельщаетъ . . . Ты нещастливъ . . . Такъ сударыня, я нещастливъ . . . и можетъ быть виновнѣйшій . . . . Любовь . . . . еще разъ прости меня . . . . Я одержу побѣду. Для тебя я лечу на сраженіе.

Не могши исторгнуть себя изъ объятій нѣжной своей супруги, проливалъ слезы; но внезапу вле-

ко-

комый дружественнымъ усилїемъ, понесся съ многими друзьями, (въ томъ числѣ былъ и Астлей,) и оставилъ Герцогиню подъ охраненїемъ нѣкотораго числа вѣрнѣйшихъ своихъ поборниковъ.

Онъ спѣшитъ подъ стѣны Эксесторскїя, въ намѣренїи овладѣть симъ городомъ, и приготовить въ немъ себѣ убѣжище, въ случаѣ естли будетъ побѣжденнымъ; старается прїобрѣсть благорасположенїе къ себѣ жителей лестными обѣщанїями, но не можетъ преклонить ихъ: вмѣсто того чтобъ взять его сторону, не впускаютъ они его въ городъ; Герцогъ рѣшился наконецъ здѣлать къ нему приступъ, и потерялъ тутъ двести человѣкъ. Увѣдомляется онъ что Лорды Добиней и Брокъ идутъ на помощь крѣпости съ отрядомъ войска, и что Король Англинской самъ приближался съ многочисленнымъ

нымъ ополченіемъ; онъ съ поспѣшностію снимаетъ осаду, и удаляется въ Тевтонъ. Въ семъ то мѣстѣ ожидалъ онъ Генриха; тамъ то наконецъ отверзалась предъ нимъ дорога ведущая его на престолъ, или во гробъ. Въ какую бездну размышленій погружался онъ; съ одной стороны какія сладкія плоды представляла ему побѣда! Блестящій скипетръ, удовольствіе надѣлить всѣми благими обожаемую особу, возвести ее на тронъ, показать ей въ себѣ достойнаго ее супруга, видѣть у ногъ своихъ обширное Государство, быть на ряду съ первѣйшими Европейскими Монархами; за сими лестными воображеніями слѣдовали весьма различныя картины: невозвратная потеря всего, стыдъ, отчаяніе, бѣдность, смерть, темница еще жесточае смерти, или поносная кончина, верьхъ нещастій, сія красо-

сота любимая имъ до изступленія, и которая всѣмъ любви жертвовала, вышедшая изъ заблужденія своего, принужденная презирать, и ненавидѣть того кто ея столь подло обманулъ, низверженная въ бѣдность, въ посрамленіе, стыдящаяся имени своего, наконецъ издыхающая подъ бременемъ нещастій, ненавидя виновника оныхъ: таковы то были бури волнующія душу сего молодаго дерзновенника. Цесарь готовясь къ сраженію отъ котораго зависило обладаніе вселенною можетъ быть не столько ощущалъ смятенія.

Герцогъ Йоркскій одинъ только съ Астлеемъ бодрствовалъ въ ставкѣ своей, онъ ввѣрялъ ему сіи волнующія его мысли. Сраженіе долженствовало послѣдовать на другой день при наступленіи дня. Герцогъ сидѣлъ опершись на столѣ на коемъ лежали шлемъ его и мечь.

Не-

Незнакомой внезапу вбѣгаетъ въ ставку и подаетъ ему записку слѣдующаго содержанія: ,,Не знаю я ,,будетъ ли тебѣ время подать ,,мнѣ помощь, по полученіи сего ,,письма. Генрихъ увѣдомился о ,,мѣстѣ моего убѣжища; онъ по- ,,сылаетъ отрядъ войска, чтобъ ,,взять меня; дражайшій супругъ ,,не ужели я у тебя похищена буду! – Поспѣшимъ любезной Астлей, воспрепятствовать похищенію Герцогини. — Что ты дѣлаешъ? Вспомни что мы готовимся.... — Я ничего не вижу теперь кромѣ опасности обожаемой супруги, и если я лишусь ея, то на что будетъ мнѣ побѣда, Англія, на что держава вселенной? Другъ мой, полетимъ, пренесемъ Герцогиню въ безопасное мѣсто, а я на разсвѣтѣ возвращусь, побѣдить или умереть; я желаю чтобъ никто здѣсь кромѣ тебя, и нѣкоторыхъ вѣр-

вѣрныхъ моихъ служителей, не зналъ объ отлученіи моемъ отъ войска.

Не успѣлъ еще онъ окончить сихъ словъ какъ бросился на лошадь, послѣдуемъ Астлеемъ, летитъ къ Бодмину. Онъ только что успѣваетъ повергнуться въ объятія жены своей, облобызать ея, и столь же поспѣшно вести ея въ отдаленное на многія мили отъ крѣпости убѣжище. Въ дорогѣ не могъ ничего онъ произнесть кромѣ прерывающихся несвязныхъ словъ, отъ слезъ и рыданій; потомъ показываетъ онъ движеніе неустрашимости, обѣщаетъ возвратиться къ ногамъ жены своей съ знаменами, которыя готовился отнять у непріятеля; оставляетъ ея съ поспѣшностію, возвращается съ таковымъ же стремленіемъ обнимаетъ ея колена, осыпаетъ ея нѣжнѣйшими ласками; наконецъ прощаетъ-

 ся

ся съ нею, проливая токи слезъ, и возвращается съ другомъ своимъ въ лагерь.

Стрела не столь стремительно разсѣкаетъ воздухъ. Небо съ востoчной стороны начинало покрываться бѣлесоватымъ свѣтомъ; день наступалъ. Всадники удвоивали усилїя свои; уже приближались къ Тевтону; уже начали обозрѣвать свои знамены. Ужасный шумъ поражаетъ внезапу слухъ ихъ; окровавленный воинъ прибѣгаетъ и упадаетъ подъ ноги коней ихъ; познаетъ Герцога: — Спасайся Государь . . . непрїятели не дождались разсвѣта для нападенїя на насъ. Они провѣдали что ты отлучился. Мы побѣждены; большая часть нашихъ побита и взяты въ пленъ. Государь тебя всюды ищутъ; поспѣшной бѣгъ одинъ способъ остался къ твоему избавленїю.

Сей нещастной не имѣлъ больше силъ продолжать, и палъ мертвъ отъ ранъ своихъ.

О небо! вскричалъ Герцогъ; я все дѣлалъ для любви, и отъ нея теперь погибаю! вынимаетъ мечь въ намѣренiи умертвить себя; Астлей его удерживаетъ: — развѣ забылъ ты Герцогиню? Что съ нею послѣдуетъ? Здѣсь то долженъ ты собрать всю твердость духа. Живи, и презирай бѣдствiя. Когда истинныя герои лишались всей надежды?

Астлей напомянувъ ему о женѣ, употребилъ вѣрной способъ для отвращенiя его отъ намѣренiя умертвить себя. Оба они отдались на волю быстрымъ конямъ своимъ; не знали какой путь избрать; изумленiе заблуждало ихъ; обратясь назадъ видятъ они поднимающуюся на подобiе облака густую пыль; познаютъ что она происходила отъ

непрїятельскаго коннаго отряда гонящагося за ними: какъ избѣжать отъ него? Замокъ представляется взорамъ ихъ: и они съ поспѣшностїю направляютъ къ нему бѣгъ свой.

Какой еще громовой ударъ! они узнаютъ, что замокъ сей принадлежитъ Лорду Куртенею, одному изъ усерднѣйшихъ поборниковъ Ланкастровъ; рѣшились они миновать сїе жилище; непрїятели настигаютъ ихъ, и уже готовятся окружить; ужасъ объемлетъ Астлея. Лордъ Куртеней находился тогда въ сей деревнѣ по причинѣ болѣзни одного изъ его дѣтей, котораго онъ любилъ нѣжно; нещастїе упорно слѣдуя за двумя спасающимися, восхотѣло чтобъ господинъ сей ихъ увидѣлъ; тотчасъ встаетъ онъ, какъ казалось для того чтобъ собрать слугъ своихъ и овладѣть ими. Герцогъ угадываетъ

ваетъ намѣренїе его; бѣжитъ къ нему на встрѣчу и съ благородною твердостїю говоритъ: — Милордъ, ты мой врагъ; но такъ же ты великодушнѣйшїй изъ смертныхъ; я Герцогъ Йоркскїй; я побѣжденъ; за мною гонятся, и я съ другомъ своимъ надѣюсь у тебя найти убѣжище: не ужели ты предашъ насъ? Лордъ изумляется: — такъ, я врагъ твой, и ты не Герцогъ Йоркскїй: но ты не будешъ раскаяваться въ довѣренности твоей ко мнѣ; войди, домъ мой для тебя отверстъ; я знаю права гостепрїимства; не бойся ничего; когда опасность пройдетъ тогда ты пойдешъ въ другое мѣсто ожидать заслуживаемаго тобою наказанїя.

Молодой человѣкъ котораго описали мы имѣющимъ гибкой и вкрадчивой умъ, видитъ токмо въ отвѣтѣ семъ одно Лордово великодушїе, и умѣлъ показать что не

примѣтилъ заключающейся въ немъ обиды; въ семъ мѣстѣ одерживаетъ онъ побѣду новаго рода: онъ имѣлъ продолжительной разговоръ съ Куртенесмъ, который кончился удостовѣренїемъ Лорда что подозрѣнїя его были несправедливы, и что это былъ въ самомъ дѣлѣ Герцогъ Йоркскїй которому далъ онъ убѣжище; Лордъ даетъ волю великодушїю своему: назначаетъ обѣимъ имъ въ домѣ своемъ мѣсто совершенно безопасное отъ всѣхъ возможныхъ поисковъ.

Едва успѣли они спрятаться какъ начальники отряда сошедъ съ коней, взошли въ замокъ, и спрашиваютъ Лорда не видалъ ли онъ двухъ человѣкъ верьхами скакавшихъ во всю прыть, и про коихъ говорили что то были ложной Герцогъ Йоркскїй и наперстникъ его Астлей: Куртеней отвѣтствуетъ съ благородною гордостїю что онъ усер-

усерднѣйшїй подданной Короля своего, но не соглядатай и непредатель. Голосъ его налагаетъ почтительное молчанїе на начальниковъ, они удаляются, и направляютъ въ другую сторону путь свой и поиски.

Герцогъ и другъ его слышавши все происходящее изъ убѣжища своего, спѣшатъ изъ него выйти, увидя что войско удалилось; они хотятъ изъявить благодарность свою: Герцогъ Йоркскїй, говоритъ Лордъ, ибо я не сомнѣваюсь болѣе чтобъ не былъ ты сынъ Едуарда IV. Ты ничемъ мнѣ не обязанъ: я поступилъ по уставамъ чести. Я возстаю явно противъ дома твоего, и клялся ненарушимою привязанностїю къ дому Ланкастровъ: но не умѣю пользоваться нещастїемъ врага моего, и предать его тогда, когда проситъ онъ моей помощи; останься здѣсь до тѣхъ

тѣхъ поръ пока пройдетъ вся опасность.

Они ожидаютъ вечера, чтобъ удалиться изъ замка. Поѣзжай продолжаетъ Лордъ, говоря Герцогу, можетъ статься увидимся мы съ тобою на полѣ ратномъ; тамъ то сражусь я съ совмѣстникомъ Генриховымъ, и постараюсь явить ему знаки храбрости моей: но теперь покажу ему только состраданіе сердца моего о его положеніи; и такъ прошу его принять сей кошелекъ въ которомъ случится ему надобность смотря по обстоятельствамъ, и которой возвратитъ онъ мнѣ, когда щастіе его позволитъ.

Таково то было дарованіе Варбеково, дарованіе достойное сана и имяни которое онъ неправедно присвоилъ: онъ умѣлъ преклонять умы, кои наиболѣе вооружались противъ обмановъ его и пріобрѣсти уваженіе ихъ и дружбу.

Гер-

Герцогъ желалъ при помощи темноты нощной возвратиться въ то мѣсто, въ которомъ оставилъ онъ Герцогиню, одна мысль сїя его тогда занимала. Астлей збивается съ дороги; другъ его тщетно его найти старается: и въ то время какъ думалъ что онъ его нашелъ, схватили его войны и повели какъ плѣнника; онъ умѣлъ вырваться изъ рукъ ихъ; врата монастыря Бовлейскаго были тогда отворены: онъ бросается въ убѣжище сїе, и спѣшитъ внести имя свое въ списокъ тамошнїй, въ намѣренїи воспользоваться преимуществами дарованными сему священному мѣсту. Нужно знать, что тогда въ Англїи, подобно какъ въ другихъ Государствахъ признающихъ Папу, были мѣста убѣжища, коихъ сами Государи не могли насильствовать. Большая часть храмовъ Римскихъ, еще пользуются симъ правомъ, ко-

торое зделалось источникомъ ужасныхъ злоупотребленїй, но отъ того не меньше уважаемо.

Первая мысль нещастнаго Герцога Йоркскаго была та чтобъ стараться поскоряе прервать сонъ льстившїй ему нѣсколько мгновенїй; пробужденїе сїе было ужасно, и ничего не обѣщавало ему кромѣ непрерывной цѣпи бѣдствїй одно другова несноснѣе. Что жъ привязывало еще къ жизни: любовь, надежда быть полезнымъ супругѣ своей, еще разъ ея увидѣть; хотя сїя самая супруга влекла его къ пропасти, и погубила всю его надежду; желанїе увести ея изъ Бодмина побудило его отлучится на минуту отъ войска, и едва успѣлъ выйти изъ лагеря, какъ вѣсть сїя разнеслась въ стану его; унынїе и смятенїе объяли его воиновъ составленныхъ изъ бродягъ, изъ иностранныхъ, безъ всякаго

порядочнаго учрежденія, однимъ словомъ, изъ такихъ коихъ называетъ нѣкто людьми избѣгающими бѣдность и правосудія.

Кто бы подумалъ чтобъ нещастному совмѣстнику Генрихову готовились еще жесточайшія первыхъ удары: настоятель Бовлейскаго монастыря извѣщаетъ его что Генрихъ нашелъ мѣсто убѣжища Герцогинина, и что она находится въ его рукахъ. — Какъ! еще не довольно разило меня немилосердое щастіе! супруга моя, все что я люблю, она въ рукахъ побѣдителя которой горитъ мщеніемъ! Я все теряю, даже друга моего судьба у меня похищаетъ, и коего участь еще мнѣ неизвѣстна! не опасайся ничего, говоритъ ему Игуменъ, жизнь твоя въ безопасности, самъ Король не смѣетъ на нея покусится. — Ахъ! святой отецъ, въ теперешнемъ моемъ положеніи, смерть есть самой

малой

малой для меня страхъ. Но супруга моя... увы! отецъ мой, естли бы ты вѣдалъ.....

Герцогъ Йоркскій истощенный горестями, удрученный бремянемъ злощастія своего впадаетъ въ нѣкоторой родъ разслабленія: одинъ изъ старцевъ извлекаетъ его изъ онаго, вручая ему письмо, и прося хранить тайну; Герцогъ покрываетъ поцѣлуями и слезами начертаніе то, въ которомъ читаетъ сіи слова: и такъ вотъ до чего довела тебя страсть твоя, съ которой одна только моя сравниться можетъ! Не довольно было того что мы союзомъ нашимъ возбудили противъ себя негодованіе народа, которой долженствовалъ тебя подкрѣплять, союзамъ нашимъ заградился тебѣ путь къ престолу: я причиною что плоды таковыхъ трудовъ у тебя похищенны, что войско твое разбито, что на-

дежда

дежда твоя изчезла, наконецъ я причиною, что врагъ твой торжествуетъ, и что ты теперь въ его власти. Когда бы слава твоя и честь страдали отъ сего страшнаго злоключенія, тогда бы я тебѣ меньше совѣтовала продолжать жизнь твою: но нещастіе каково есть наше, болѣе славно, нежели поносно; жизнь твоя въ безопасности; вооружись твердостію духа, умей сносить бремя твое, и до послѣдняго вздоха нашего не станемъ отчаяваться. Вѣрь, что когда бы одна я была въ такой крайности, то не поколебалась бы рѣшиться, когда кто дойдетъ до такой степени бѣдствія гдѣ мы теперь находимся тому умереть легко; но существованіе есть тогда такое мученіе, которое сносить трудно, я намѣрена терпѣть муку сію, въ надеждѣ что мы паки увидимся, что судьба наша пере-

ремѣнится, что ты всегда любить меня будешъ, что любовь моя.... Увы! судьба учинила ея тебѣ бѣдоносною! не предвѣщай ничего страшнаго для своей супруги; она не боится ни Генриха, ни смерти. Еще разъ, любезной Князь, осмѣлься жить, и можетъ быть небо подастъ намъ свою помощь.

Начертанїе сїе удерживаетъ душу почти готовую оставить тѣло. Герцогъ Йоркскїй прижимаетъ его къ сердцу своему: я буду жить, говоритъ онъ старцу, любовь мнѣ то повелеваетъ..... Могу ли я дать сильнѣйшїй сего знакъ моей нѣжности? сколь щастливы, святой отецъ, тѣ смертные, которые чуждаясь страстей, ведутъ здѣсь жизнь спокойную! они не думаютъ о тронахъ! не знаютъ любви! а моя такая ли участь!

Торжествующїй Генрихъ велелъ окружить монастырь; многїя изъ
его

его придворныхъ мнили что ему позволено употребить власть подкрѣпляемую оружїемъ, что должно исторгнуть врага его изъ сего убѣжища, и послать на казнь: другїя будучи не того мнѣнїя, не хотѣли что бы Король ослушался Папы, нарушивъ священныя преимущества, они говорили еще что Генрихъ никогда не увѣритъ свѣтъ что совмѣстникъ его самозванецъ, естли сей послѣднїй самъ не признается въ своемъ обманѣ; они прибавляли къ тому что оставляя ему жизнь; милость сїя побудитъ его заплатить чистосердечнымъ и подробнымъ открытїемъ. Осторожный Монархъ послѣдовалъ сему совѣту. Пойнингсъ возвратясь отъ Государя своего изъ Ирландїи отправился въ Бовлей за Герцогомъ Йоркскимъ съ обѣщанїемъ отъ Короля даровать ему жизнь естли онъ добровольно здастся: нещастной

стной молодой человѣкъ приемлетъ предложенїе сїе; любовь какъ мы уже замѣтила, заставляли его любить существованїе; его взяли и повели въ башню.

Весьма справедливъ по нещастїю былъ слухъ о увезенїи Герцогини Йоркской изъ ея убѣжища; похитители спѣшатъ представить ея Генриху; никогда не была она столько прелестна, сколь сильна красота когда совокуплена она съ горестїю! Сїя женщина преданная сильнѣйшему отчаянїю, вырывается изъ средины толпы стражей ея окружающихъ, и повергается къ ногамъ Королевскимъ, омывая ихъ слезами: Государь... Государь! нещастный супругъ мой въ рукахъ твоихъ; я заклинаю твое великодушїе; прости его; по крайней мѣрѣ не лишай его жизни, и пусть я буду единственная жертва твоего мщенїя; я причиною всѣхъ его

злоключенiй! при сихъ словахъ слезы ея усугубляются. Генрихъ, коего черствая и непреклонная душа не знала до селѣ кромѣ сребролюбiя никакой иной страсти, удивился ощутя въ себѣ движенiе коего еще не испыталъ; зрѣлище прекрасной и отчаянной женщины произвело въ сердцѣ его волненiе, которое тщетно обуздать онъ старается. Я далъ слово сударыня оставить Варбеку жизнь: но требую отъ него подробнаго признанiя всѣхъ его обмановъ... Онъ обманщикъ вскричала Герцогиня! Онъ! Герцогъ Йоркской! Ахъ! Государь! Вы не удовольствуясь тѣмъ что его побѣдили, что держите его въ плѣну, что жизнь его въ рукахъ вашихъ? Вы хотите еще отнять у него имя ему принадлежащее; увы кромѣ его онъ теперь ничего не имѣетъ. — Я вѣрю сударыня что вы въ заблу-

блужденіи: столь знатная женщина какова Графиня Гунтлей, не на то была рождена, чтобъ выйти за сына подлаго жида; мнѣ весьма прискорбно что вы сами были игрушкою его хитростей... Толико прелестей долженствовали ли быть его удѣломъ? Судьба его рѣщена; онъ будетъ низверженъ въ мрачную темницу башни, и пробудетъ тамъ до тѣхъ поръ, пока откроетъ обманъ свой и сообщниковъ. Статься можетъ, что сострадані́е мое къ человѣчеству пощадитъ его и пошлетъ пресмыкаться въ подлой толпѣ вмѣстѣ съ Симнелемъ: вотъ все чего онъ можетъ ожидать отъ милосердія Государя, коему онъ осмѣлился назваться равнымъ и быть его совмѣстникомъ. Что же касается до васъ сударыня, будьте при дворѣ моемъ свободны, и верте что есть на свѣтѣ чувствительныя серд-

сердца, которыя могутъ привести вамъ въ забвенiе недостойнаго васъ мужа.

Генрихъ высылаетъ стражей и продолжаетъ съ нѣкоторымъ родомъ умиленности: Сударыня, дворецъ мой будетъ вашимъ убѣжищемъ; Королева возмется оказывать вамъ всѣ почести должныя Княжнѣ Царской крови, коей добродѣтели, нещастiя, прелести... Вы плачете! Я все здѣлаю сударыня для осушенiя слезъ вашихъ; будьте увѣрены о истинномъ участiи .....

Не окончивъ рѣчи своей, приближается онъ къ Герцогинѣ хочетъ поцѣловать ея руку: она съ поспѣшностiю ея вырываетъ; онъ удаляется сказавъ ей тихимъ голосомъ: вы желали быть Королевою, сударыня? Вы царствуете уже надъ сердцемъ.... пронзеннымъ вашимъ состоянiемъ. Говоритъ

ритъ громко: — я приказываю чтобъ Графиню Гунтлей почитали какъ Государыню, и исполняли бы всѣ ея повеленія.

Принуждена будучи принять предложенія Генриховы, жила она въ Вестминстерскомъ дворцѣ съ Королевою, которая всячески старалась услаждать ея страданія. Суди о моемъ мученіи, говорила Герцогиня Йоркская вѣрной своей Сольтонѣ: жить въ одномъ мѣстѣ съ жестокимъ врагомъ моимъ, быть подверженной, сносить частыя его посѣщенія! не ужели могла я поселить милосердіе въ сію столь до сего нечувствительную душу? Ахъ! Сольтона, для кого осталась я живою? Для кого имѣла я надъ собою столько власти, что даже приневолила себя видѣть Генриха, и слышать его? Увы! любезной супругъ, твои только болѣзни я ощущаю;... Готова

сне-

снести всѣ въ свѣтѣ поруганія, естли такой цѣною можно искупить жизнь твою и разорвать оковы... Ето я, нѣжный другъ мой, я которая низвергла его въ сію бездну злощастій! Онъ спѣшилъ ко мнѣ на помощь! жертвовалъ для меня царствомъ, славою, и даже жизнію; безъ меня не отлучился бы онъ отъ своего войска... Онъ одержалъ бы побѣду: въ томъ я не сомнѣваюсь; и я нынѣ не была бы жертвою всѣхъ мученій... Но, Сольтона, естли ето правда что онъ обманулъ меня... естли онъ не Герцогъ Йоркскій! но нѣтъ, я увѣрена что въ немъ не можетъ быть другой крови, кромѣ царской. Человѣкъ низкаго происхожденія не можетъ имѣть столько великодушія, столько прелестей; не можетъ быть привлекательнѣйшимъ изъ смертныхъ.... Вотъ еще новое Генрихово преступле-

нїе, котораго я никогда ему не прощу. Сколь несносно умолять тѣхъ, кого мы ненавидимъ! но я ничего теперь не вижу кромѣ участи моего супруга; я должна свергнуть съ него оковы; мы пойдемъ любить другъ друга, и умереть на краю вселенныя. Нѣтъ онъ не обманщикъ, но достойнѣйшїй сожаленїя изъ всѣхъ Князей! и не имѣющїй кромѣ меня другой подпоры.

Какова рода были чувствїя, рожденныя въ Генрихѣ взорами Герцогини? Онъ самъ не умѣлъ растолковать своего смущенїя. Должно припамятовать, что одна политика совершала бракъ его; сладости любви были ему не извѣстны. Ожесточенному безпрестанными врагами, возмущенїями, опасностями; строгому столько же по необходимости, какъ и по склонности, томимому жаждою къ злашу, не

возможно почти было ему познать любви: однако же сіе то самое чувствіе возбудила въ немъ Герцогиня. Милордъ, говорилъ онъ Лорду Добинею, коего удостоивалъ своею довѣренностію, я не знаю что мятетъ мое сердце; слезы Графини Гунтлей, протекли до глубины сего сердца чудящагося таковымъ движеніямъ: онѣ въ немъ остались! сколь прелестна, сколь трогательна ета женщина! Почто подлый обманщикъ обладалъ толикими красотами? И онъ любимъ, а я со всею моею властію, не произвелъ бы можетъ быть чувствія... Почто супруга моя не походитъ на Графиню Гунтлей? Я хочу чтобъ оказывали всевозможное уваженіе нещастной сей женщинѣ, и опредѣляю ей съ сего мгновенія, содержаніе... Я потщусь благодѣяніями моими заслужить по крайней мѣрѣ ея благо-

 дар-

дарность. Государь, прерываетъ Лордъ, такой великой Монархъ, какъ вы, можетъ слѣдовать склонности, которая послужитъ вамъ отдохновенiемъ отъ заботъ и безпокойствiй сопряженныхъ съ царскимъ саномъ. Безполезно сказывать вамъ о томъ: Графиня Гунтлей возбудила въ васъ любовь! Какъ! неужели то что я чувствую есть любовь, во гласилъ стремительно Генрихъ! Какъ! чтобъ я сталъ любить жену бунтовщика, котораго бы долженствовалъ я предать послѣдней казни! Приличноли мнѣ любипь, мнѣ, которому должно единственно заниматься сраженiями, наказанiями, страшиться чтобъ щастiе меня не оставило, и искать въ буряхъ безопаснаго пристанища? — Ничто не препятствуетъ вашему Величеству вкушать сладости такой страсти, которую легко вамъ будетъ

детъ удовольствовать; Графинѣ лестна будетъ такая: ибо своею любовїю пострамляетъ ея недостойный супругъ. Она исполняя желанїя Государя, позабудетъ скоро сего подлаго Варбека.

Генрихъ видѣлъ часто у Королевы сей предметъ нѣжности его, представляющїйся ему ежедневно съ новыми прелестями. Онъ хотѣлъ вооружить противъ любви тщеславїе, и пристыдивъ гордость надѣялся восторжествовать надъ женщиною, которая думали, что любитъ и соболезнуетъ объ ровномъ себѣ: но она продолжала почитать грубою хитростїю, старанїе, которое употреблялъ Король представлять ей всечастно мужа ея въ видѣ подлаго возмутителя.

Отчаянный худымъ успѣхомъ, Генрихъ вознамѣрился употребить способъ которымъ надѣялся у-

 твер-

утвердить столь много разъ потрясенный престолъ свой и можетъ быть прiобрѣсть сердце Герцогини Йоркской. Пойнингсъ, коему Монархъ поручилъ сiе дѣло, приходитъ въ темницу къ Герцогу, коего твердость духа злощастiе поколебать не могло; естли же случилось ему когда проливать слезы, то одна токмо участь супруги его исторгала ихъ изъ его очей; мы уже сказали что единая любовь привязывала его къ жизни. Пойнингсъ взошелъ къ нему говоритъ: Король даетъ слово пощадить жизнь твою, но ты долженъ разсудить что милость сiя оказывается тебѣ не иначе какъ съ договоромъ, которой отъ тебя зависитъ исполнить: потребно руки твоея начертанiе, которое бы содержало всю твою повѣсть отъ самаго младенчества до сего дня, чтобъ все касающееся до тебя

бя и до родственниковъ твоихъ было въ ней изложено съ совершенною откровенностїю; ты долженъ прибавить къ искреннему такому признанїю имена твоихъ сообщниковъ; не забудь такъ же объявить всѣ происки ихъ, и тогда Государь исполнитъ свое обѣщанїе. Молодой человѣкъ потрясаетъ оковами своими, взирая съ презрѣнїемъ на посланника Генрихова: — ето Король тебя посылаетъ! и таково то слово его! теперь то имѣю я больше нежели когда либо нужды вспомнить что я Герцогъ Йоркскїй. Сообщники мои суть всѣ ненавидящїе хищничество и вѣроломство; вотъ мой отвѣтъ. — Но чего надѣешься ты упорствуя во лжи своей? — Естли Генрихъ не умѣетъ царствовать, то я умереть умѣю...... Одна супруга моя причиною волненїя души моей. — Какъ, ты не хочешъ признат-

знаться...— Я Герцогъ Йоркскїй, сынъ Едуарда IV, братъ нещастнаго Едуарда V; я чувствую себя достойнымъ сана моего, а внуку Овена Тудора прилично нарушать священныя свои обѣщанїя, и истребить до конца нещастный домъ, коего слабая отрасль избѣгла отъ ударовъ безчеловѣчнаго Ричарда III. Вотъ что буду говорить я до послѣдняго издыханїя.— Знаешъ ли ты что эшафотъ тебя ожидаетъ?— Я взойду на него, какъ бы взошелъ на тронъ.

Пойнингсъ отходитъ съ поспѣшностїю къ Королю и доноситъ ему о упрямствѣ и дерзости плѣнника. Король помолчавъ нѣсколько, говоритъ:— не устрашимость Варбекова поколеблется отъ новаго приступа, которой я къ нему приготовляю; будь увѣренъ, что онъ принужденъ будетъ здаться, и я получу отъ него желаемое признанїе.

Ген-

Генрихъ объявляетъ Пойнингсу тотъ способъ, которымъ онъ намѣрялся воспользоваться, и посылаетъ его паки къ Герцогу въ темницу.

Герцогиня просила чтобъ позволено ей было жить въ башнѣ съ супругомъ своимъ; Генрихъ отказалъ ей въ сей милости; не хотѣлъ даже здѣлать ей и того утѣшенія, чтобъ съ нимъ хотя одинъ разъ видѣться. Ревность присоединялась въ семъ отказѣ къ политическимъ причинамъ; сія нещастная не имѣла другой отрады въ своихъ горестяхъ, кромѣ той что могла свободно плакать, и быть увѣренною что оставятъ жизнь ея мужу.

Едва Пойнингсъ предсталъ предъ глаза плѣнника: — И такъ страхъ казни тебѣ угрожающій не можетъ исторгнуть отъ тебя признанія, которымъ долженъ ты раская-

скаянію и истиннѣ? — Я уже изъяснился; и естьли бы могъ я предупредить смерть готовящуюся поразить меня!... Я говорю съ Англичаниномъ, котораго почитаю великодушнымъ, надѣюсь что онъ не умертвитъ меня въ такой особѣ, которая для меня дороже себя самаго, и которая невинна; прошу его только испросить у Генриха пощады моей супругѣ; пусть возвратится она въ Шкотландію, пусть забудетъ она меня; а я... Пойнингсъ, испыталъ ли ты любовь? — да, я испыталъ любовь, и въ сію минуту моими устами понуждаетъ она тебя объявить... Трепещи, такъ ты много привязанъ къ женѣ своей? — Я готовъ стократно умереть, для сохраненія ея жизни. — Знай же нещастный молодой человѣкъ что дни ея въ опасности; трепещи: желѣзо... — железо поднято надъ

ея

ея главою, теперь, въ сїе самое мгновенїе, палачи...— Постой, постой; какой ужасной образъ! но какое преступленїе ея? Развѣ одно то что она меня любила? Я причина всѣхъ ея нещастїй!...— ты можешъ ее избавить. — Какъ я могу отвратить ударъ... За какую цѣну? Говори, говори: должно ли истощить надомною жестокость лютѣйшихъ казней? Пусть придутъ ко мнѣ, пусть рвутъ сердце мое на части, пускай пьютъ кровь мою, но что бы жила Герцогиня, да пусть умру я среди свирепѣйшихъ мученїй, но съ надеждою что она не раздѣлитъ со мною ужасной моей участи.— Ты меня понимать не хочешъ: не смерти твоей требуютъ; ты спасешъ жизнь свою и своей супруги; можетъ быть возвратятъ тебѣ и свободу: но объяви Королю...— Что ты мнѣ предлагаешъ?

гаешъ? — Клифордъ все зналъ, и все открылъ; Фрїонъ самъ..— Какъ? Фрїонъ ... — оставилъ Герцогиню Бургонскую, и возвратился къ Королю; изъ сего довольно можешъ ты видѣть что обманы твои извѣстны.— Фрїонъ такъ же! О небо!— И такъ Король обо всемъ увѣдомленъ; но хочетъ что бы ты объявленїе сїе подтвердилъ своимъ признанїемъ, и подпискою.— Я разумѣю: Генрихъ не доволенъ былъ бы тѣмъ чтобъ растерзать меня мучительски: онъ хочетъ покрыть меня посрамленїемъ; и столько жестокосердъ что требуетъ отъ меня самаго памятника стыду моему... Гдѣ палачи?— Они принесутъ тебѣ голову жены твоей...— Такъ она будетъ моею жертвою?— да, ты вскорѣ обагришься кровїю ея. Прощай.

Читатели! принеситесь мысленно въ темницу; сойдите въ глубину

бину тюрьмы освѣщенной одною лампадою, которой блѣдной и колеблющїйся свѣтъ гораздо ужаснѣе самой темноты; тамъ глаза ваши да устремятся на молодаго человѣка прелестнѣйшаго и привлекательнѣйшаго вида, обремененнаго цепями, блѣднаго, растрепаннаго, стенящаго, рыдающаго, повергающагося на землю, возстающаго паки и повторяющаго стократно: Увы! любезная супруга, жизнь твоя въ опасности! и я! я умерщвлю тебя! Пойнингсъ, возвратись.... возвратися.... одно слово: да отсрочитъ немилосердый побѣдитель мой на нѣсколько дней злодѣянїе свое, злодѣянїе достойное убїйцы Станлея, друга его. — Не ожидай отлагательства завтра...— сегодня; чрезъ часъ; теперь.

Незнакомый входитъ въ темницу и говоритъ нѣчто на ухо Пой-

 нингсу

нингсу: такъ ты не хочешъ, продолжаетъ сей послѣднїй Герцогу, спасти свою жену? Я сей часъ увѣдомился отъ сего человѣка что смерть опредѣлена ей, и ты признаешься; но то уже будетъ поздно. Я тебя оставляю. — Постой, супруга моя.... — она была въ рукахъ палачевыхъ, говоритъ незнакомой: ожидаютъ только нашего отвѣта для совершенїя удара.... — Ахъ! бѣги, лети, скажи чтобъ удержали.... (обратясь къ Пойнингсу): Я признаюсь... до какой крайности доведенъ я! такое то было бы возмездїе за толикую любовь! поди же.... можетъ случится... Когда то не обходимо; я все объявлю... Адскїя мученїя терзаютъ меня. Уже ли ты рѣшился прерываетъ Пойнингсъ, сохранить дни ея? — Не сомнѣвайся въ етомъ; мнѣ одному умереть должно. — Такъ ты дашъ мнѣ требуемое

буемое Королемъ открытїе?— Да избавится супруга моя. Спѣши приказываетъ Пойнингсъ незнакомому, вели до возвращенїя моего отложить казнь: паче всего бѣги донести нашему Монарху что я несу къ нему то чего онъ требовалъ. Вышедъ отсюда прикажи моимъ имянемъ принести чернилъ и бумаги.

Герцогъ Йоркскїй ощущалъ неизъяснимое разстроенїе во всѣхъ чувствахъ своихъ; ручей кровавый вдругъ полился изъ устъ его, столько то мучительно было его состоянїе! изъ груди его вырывались болѣзненныя стенанїя. Требованїя Пойнингсовы были исполнены. Герцогъ увидя бумагу, вскричалъ: нѣтъ, скоряй выте рплю всѣ казни!— Развѣ забылъ ты что дѣло идетъ о жизни Графини Гунтлей? При семъ словѣ, сей нещастный беретъ чернилы и бумагу

съ трепетомъ объявшимъ все его тѣло, потомъ пребывъ минуту въ мрачномъ молчанїи, она будетъ жить вскричалъ онъ! Король исполнитъ свое обѣщанїе, могу ли я тому повѣрить, отвѣтствуетъ плѣнникъ голосомъ изъявляющимъ презрѣнїе? Но мнѣ не останется ни въ чемъ попрекать себя. Онъ беретъ перо дрожащею рукою, и произнося сїи слова прерываемыя рыданїями: О женщина которую я обожаю! что больше могу я для тебя здѣлать: пишетъ слѣдующее:

,,Когда человѣкъ кто бы онъ таковъ ни былъ ощутитъ въ себѣ довольно великую душу для замышленїя достойнаго честолюбїя своего предпрїятїя, тогда долженъ онъ покушаться на все; ежели же въ томъ не успѣетъ; долженъ умереть. Но что есть смерть въ глазахъ тиранскихъ? Изобилующая въ адскихъ вымыслахъ лютость у-

умѣетъ изобрѣтать удары, гораздо болѣзненнее тѣхъ, кои освобождаютъ насъ отъ жизни: и такъ есть казнь меня устрашающая! и я уступаю ужасу, которымъ она меня объемлетъ. За невинную супругу мою убоялся я въ первый разъ въ моей жизни, для нея подвергнулъ я себя всему тому, чего требуютъ отъ нещастнаго моего положенія. Мнѣ обѣщаваютъ пощадить дни сей безцѣнной для меня супруги; я поставляю Всевышняго свидѣтелемъ сего обѣщанія. Да! Царю царствующихъ! въ твою десницу ввѣряю я вопль мой и мщеніе, естли лжеклятвіе дерзнетъ нарушить сіе священное обязательство.

,,Нѣтъ, я не Герцогъ Йоркскій; Герцогъ Йоркскій не имѣлъ бы можетъ быть ни сердца моего, ни благороднаго честолюбія меня воспламенявшаго: я сынъ простаго

гражданина; имя мое Варбекъ; имя сїе прославилъ бы я между тѣмъ какъ многїе свое безчестятъ. Во всей вселенной видѣлъ я только одно достойное меня мѣсто, мѣсто сїе было престолъ, и я горѣлъ до него достигнуть. Нѣтъ нужды разбирать здѣсь что предки мои были ниже или выше Овеновыхъ, Генрихъ хищникъ ли или Государь законный, что съ согласїемъ ли Агличанъ облекся онъ въ верьховный санъ: довольно того что я побѣжденъ имъ, къ содѣланїю меня виновнымъ; и въ самомъ дѣлѣ учинилъ я предъ нимъ преступленїе: я покусился похитить у него скипетръ отнятой имъ у Ричарда, который и самъ Ричардъ исторгнулъ изъ рукъ своихъ племянниковъ. Я принялъ имя и лице мнѣ непринадлѣжащїя, признаюсь въ томъ: ето подлость которою я себя унизилъ; и надмѣру за то

нака-

наказанъ; злодѣянїе меньше бы меня пристыдило; ложъ всегда посрамительна, а иногда знатность бываетъ подлѣ ужаснѣйшаго преступленїя. Безъ сомнѣнїя честолюбїе мое предпочло бы благороднѣйшїя сего способы; я хотѣлъ бы существовать самъ собою, и сказать: ето Варбекъ, сынъ купца Турнайскаго объявляетъ войну Государю Великобританїи, стремится продраться къ трону его, будетъ всѣ силы употреблять чтобъ его оттолѣ свергнуть; дерзость моя подъ сими чертами представленная была бы осмѣяна, но сей самой дерзости дивились въ Герцогѣ Йоркскомъ, противъ коего гордость моя безпрестанно воставала, одна суетность моя могла быть симъ удовлетворенною, но сколь слабо и даже унизительно такое удовольствїе для души ревнующей оказать собственныя

свои силы. Кто же побудилъ меня употребить средство внутренно мною презираемое? любовь, любовь жесточайшая, безпредѣльная и необузданная. Съ самаго перваго воззрѣнія моего на Графиню Гунтлей, всѣ огни меня воспалили; любовь сія переживетъ меня: да, я легко обозрѣваю границы моего существованія, но не вижу предѣловъ нѣжности моей. И такъ, вотъ истинная причина всего того чемъ Генрихъ можетъ упрекать меня. Я боготворилъ Графиню, и кромѣ Государя или человѣка достойнаго быть онымъ, кто бы смѣлъ ласкатся надеждою быть ея супругомъ. Для нее то унизилъ я себя, преступивъ противъ истинны. Для нея то предпринялъ я обширное намѣреніе украсить чело мое діадимою. Пусть представятъ тягчайшія преступленія: я бы всѣ ихъ совершилъ, и безъ угры-

грызенія для единаго взгляда сей женщины владычицы всѣхъ чувствъ моихъ, и которая не престанетъ воспламенять меня до послѣдняго моего вздоха.

,,Послѣ сего признанія не ожидаю, и не прошу пощады подобно тому подлому Симнелю коего щастіе изчезло подъ посрамленіемъ: я предпочитаю смерть, всѣ возможныя мученія столь поносной участи. Но Графиня Гунтлей (скажу ли моя супруга) да не пострадаетъ за умыселъ, которой успѣхомъ былъ бы оправданъ, но теперь безъ сомнѣнія предосудителенъ.,,

Герцогъ сими словами оканчиваетъ, и вручивъ сіе начертаніе Пойнингсу, изрѣкаетъ ему голосомъ мрачнымъ и какъ бы изъ гроба исходящимъ: Все открыто; и мнѣ умереть осталось. Потомъ упадаетъ на свои оковы, преклоняетъ

 главу,

главу, и сохраняетъ глубокое молчанiе. — Но ты ничего не упомянулъ о сообщникахъ твоихъ? (Онъ не отвѣчаетъ) не думаешъ ли ты чтобъ сихъ признанiй было довольно? — Я уже сказалъ тебѣ: мнѣ только умереть осталось. Тщетно Пойнингсъ съ упорностiю его вопрошаетъ: онъ ясно видитъ наконецъ что плѣнникъ молчать вознамѣрился.

Царедворецъ спѣшитъ представить Королю сiе признанiе: — Государь, наконецъ получили мы то чего вы столько желали: теперь есть чемъ смѣшать и уничтожить безпрестанно возрождающiяся мятежи. Прикажите только чтобъ какъ можно скоряе шли въ темницу, и чтобъ надежные люди приставлены были прилѣжно соглядать Варбека; я проникъ въ его намѣренiе: онъ нетерпѣливо желаетъ умертвить себя, а польза

ваша

ваша требуетъ чтобъ онъ былъ живъ.

Генрихъ отдаетъ сообразныя съ совѣтомъ Пойнингсовымъ приказы; сей послѣднїй извѣщаетъ Монарха о употребленной имъ хитрости: сказываетъ ему, что не могъ ни чемъ угрозить Варбеку, кромѣ лишенїя жизни супруги его, и что симъ единственно исторгнулъ отъ него объявленїе столь нужное въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Король разчислилъ всѣ выгоды, которые надѣялся извлечь изъ сего письма: онъ былъ увѣренъ что кромѣ совершеннаго истребленїя стороны Йоркской, Графиня видя такаго у себя супруга, устыдится, потушитъ страсть свою, и будетъ расположена слушать такаго любовника, которой и власть употреблять можетъ; онъ приказываетъ ея предъ себя представить.

Гра-

Графиня приходитъ. — И такъ сударыня, глаза ваши всегда будутъ покрыты слезами! — Ахъ, Государь! Вашему ли величеству прилично примѣчать слезы мои?... И кто ихъ проливать меня заставляетъ?... Отъ васъ зависитъ осушить ихъ источникъ. — Я думалъ было сударыня что великодушїе мое больше здѣлало нежели бы вы сами могли отъ него ожидать; смертоносное желѣзо, которымъ правосудїе мое и безопасность можетъ быть, угрожали преступнику, отвращено отъ главы его; я даровалъ ему жизнь; вы при дворѣ моемъ считаетесь болѣе равною Королевѣ нежели плѣнницею; съ огорченїемъ напоминаю вамъ о всѣхъ сихъ благодѣянїяхъ, которые по крайней мѣрѣ долженствовали бы родить въ васъ нѣсколько ко мнѣ благодарности. — Государь, супругъ мой... — Весьма мало до-

стоинъ той любви сударыня.... которой бы другой всю цѣну почувствовалъ.. Мнѣ не возможно жъ болѣе принуждать чувствія...— Вспомните Государь, что кромѣ почтенія ничего не могу я къ вамъ имѣть, что кромѣ сострданія не смѣю ничего просить у васъ? Вы говорите мнѣ о благотвореніяхъ вашихъ: увенчайте же ихъ: возвратите свободу нещастному, и тогда благодарность сія...— Вы его любите, сударыня, и ахъ! єто не послѣднее его преступленіе: но должно необходимо открыть вамъ глаза, и чтобъ истинна убѣдила васъ, чтобъ наконецъ созерцали вы во всей его подлости предметъ страсти васъ поносящей...— Кто безчеститъ меня? Герцогъ Йоркскій...— ничто болѣе какъ обманщикъ. Я уже вамъ сказывалъ...— Не такими ли хитростями ваше величество надѣетесь восторжество-

ствовать надъ любовью моею и должностію! Государь усугубите бремя оковъ отягчающихъ нещастнаго подъ властью вашею находящагося; измѣните царскому вашему слову; лишите его жизни: но еще разъ, оставте ему имя его, сіе священное титло неподверженное прихотямъ непостояннаго щастія. Развѣ думаете вы, что я не знаю всѣхъ клеветъ разглашаемыхъ на щетъ его? клеветы сіи суть выдумки вашихъ участниковъ. Королю не пристойно употреблять средства оставленныя однимъ враждующимъ простолюдинамъ; съ оружіемъ въ рукахъ долженъ онъ превозмогать своихъ совмѣстниковъ. Судьба преклонилась на вашу сторону: будьте же достойны побѣды вашей; не прибавляйте поруганія къ нещастію. Развѣ плѣнъ препятсвтуетъ моему супругу быть Царскимъ сыномъ

номъ...— Скажите лучше сыномъ подлаго человѣка, котораго не достоинъ онъ называть родителемъ; онъ простеръ дерзость даже до того что обманулъ васъ.— Государь... любя меня столь много, не способенъ онъ къ такой хитрости; легко можно видѣть: онъ отъ той крови... которую вы гоните, и хотите пролить до последней капли... Вы желаете искусить мое легковѣріе!

Генрихъ вынимаетъ изъ кармана бумагу, и подавая ее съ спокойнымъ видомъ Герцогинѣ: — вы знаете руку?— Герцога Йоркскаго! — читайте сударыня.

Герцогиня съ жадностію пробѣгаетъ начертаніе: дошедъ до открытія обмана, восклицаетъ, уронивъ изъ рукъ бумагу: Какъ! мой супругъ, мой любовникъ не Герцогъ Йоркскій! Неизъяснимое уныніе слѣдуетъ за симъ восторгомъ:

гомъ: она оцепенела.— Теперь вы сами видите сударыня: и не можете болѣе сомнѣваться что бы вы не были игрушкою лжи, и грубаго безстыдства, которое и одно достойно примѣрнаго наказанія. Сему ли подлому смертному пристойно было устремлять къ вамъ желанія свои, позволительно ли ему было даже возводить на васъ глаза, когда бы и первыя въ свѣтѣ Короли за щастіе почли одинъ взглядъ вашъ? Забудьте, сударыня столь недостойнаго васъ супруга.

Герцогиня не внимая Королю, беретъ паки бумагу, прочитываетъ ея и съ болѣзненнымъ стенаніемъ повторяетъ: это не Герцогъ Йоркскій! потомъ прочитавъ еще многократно, бросаетъ далеко отъ себя, и впадаетъ въ глубочайшую первой задумчивость: — Надобно признаться, сударыня, что

такія нещастія ужасны : но вы должны вооружиться противъ ихъ твердостію ; вы были жертвою склонности дѣлающей честь вашей чувствительности; вы думали что сожалѣете объ нещастномъ Князѣ, думали что любите достойнаго васъ человѣка, но вмѣсто того отдались дерзновенному бродягѣ. Отдѣлите же судьбу его отъ своей; прервите союзъ сплетенный пронырствами; вы будете всегда свойственницею Королевскою, и Графинею Гунтлей.

Женщина сія, которую бы можно было представить примѣромъ геройства, вдругъ какъ бы исторгнувшись изъ челюстей смерти, прерываетъ съ благородною твердостію Монарха: — Я всегда буду женой Варбековой. — Что говорите вы? — Намѣреніе мое взято . . . Онъ меня любитъ, онъ на верху злощастія; я причиною, что онъ от-

 крылъ

крылъ то чего бы жесточайшія и ужаснѣйшія мученія не могли изъ него исторгнуть. Увы! нещастной, для меня одной убоялся! а... вы хотѣли казнить меня! разите, пронзайте сердце мое, но спасите моего супруга. — Вамъ ли сударыня прилично подозрѣвать меня въ такомъ варварствѣ? Можете ли думать чтобъ я даже въ мысли когда имѣлъ причинить вамъ малѣйшее огорченіе? Вы не хотите понять моихъ чувствій? Развѣ не видите вы что ето была одна хитрость. Что васъ представили Варбеку въ опасности единственно для полученія отъ него признанія нужнаго для безопасности моей и покоя... Вы похитили у меня гораздо болѣе сего покоя, нежели толпа враговъ на меня возстающихъ; такъ вы для меня опаснѣе Симнеля, опаснѣе Варбека, коего ударами управляла извѣстная

стная мнѣ рука. — Государь, ахъ! въ какое время... Государь, не ужели еще вы будете не упросимы? Я объемлю колена ваши; прикажите чтобъ впустили меня въ башню... Чтобъ могла я видѣть... — Какъ вы просите сударыня... въ такое время когда... не ужели вы еще берете участїе въ семъ обманщикѣ? И чтобъ я послалъ васъ къ ногамъ его! — Вы не хотѣли мнѣ позволить раздѣлить съ нимъ ужасность его темницы... по крайней мѣрѣ чтобъ хотя нынѣ... въ послѣднїй разъ я его увидѣла, говорила бы съ нимъ, отерла бы его слезы... Государь, не ужели откажите вы мнѣ въ сей милости? Зрите меня умирающую...

Герцогиня лежала у ногъ Генриховыхъ, и омывала ихъ слезами. Сїе столь трогательное зрѣлище, обезоружило его, и заставило пожертвовать любовїю: — я соглашаюсь

шаюсь, сударыня, оказать вамъ сей опытъ чувствительности; судите о власти которую вы имѣете надъ моимъ сердцемъ... Подите сносить присудствіе обругавшаго васъ человѣка, подите увѣрить его еще о вашей къ нему нѣжности между тѣмъ какъ... сударыня, вспомните что вы употребляете во зло мою слабость, что послѣ сего мгновенія... не надѣйтесь болѣе... нѣтъ не надѣйтесь ... вы его никогда не увидите. Однакоже я подтверждаю вамъ обѣщаніе мое оставить ему жизнь. Да возпользуется онъ моимъ милосердіемъ, пусть раскается, объявитъ своихъ сообщниковъ; а вы сударыня, не забывайте что благодарность есть малѣйшее изъ чувствій, коими вы мнѣ обязаны.

Выгоды Короля Аглинскаго, столько же какъ и желаніе угодить Графинѣ, побудили его даро-

ровать жизнь узнику своему, но сей нещастный молодой человѣкъ, котораго мы съ сихъ поръ называть будемъ настоящимъ именемъ его, то есть: Варбекомъ, ничего столько не желалъ какъ прекращенія ея. Окруженный стражами день и ночь его соглядающими, вознамѣрился уморить себя голодомъ; и впалъ въ нѣкоторой родъ ничтожества, весьма мало отъ смерти различествующаго.

Одинъ изъ страженачальниковъ темничныхъ пришедъ повѣлеваетъ приставамъ оставить Варбека, и самъ съ ними удаляется. Графиня Гунтлей входитъ, съ трудомъ держась на слабыхъ ногахъ своихъ; злощастіе удручало ея. Не видя еще плѣнника, прерывающимся и слабымъ голосомъ изрѣкаетъ сіи слова: такъ это ты! ты обманулъ меня! но лишь только узрѣла его отягченнаго оковами, почти

издыхающаго, бѣжитъ къ нему простирая руки: — увы, нещастный!... тогда то природа, жалость, любовь торжествуютъ надъ обиженною гордостїю и премѣняютъ знатнѣйшаго рода женщину въ отчаянную любовницу омывающую полъ темницы слезами.

О сколь несносно было тогда Варбеково состоянїе! какїя терзанїя ощущалъ онъ! — Такъ, я обманулъ тебя и вотъ злодѣянїе въ которомъ никогда не прощу себя! Но... ты знаешъ любовь: одна она виною всѣхъ преступленїй моихъ и нещастїй! въ первое мгновенїе воззрѣнїя моего на тебя, пламенная стрѣла погрузилась въ грудь мою; я обожалъ тебя какъ верьховное божество мое; ты содѣлалась обладательницею души моей, разсудка, и всѣхъ чувствъ моихъ; необузданная склонность увлекла меня. Я безпрестанно съ негодова-

ва-

ванїемъ взиралъ на употребляемое мною средство къ твоему обольщенїю; оно мучило меня, безъ сомнѣнїя много разъ ты долженствовала то примѣтить; даже въ объятїя твои слѣдовали за мною, смятенїе, борьба, угрызенїя; но одно слово твое разгоняло всѣ сїи тучи, утишало бури, волнующїя душу мою и возвращала меня къ страсти содѣлывающей мученїе и очаровательность жизни моей. Астлей, котораго жестокая судьба моя у меня похитила, былъ снабденъ къ тебѣ письмомъ; въ немъ то открывалъ я тебѣ хитрость которая еще болѣе для меня посрамительна, нежели тебѣ обидна. Нѣтъ, я не Герцогъ Йоркскїй: я простой смертной коего парящая душа, чувствительность, пожирающая любовь возносила превыше прочихъ человѣковъ. Нѣтъ, никогда никто не любилъ такъ какъ я тебя люблю; опытъ, которой недавно я тому явилъ,

вилъ, не оставляетъ въ томъ нималѣйшаго сомнѣнія; отдать за тебя жизнь была бы весьма нетрудная жертва: я умираю покрытъ посрамленіемъ. Должно было спасти тебя; я не поколебался; я все открылъ. Я тебя видѣлъ... живи, возвратись въ Шкотландію; забудь меня. Мнѣ ничего болѣе не осталось какъ изпустить душу пресыщенную горестію и поношеніемъ.— Что бы я тебя забыла! увы! могла ли бы я ето здѣлать и тогда, когдабъ хотѣла послѣдовать справедливой моей на тебя досадѣ? Я сказала Генриху, сказала себѣ самой: Варбекъ, я твоя жена. Да я жена твоя: я весьма то чувствую по любви для которой всемъ жертвую. Прочь, прочь отъ меня навсегда желаніе знатности, величія, верьховнаго сана... Ты не Герцогъ Іоркскій! Имя ето никогда болѣе не вылѣтитъ изъ устъ моихъ. Она пре-

преклоняется на оковы мужа своего; слезы ея усугубляются; потомъ прервавъ молчанїе, продолжаетъ твердымъ голосомъ: я забываю имя Графини Гунтлей, помню только что я твоя супруга. Не будемъ нынѣ ни на что взирать болѣе какъ на ужасное сїе жилище и на твои желѣза. Послушай, знай что щитаютъ всѣ мгновенїя которыя провождаю я здѣсь смѣшивая стенанїя мои съ твоими, естли бы ты зналъ... можетъ быть не позволятъ мнѣ еще тебя видѣть! Какъ! Не ужели въ послѣднїй разъ внимаю я увѣренїя въ любви человѣка, которой мнѣ всего на свѣтѣ дороже! сноснѣе было бы для меня когдабъ властна я была раздѣлять твою неволю, облегчать бремя твое, отверзать сердце мое слезамъ твоимъ, умереть подлѣ тебя; но мнѣ нѣтъ болѣе надежды къ утѣшенїю. Ты го-

воришъ мнѣ о возвращенїи моемъ въ отечество, скажи какимъ окомъ смотрѣть тамъ на меня станутъ? Я потеряла всѣ свои права... Варбекъ, стыдъ твой есть мой стыдъ. Мнѣ ни чемъ теперь не прилично заниматься, кромѣ нещастїй твоихъ и любви моей. Но какая же будетъ наша участь? Требуютъ, чтобъ ты объявилъ своихъ сообщниковъ; но я знаю тебя, и увѣрена что ты снесешъ во гробъ имена ихъ. Естли Генрихъ здержитъ свое обѣщанїе, то ты нѣсколько времяни провлачишь несносную жизнь. Не должно скрывать отъ себя, что вся Европа смотреть на тебя будетъ какъ на преступника, ты самъ себя таковымъ почитать станешъ, терзаемъ напоминовенїями лестнаго сна, которой увы! на всегда изчезъ... Насъ разлучатъ, а я... нѣтъ, не весь еще ужасъ состоянїя нашего

тебѣ

тебѣ извѣстенъ. Страсть, которую побѣдить я не въ силахъ, и должность моя требуетъ, чтобъ я жила и умерла твоею женою... Мы прекратимъ жизнь вмѣстѣ. Ты полулилъ отъ старца письмо, въ которомъ изъяснила я тебѣ истинныя мои чувствія. Смотри вотъ какъ должно заглаждать свои проступки, торжествовать надъ рокомъ, и опровергать всѣ преграды: Смотри, (она вынимаетъ кинжалъ) съ самой жестокой минуты разлученія нашего, запаслась я симъ прибѣжищемъ; не сомнѣваюсь о твоей неустрашимости; и покажу тебѣ мою. Получи примѣръ.

Варбекъ испускаетъ вопль, и не взирая на свои оковы, бросается къ женѣ своей; смертоносное желѣзо было уже на груди ея.

Постой, постой кричитъ ей человѣкъ отворившій вдругъ дверь темницы, и схвативъ Графиню,

истор-

исторгаетъ кинжалъ изъ рукъ ея. Варбекъ и его жена оцепенелы отъ удивленія и радости вскричавъ оба: Астлей: — такъ, Астлей самый прилетелъ къ вамъ на помощь. Вы все узнаете; приближеніе ночи намъ благопріятствуетъ; время драгоцѣнно; одинъ изъ стражей твоихъ за мною слѣдуетъ, онъ свергнетъ твои оковы, любезной Варбекъ, лошади насъ ожидаютъ; поспѣшимъ убѣжать.

Въ самомъ дѣлѣ стражъ приходитъ, снимаетъ съ плѣнника желѣзы; они уже далеко отъ Лондона, и въ безопасности отъ погони враговъ своихъ.

Стремительное такое прехожденіе изъ бѣдственнѣйшаго положенія въ столь противное состояніе, различныя чувствованія, волненіе произшедшее въ душѣ сихъ супруговъ, всѣ сіи картины легче вообразить нежели описать можно.

Гра-

Графиня и мужъ ея не могли опомниться отъ удивленія ихъ поразившаго; они не въ силахъ были ничего промолвить. Наконецъ Варбекъ первый прерываетъ молчаніе: сто ты любезной мой Астлей, ты, нашъ избавитель! не ужели немилосердое щастіе съ нами примирилось! Я нашелъ друга моего! обязанъ ему свободою, жизнію обожаемыя супруги! Безъ тебя, великодушной Астлей, я бы ея лишился; но скажи, скажи мнѣ: какимъ чудеснымъ случаемъ ты намъ возвращаешся? — Ты помнишъ что я въ темнотѣ збился съ дороги; потомъ сыскавъ тебя летѣлъ къ тебѣ; видѣлъ какъ непріятельской отрядъ тебя окружилъ; естли бы послѣдовалъ я первому движенію моему, то употребилъ бы для твоего освобожденія всѣ усилія, которыя были бы однако же безполезны; дружба моя превозмо-

гла

гла наконецъ запальчивость. Я старался собрать нѣсколько изъ нашихъ разсѣянныхъ воиновъ, въ намѣренiи подать тебѣ надежную помощь. Узналъ что ты находишся въ Бовлейскомъ убѣжище, потомъ услышалъ что тебя заключили въ башню, что Генрихъ однако же далъ слово пощадить жизнь твою. Тогда не удовольствуясь безплоднымъ сожаленiемъ о другѣ моемъ, и ненарушимою къ нему вѣрностiю: замыслилъ я предпрiятiе для него полезное; я потщился для избѣжанiя отъ всѣхъ подозрѣнiй, прекратить все что могло бы обнаружить связь нашу; я сжегъ письмо твое къ Миледи, которое долженствовалъ я вручить ей когда бы погибъ ты въ сраженiи; я перемѣнилъ платье и имя; скрытнымъ образомъ прiѣхалъ во Фландрiю; видѣлся на единѣ съ Герцогинею твоею покровительницею

ницею; она извѣстна уже была о неудачѣ твоей. Тронувшись неустрашимою твоею касательно ея скромностію, она приказала мнѣ употребить всевозможныя способы, чтобъ свергнуть съ тебя оковы, и провести тебя съ твоею супругою въ Нидерланды. Ты можешъ (говоритъ она) надѣяться отъ ея признательности и уваженія къ тебѣ всего того чемъ можно вознаградить тебя за лишеніе скипетра; она почитаетъ тебя достойнымъ первой въ свѣтѣ участи; къ симъ знакамъ благоволенія своего прибавляетъ она знатное количество денегъ которые ты отъ меня получи. Отъ нея самой услышалъ я что подлой Фріонъ измѣнилъ тебѣ. Я вскорѣ потомъ пріѣхалъ въ Англію; имѣлъ щастіе подкупить большую часть твоихъ стражей; однимъ словомъ, я умѣлъ усыпить столь не-

неутомимую Генрихову недовѣрчивость, умѣлъ преодолѣть всѣ препоны, и учинить ушествїе твое безопаснымъ. Въ нѣсколькихъ отсюда миляхъ мы найдемъ шлюбку, которая отвезетъ насъ въ надѣжную пристань. Ты вѣрно не отрекся отъ представленїя Герцога Йоркскаго, и.... не хочу больше слышать сего имяни прерываетъ стремительно Графиня: Астлей, супругъ мой не такъ созданъ чтобъ быть ему обманщикомъ; да явится онъ свѣту таковымъ какъ онъ есть; безъ чуждаго величїя; я же отрѣкаюсь навсегда отъ принадлежащей мнѣ знатности, и съ гордостїю буду носить имя Варбековой супруги; да явитъ онъ твердость духа своего, ополченїе свое противъ нещастїй, свои добродѣтели; супруга его будетъ умѣть раздѣлять съ нимъ его участь.

Вар-

Варбекъ исполненный удивленія и любви, повергается къ ногамъ Графини: — я супругъ твой: ты позволяешъ мнѣ сохранить сіе титло! Ахъ! какія достоинства могутъ съ нимъ сравняться? Любовникъ твой превыше всѣхъ владыкъ земныхъ. Могу ли я ласкать себя что глубочайшее почтеніе, живѣйшая и чистѣйшая нѣжность заставятъ тебя забыть преступленіе мое? Увы! я никогда себѣ онаго не прощу.

Они проѣзжали мимо того замка, господинъ коего оказалъ себя столь великодушнымъ въ разсужденіи Варбека. Астлей, сказалъ сей послѣдній, я не выѣду изъ Англіи, не заплатя одного долгу, который есть долгъ чести; побѣги къ Лорду; отнеси ему деньги, которыми онъ меня ссужалъ, и постарайся увѣрить его, что и не бывъ Герцогомъ Йоркскимъ, Варбекъ не меньше

ше благодаренъ за его благодѣянïе. Астлей спѣшитъ удовольствовать своего друга. Лордъ принявъ деньги, сказалъ: я не обманулся въ истинномъ родѣ Варбека; однако же должно признаться что онъ достоинъ былъ родиться Герцогомъ Йоркскимъ; онъ являетъ мнѣ новыя знаки довѣренности: я отплачу ему новыми доказательствами откровенности: Скажи ему чтобъ онъ остерегался объявлять о себѣ; Король въ сей разъ не воиметъ гласу милосердïя; голова его положена въ цѣну.

Увѣдомленïе сïе было истинно: Генрихъ извѣстившись о побѣгѣ пленника своего и его супруги, немедлѣнно велѣлъ разослать за ними погони, и всячески стараться взять ихъ. Къ досадѣ Монарховой, присоединялось бѣшенство рѣвниваго и обиженнаго любовника. Сей Государь проливалъ въ нѣ-

нѣдра Лорда Добинея, горькій ядъ разлившійся въ его сердцѣ: говорилъ, что своею рукою поразитъ ихъ, естли они попадутся въ его власть. — Такъ, Графиня будетъ первая моя жертва; въ ея то крови погашу я пламень, которой заставляетъ меня имѣть къ самому себѣ презрѣніе. Какъ могъ я себя такъ унизить, я, которой долженъ заниматься единственно заботами царствованія! Мнѣ ли приличествовало отвергать сердце сему безразсудному чувствію? Но я заглажу слабость мою, жертвуя предметомъ оной; она погибнетъ вмѣстѣ съ своимъ презрѣннымъ супругомъ.

Извѣщеніе Лордово подобно громовой стрѣлѣ поразило Астлея; онъ опасается что не льзя будетъ имъ достигнуть до судна, которое почитали они окончаніемъ своего злощастія. Возвратясь поспѣ-

шно къ друзьямъ своимъ, раскаываетъ имъ о Лордовомъ объявленіи; Графиню объемлетъ страхъ; не своя опасность, но стократно болѣе опасность супруга ея трепетать ее заставляла: при всякомъ шагѣ казалось ей что встрѣчаетъ смерть его. Темнота ночи покрываетъ ихъ. Астлей оставляетъ ихъ и возвратясь поспѣшно: — Удвоимъ бѣгъ нашъ; судно готово; и какъ скоро мы въ него войдемъ, тогда всѣ поиски Агличанъ, будутъ намъ безопасны.

Уже наступаетъ та щастливая минута, въ которую наконецъ свергнутъ они тяжелое бремя ихъ угнѣтающее. Предаются сладостямъ несомнѣнной надежды, радости; уже внимаютъ шуму волнъ морскихъ; видятъ благотворительное судно; уже подходятъ къ нему. Астлей предшествующій имъ, бѣжитъ къ нимъ съ испуганнымъ видомъ

домъ : — Спасайтесь, воины стерегутъ берегъ; они схватили начальника шлюбки ; имя Варбеково мнѣ послышалось.

Графиня лишившись силы управлять конемъ своимъ, пускаетъ повода ; упадаетъ въ объятія мужа своего ; пусть одинакіе удары разятъ насъ, изрѣкла она голосомъ задыхающимся !

Между тѣмъ спѣшатъ они найти себѣ убѣжище. Увидя въ сторонѣ дремучій лѣсъ, поскакали туды во всю прыть ; хотятъ въ немъ сокрыться, внезапу земля подъ ними восколебалась ; они сходятъ съ коней. Астлей первой примѣтилъ сквось кустарниковъ отверстіе, которое возбудило въ немъ любопытство ; онъ бѣжитъ туда. Небо, восклицаетъ онъ съ восторгомъ, подаетъ намъ явный знакъ своего покровительства ! Подойдемъ ; я думаю, что ето

одно изъ подземельныхъ убѣжищь, изрытыхъ во времена междоусобныхъ браней. Они лѣтятъ къ сему мѣсту; Варбекъ несъ на рукахъ лишившуюся чувствъ свою супругу. Они приходятъ къ лѣсницѣ весьма худо изъ необдѣланныхъ камней составленной, въ низу коей представляется имъ пещера внутрь разширяющаяся. По однимъ только догадкамъ могли они разсуждать въ какомъ пристанищѣ тогда находились; ибо густая мгла покрывала ихъ; они ввели съ собою коней своихъ въ сїе мрачное жилищѣ.

Графиня опомнясь, и не зная гдѣ она находится, испускаетъ вопль. О владычица моя! говоритъ Варбекъ, покрывая ее поцѣлуями и слезами, ты въ объятїяхъ супруга твоего, твоего любовника. Потомъ въ короткихъ словахъ изъясняетъ ей въ какомъ

мѣстѣ по догадкамъ думаютъ они находиться, и какой нечаянной случай, или лучше сказать, само небо имъ оное открыло. Останемся здѣсь, (продолжаетъ онъ,) на нѣсколько часовъ; пождемъ благосклонной минуты для нашего отсюда выхода.

Графиня села на одинъ изъ камней служащихъ ступенями лѣсницѣ: — Здѣсь кончу я жизнь, почто искать далѣе гробницы нашей?

Два друга взошли обратно къ отверстїю, сохраняя глубокое молчанїе; новый страхъ объялъ ихъ. Они слышатъ лошадиной топотъ; и примѣчаютъ сквозь темноты мельканїе многихъ воиновъ по лѣсу блудящихъ. Они поспѣшно вбѣгаютъ въ свое убѣжище. Варбекъ лѣтитъ къ своей супругѣ, прижимаетъ ея къ сердцу: — Безполезно ласкать намъ себя: мы по-

погибли : . . Думаю однако что я могу спасти жену мою и друга. Астлей, останься здѣсь съ столь драгоцѣнною для меня супругою, и которую учинилъ я столь злощастною; препоручаю ее твоему усердїю; можетъ быть нашедъ меня, васъ искать не станутъ; я главная цѣль ихъ поисковъ, мною хотятъ овладѣть; я иду къ отверстїю пещеры; они бросятся на меня, но одинъ обездушевленный трупъ мой отнесутъ къ пославшему ихъ тирану: я умерщвлю себя прежде нежели отдамся въ ихъ руки. Что говоришь ты, нещастной, прерываетъ Графиня, удерживая его? Развѣ думаешъ ты что мнѣ жить безъ тебя возможно будетъ? развѣ не ведаешъ ты что послѣ твоей кончины, существованїе для твоей супруги будетъ безпрестанная казнь? Или мнишь ты что одинъ Варбекъ умереть умѣетъ? Ты позабылъ что вче-

вчера ты могъ бы только послѣдовать моему примѣру. Нѣтъ я не оставлю тебя, любезный мой Варбекъ, говоритъ другъ его; естли необходимо должно будетъ лишиться жизни, умремъ вмѣстѣ; сказавъ сїе, бросились оба за нещастнымъ молодымъ человѣкомъ, которой всѣ силы напрягалъ чтобъ отторгнуть ихъ отъ себя; наипаче заклиналъ свою супругу не подвергаться ожидающей его участи; и омывалъ ея слезами.

Всѣ трое взошли почти къ самому отверстїю. Глубокая тишина заступила мѣсто прежняго въ лѣсу бывшаго шума; они ничего болѣе не слышатъ; заря начинала уже разгонять мракъ ночи; они погружаются паки въ темное свое жилищѣ, будучи въ недовѣденїи на что рѣшится, и удручены злополучїями.

Астлей не дождавшись наступленїя дня: вышелъ изъ пещеры,

 на-

набралъ въ окрестностяхъ ея кремней и сухихъ вѣтвей, возвратившись къ друзьямъ своимъ старается вырубить огня; при слабомъ свѣтѣ разсматриваютъ они убѣжище свое; оно въ самомъ дѣлѣ было то, что они думали: сїе искуственное пристанище было составлено изъ многихъ вертеповъ одинъ къ другому присоединяющихся, въ одномъ углу билъ ключь и составлялъ родъ маленькаго водоема. Первое движенїе Графини примѣтя сїе было, подойти почерпнуть въ руку воды сей и пить. О Боже! вскричалъ Варбекъ, до какой крайности довелъ я тебя, обожаемая женщина! Когда же свѣтъ огня дозволялъ имъ различать предметы, тогда взаимной ужасъ объемлетъ ихъ; Варбекъ былъ наполненъ страхомъ вразсужденїи своей супруги, жестокому же смятенїю, которое она ощуща-

ла,

ла, было причиною не ея собственное положенїе, но единственно состоянїе мужа ея. Онъ изготовилъ ей постель изъ древесныхъ листьевъ; разстилаетъ на нихъ часть своей одежды, и уговаривалъ ея чтобъ она успокоилась, успокоиться въ такомъ мѣстѣ, и въ такихъ ужасныхъ обстоятелбствахъ! Астлей и онъ старались сыскать что нибудь въ пищу. Природа, сїя нѣжная мать бдящая надъ нами, и въ ужаснѣйшихъ злоключенїяхъ, не отказываетъ намъ въ своихъ благодѣянїяхъ; вѣроятно ли покажется, что глубокїй сонъ объялъ Графиню.

Варбекъ и Астлей во первыхъ разсудили умертвить лошадей своихъ, опасаясь чтобъ давъ имъ свободу, не возбудить противъ себя новыхъ поисковъ, и чтобъ сїи животныя не открыли ихъ жилища.

Зарывъ ихъ въ одномъ изъ подземельниковъ, начали выдумывать средства къ безопасенїю себя отъ голода имъ угрожающаго. Астлей взялъ оное на себя, и уговорилъ друга своего остаться съ своею супругою.

Она была въ крѣпкомъ снѣ; Варбекъ смотрѣлъ на нее съ мрачнымъ вниманїемъ; какїе стрѣлы уязвляли его сердце! Въ такомъ то состоянїи была женщина царской крови, добродѣтельная, прекрасная, неустрашимая и нѣжная, которую онъ столь не достойно обманулъ, которую въ возмездїе за толикую къ нему любовь ввергнулъ въ бездну злощастїя, и могъ ли онъ омстить за сїю жертву отнятїемъ у себя жизни? Когда бы и пронзилъ онъ грудь свою, то заглажено ли бъ было его преступленїе? Кончина его облегчила ли бы бѣдственное состоянїе ея?

Увы!

Увы! вмѣсто услажденія учинила бы она еще оное несноснѣе; и такъ должно жить для сей обожаемой женщины, жить для исторженія ея изъ сей могилы, для отвращенія отъ нее всѣхъ опасностей; и тогда позволено ему будетъ наказать себя, или лучше сказать избавиться отъ толикихъ бѣдъ, прекративъ такую жизнь, которая часъ отъ часу становилась несноснѣе.

Таковы были горестныя размышленія, въ которыхъ Варбекъ погружался. Графиня просыпается, простираетъ къ нему руки: — Варбекъ, естли бы ты не былъ въ опасности, я предпочла бы сїю пещеру обитая въ ней съ тобою, всѣмъ великолѣпнымъ Шкотландскимъ чертогамъ. И такъ! не будетъ конца нашимъ горестямъ?.. Ты плачешъ! любезный супругъ, престанемъ раздражать скорбь на-

шу.

шу. Вотъ до чего любовь доводитъ! Но я не вижу Астлея? Варбекъ извѣщаетъ ее о причинѣ его отсудствія, и не сомнѣвается о скоромъ его возвращеніи.

Часы проходятъ: Астлей еще не является. Они предаются опасенію; начинаютъ чувствовать голодъ; нужда сія усиливается вмѣстѣ со страхомъ ихъ; уже день склонялся къ ночи. Варбекъ многократно подходилъ къ отверстію пещеры: одно только страшное молчаніе его поражаетъ; все ихъ оставляетъ. Онъ возвращается съ испуганнымъ лицемъ къ своей супругѣ: не Генрихъ будетъ нашимъ убійцею, но голодъ, голодъ жесточайшій; я не вижу друга моего! безъ сомнѣнія попалъ онъ въ руки гонителей нашихъ! не захотѣвъ предать насъ... Онъ погибъ! А насъ въ семъ уединеніи, въ семъ гробѣ, пожретъ ужаснѣйшая

шая смерть... Какъ, я буду зрѣть тебя томящуюся, издыхающую! Нѣтъ!... пойду къ моимъ тиранамъ: пусть разятъ они меня, лишь бы ты осталась невредима.

Варбекъ еще разъ всходитъ къ отверстїю, осмѣливается вступить въ лѣсъ, и набравъ кореньевъ предлагаетъ ихъ Графинѣ; сїи только трогательныя слова могъ произнесть онъ: такую то пищу предлагаетъ Варбекъ Графинѣ Гунтлей.

Онъ рѣшился лучше подвергнуться всѣмъ опасностямъ, нежели оставить долѣе жену свою на произволъ жестокостямъ столь упорнаго злощастїя; съ симъ намѣренїемъ выходилъ онъ изъ лѣса; на встречу къ нему идетъ человѣкъ въ нищенскомъ платьѣ; Варбекъ не видя вокругъ себя никого, готовился обнажить мѣчъ свой,

какъ

какъ вдругъ знакомый голосъ останавливаетъ его ударъ: — Что ты дѣлаешъ? Ты хочешъ лишить жизни друга твоего! взгляни на меня. — Астлей! О небо! гдѣ ты былъ столь долго?... — Побѣжимъ скоряй въ наше убѣжище; пришедъ туда, удовольствую твое любопытство; воспользуемся теперь принесеннымъ мною. Астлей распахнувъ епанчу, показалъ нѣсколько хлѣбовъ, и другихъ съѣстныхъ припасовъ. Они спѣшатъ достигнуть до пещеры. Варбекъ летитъ къ своей женѣ: — Нѣтъ не голодъ еще прекратитъ жизнь твою.

Обѣдъ ихъ весьма различествовалъ съ тѣми, которые великолѣпiе и вкусъ приготовляли при дворѣ Шкотландскомъ. Странная одежда Астлеева возбуждала ихъ любопытство; онъ сказываетъ имъ того причину: намѣренiе его по выходѣ изъ вертепа было, итти

въ

въ какой ни есть шалашъ отдаленный отъ большой дороги, и тамъ искать пищи: онъ увидѣлъ въ дали человѣка коего внѣшность показывала крайнюю бѣдность; тотчасъ вошла ему въ мысли полезная хитрость, скинувъ съ себя платье, спряталъ его въ кустахъ, и побѣжалъ къ сему человѣку, жалуясь что его ограбили; однако же говорилъ онъ ему, что осталось у него три гвинеи, которыя умѣлъ онъ скрыть отъ разбойниковъ, онъ предлагалъ ихъ нищему съ тѣмъ чтобъ тотъ согласился отдать ему свою шляпу и старую епанчу, составляющую все его одѣянiе; бѣдный съ радостiю на сiе согласился. Помощiю сего превращенiя продолжалъ Астлей, умѣлъ я провести нашихъ гонителей: они разсѣяны по деревнямъ окрестъ насъ лежащихъ; особливо же дороги къ морю ведущiя съ

раченїемъ стрегутся; обѣщано великое награжденїе тому кто насъ сыщетъ; будемъ же имѣть столько терпѣнїя чтобъ остаться здѣсь до того щастливаго часа, въ которой возможно будетъ намъ съ безопасностїю отсюда выйти, и удалиться въ Нидерланды; что касается до пропитанїя нашего, я беру о томъ на себя старанїе. Увы! прервала Графиня, проливая горькїя слезы, не долго жизнь моя будетъ вамъ въ тягость. Но когда взирала на мужа своего, тогда перемѣняла разговоръ: — Пускай судьба оставитъ насъ погребенными въ семъ вертепѣ, да забудетъ насъ Генрихъ, и весь свѣтъ! Варбекъ, я могу сказать тебѣ, что ты мнѣ столько же дорогъ, хотя . . . . Ахъ! прости меня, я не буду ни о чемъ говорить кромѣ любви моей, ничего не желаю видѣть кромѣ моего супруга . .

Вар-

Варбекъ я всемъ тебѣ пожертвовала.

Имъ не возможно даже было наслаждаться дневнымъ свѣтомъ; иногда ночью выходили они изъ пещеры и то съ великимъ опасенїемъ. Признаюсь, говорилъ Варбекъ другу своему, что естли бы не имѣлъ я ни какого страха вразсужденїи обожаемой мною женщины, то бы положенїе сїе не столь несноснымъ мнѣ казалось; всѣ мечты волновавшїя духъ мой изчезли; мнѣ кажется что вся природа сокрылась отъ глазъ моихъ; здѣсь въ мрачномъ семъ молчанїи занимаюсь я только своею страстїю. Астлей, почто долженъ я упрекать себя толикими заблужденїями? Что суть честолюбивыя сновиденїя? Что есть величество? Что тронъ? Увы! когда бы Генрихъ престалъ гнать насъ; когдабъ по крайней мѣрѣ супруга

 моя

моя не имѣла ничего опасаться, я согласился бы сокрыть въ сихъ мѣстахъ остатокъ моей жизни. О чемъ крушиться, чего желать, Астлей, тому кто любитъ, и самъ любимъ?

Между тѣмъ протекли многіе мѣсяцы, Астлей одинъ посредствомъ переодѣванія своего, продолжалъ прокрадываться въ окрестныя селенія, и со вниманіемъ вслушивался въ малѣйшія новости.

Однажды возвращается онъ запыхавшись, съ блѣднымъ и испуганнымъ лицемъ: — Мы слишкомъ были щастливы: насъ подозрѣваютъ; ищутъ нашего пристанища; по слышаннымъ мною рѣчамъ не льзя въ томъ болѣе сомнѣваться, должно необходимо въ сію ночь отсюда удалиться и лѣсомъ пробраться къ морю. Не уже ли небо, которое казалось до сихъ поръ намъ покровительствовало,

оста-

оставитъ насъ? Графиня объятая ужасомъ, бросается въ объятія Варбека: — Еще снова начинаютъ гнать тебя! я думала, что мы нашли здѣсь нашу могилу, зачемъ же итти далѣе искать смерти?

Они ожидаютъ темноты ночной для своего выхода. Графиня не могла безъ пролитія слезъ оставить пещеру; она предпочла бы сіе жилище изящнѣйшимъ чертогамъ; наконецъ отправляются они въ путь. При всякомъ шагѣ страхъ ея усугублялся. Но какой ужасъ объялъ ихъ! какъ вдругъ слышатъ они близъ себя сіи слова: Какъ! не ужели мы ихъ не найдемъ? Ахъ, когда бы они попались въ наши руки, мы увѣрены что труды бы наши не пропали, и мы бы щедро за то награждены были! Какіе слова, какія удары для Варбековой супруги! Кровь въ ней за-

замерзла; они всѣ трое пали на землю, и притаили дыханїе.

Не слыша болѣе ничего, встали они, и начали продолжать путь свой. Первый предметъ представшїй взорамъ ихъ при слабомъ свѣтѣ наступающаго дня, было море въ дали; силы ихъ подкрѣпляются; души ихъ колеблющїяся между страхомъ и надежды, пренеслись, естли можно такъ сказать, на волны. За ними томнятъ видѣть они другую природу, и конецъ своихъ мученїй: но какую радость ощутили они увидя корабль? Взоры ихъ, желанїя, сердца устремились къ сему судну, которое приплывало къ берегу. Астлей вскричалъ: мы спаслися! я вижу Французской флагъ; пойду повидаюсь съ корабленачальникомъ; раскажу ему; народъ сей чувствителенъ . . . . За какую бы цѣну не было . . . Я ввѣрю участь

нашу

нашу его великодушію . . . Онъ возметъ насъ ; сказавъ сіе, Астлей побѣжалъ къ нему.

Варбекъ и жена его не могли удержать восторговъ своихъ ; спрятавшись въ разсѣлину каменной горы, показывали оттолѣ другъ другу корабль, и дожидались Астлеева пришествія. Онъ возвращается : пойдемъ говоритъ онъ Графинѣ, мы преодолѣли жестокую нашу судьбину . . . Другъ мой . . . . насъ ждутъ . . . . Я скажу тебѣ . . . Удвоимъ шаги наши.

Какъ, не ужели щастіе престанетъ гнать Варбека! они летятъ; Графиня имъ предшествуетъ ; уже заноситъ въ корабль ногу : внезапу страшный вопль пронзаетъ слухъ ея, обратясь назадъ видитъ супруга своего обезоруженнаго, и Астлея старающагося вырваться изъ рукъ окружившихъ его воиновъ.

 Ко-

Кораблеслужители хотятъ остановить ея, и избавить отъ ожидающей ея участи; но невозможно было удержать ея; она бѣжитъ стремительно на помощь къ мужу своему, но едва имѣя силу до его дойти упадаетъ безъ чувствъ къ ногамъ его, между тѣмъ налагали на него желѣза; наконецъ привезли его въ Лондонъ и ввергли въ башню; другъ его имѣлъ ровную съ нимъ участь, а умирающую Графиню представили Королю.

Сїи громовые удары одинъ за другимъ стремительно преслѣдовали. Предчувствїя Астлеевы были весьма основательны; подозрѣвая его послѣдовали за нимъ; многїя войны спрятались за пригоркомъ для того единственно чтобъ напасть на сихъ нещастныхъ въ самое то время какъ они льстились видѣть конецъ своимъ злополучїямъ.

Ген-

Генрихъ между тѣмъ помышлялъ о мщеніи. Онъ намѣренъ былъ казнить Варбека смертїю; готовился даже прибавить къ сей жертвѣ, Графиню Гунтлей; раздраженная любовь предается злобнѣйшимъ движенїямъ. Жена врага его, была въ его власти, и предъ глазами его; но естли бури ревности легко воздымаются, то съ такою же способностїю утихаютъ. Первыя слова произнесенныя Графинею были за Варбека: — удержите удары ваши... будьте великодушны.... Пощадите супруга моего . . . по моему совѣту разорвалъ онъ свои оковы; я . . . во всемъ виновна; ожидаю смерти у ногъ вашихъ: но да не раздѣлитъ Варбекъ заслуживаемое мною наказаніе! Неужели откажите вы мнѣ въ этой милости?... Нещастїя мои васъ трогали.

Она лежала на земли предЪ ГенрихомЪ; никогда красота ея не была столь поразительна; возрѣвЪ на нее раздраженный Государь превращается вЪ обезоруженнаго любовника; уже вЪ другой разЪ испытывалЪ онЪ такую вЪ себѣ перемѣну: нещастія твои трогали меня! а ты называешь чувствія мои слабымЪ имянемЪ сострадaнія . . . Жестокая, они превосходятЪ все то чемЪ долженЪ я тебѣ и себѣ самому; не хочу болѣе внимать гласу великодушія! Развѣ не могла ты понять изЪ всего что любовь нѣжнѣйшая . . . — Государь, ахЪ естли супругЪ мой погибнетЪ! . . . Не прикажите умерщвлять его . . . и . . . вы познаете мое сердце . . . я скажу вамЪ . . . жизнь его вЪ опасности.

Король призываетЪ одного изЪ чиновниковЪ: — Бѣги вЪ темницу: не

не вели совершать моего приказанія. (обратясь къ Графинѣ) Ты видишь сударыня всю власть твою! пусть живетъ совмѣстникъ мой! .. Онъ не погибнетъ! Ахъ! Государь . . . благодарность моя . . . Государь, послушай меня: я говорю съ Монархомъ достойнымъ престола: чего вы отъ меня требуете? Я ни къ кому не чувствовала склонности кромѣ виновнѣйшаго предо мною человѣка, но притомъ достойнѣйшаго сожаленія; я не вижу теперь ничего кромѣ моей страсти: не хочу скрывать отъ васъ истинны, нѣжность моя къ нему еще сильнѣе моей должности. Признаюсь что Варбекъ обманулъ меня; я мнила любить равнаго себѣ смертнаго, Герцога Йоркскаго; но Варбекъ мой супругъ; и сія то бѣдоносная страсть которою я его воспламеняла ввергнула его во всѣ его за-

заблужденія, и содѣлала столь виновнымъ и столь злополучнымъ! Государь! когдабъ и не былъ онъ мнѣ дорогъ; когдабъ и не влекла меня къ нему сильнѣйшая любовь которую онъ въ меня вселилъ, што бы и одного нещастія его довольно было чтобъ почитать мнѣ его предметомъ священнымъ? Я уже вамъ сказывала: я не Графиня Гунтлей, я жена Варбекова: изъ сего Государь можете вы видѣть взаимныя наши обязанности; я жертва союза которой само небо облекло во все что есть торжественнаго; хитрость произшедшая единственно отъ жесточайщей любви не разрываетъ узла сего. Почтеніе мое, удивленіе, живѣйшая признательность, вотъ чувствія которыя позволено мнѣ къ вамъ имѣть, и которые отъ времяни до времяни возрастать будутъ. Сохраните моего супруга; про-

простите его, такая милость явитъ вселенной великодушїе ваше во всей его блистательности. Я повторяю вамъ еще, что я склонила его ко сверженїю съ себя цепей . . . Меня одну наказывайте. — Ахъ! могу ли я то сдѣлать сударыня? Безъ сомнѣнїя долженствовалъ бы я забыть тебя, пожертвовать тобою праведному моему гнѣву, государственнымъ выгодамъ и общей всѣхъ Царей пользѣ. Какъ! Варбекъ будетъ живъ, и будетъ любимъ! И ты думаешь что присутствїе его . . . — Государь, пусть я лишусь онаго; пусть никогда его не увижу; никогда! какое жестокое условїе я на себя налагаю! Но да живетъ онъ: вы мнѣ обѣщали, а я въ неизвѣстности въ слезахъ, въ горестяхъ жизнь мою. — Нѣтъ, ты его болѣе не увидишь; ты употребила во зло мою слабость;

Вар-

Варбекъ . . . — въ безопасности : я полагаюсь на слово такого какъ вы Государя . . . — Но сударыня, сіи чувствія . . .

Приходятъ съ докладомъ о пріѣздѣ посла требующаго немедлѣнно съ Королемъ свиданія. Онъ входитъ, вручаетъ Монарху письмо отъ своего Царя. Сударыня, говоритъ Генрихъ, обратясь къ Графинѣ, Государь Шкотландскій тронутый вашею участью, проситъ васъ къ своему двору. — Чтобъ я возвратилась въ страну отвергнувшую меня, и изгнавшую Варбека? Нѣтъ! да не надѣется неблагодарное отечество мое паки меня видѣть; да забудетъ оно меня, такъ какъ я его забыла! Я пойду умирать въ пустыню, гдѣ позволено мнѣ будетъ оплакивать нещастнаго, коего память всегда будетъ для меня драгоцѣнна. (говоря посланнику :) Твой

Ко-

Король причиною всѣхъ моихъ болѣзней, онъ то раздираетъ мое сердце! Я не родственница его болѣе; я не Шкотландка . . . я . . . нещастнѣйшая въ свѣтѣ женщина: оставте меня мученїямъ моимъ!

Графиня едва сказавъ сїи слова оставляетъ Генриха, утопая въ слезахъ; идетъ къ великодушной Солтонѣ которая съ послѣдняго злоключенїя ея была съ нею неразлучна.

Лордъ Добиней ласкалъ заблужденїю Короля своего. Генрихъ надѣялся восторжествовать со времянемъ надъ Графинею: она забудетъ (думалъ онъ) мужа котораго никогда болѣе не увидитъ, а Государи суть такїе любовники которымъ мудрено противиться.

Варбекъ заключенный въ темницу, обремененный тяжелыми цепями, преданный всей ужасности послѣдняго своего нещастїя, жилъ еще,

еще, и жилъ для единой любви. Страсть сїя возбуждала его отважность: происками своими нашелъ онъ случай видѣться съ Астлеемъ. Какое свиданїе! Облобызавъ другъ друга, и смѣшавъ свои слезы, Варбекъ вскричалъ: другъ мой, рыданїя не прервутъ оковъ нашихъ; станемъ помышлять о средствахъ къ освобожденїю себя отъ неволи, которая гораздо жесточае смерти. Я разлученъ съ моею супругою, а ты вѣдаешь что она все для нещастнаго Варбека.

Вѣроятно ли покажется чтобъ страданїя сего злополучнаго могли еще усугубиться? Одинъ узникъ, коему заключенный въ тужe темницу нѣкто изъ придворныхъ сказалъ о любви Генриховой къ Графинѣ, увѣдомилъ по нескромности о томъ Варбека, какой ядъ! какїя змеи вселились въ его сердце! —

це! — Она любима! . . . и кѣмъ . . . Генрихомъ! Астлей, вотъ послѣднїй смертоносный ударъ, которой судьба мнѣ назначила! Она меня забудетъ! Она не любитъ меня болѣе! любитъ сего жестокаго . . . Астлей, онъ на престолѣ; Астлей, я Варбекъ, и въ оковахъ . . . О Боже, Боже! что я слышу? Вырвемся изъ сихъ мѣстъ, естли Графиня . . . Я ощущаю въ себѣ довольно силы чтобъ умертвить ее, и пронзить себя тысячью ударами на трепещущемъ ея трупѣ. Нѣтъ, нѣтъ въ свѣтѣ смертнаго, которой бы могъ быть не наказанно моимъ совмѣстникомъ . . . Я опрокину Англїю, принесу въ жертву бѣшенству моему Генриха, отмцу . . . всей природѣ. Я вздумалъ новый умыселъ: я болѣе не Герцогъ Йоркскїй: но могу возстановить родъ сей и возвратить ему скипетръ.

Потомъ ввѣряетъ онъ другу своему всѣ подробности намѣренія своего, которыя доказывали сколь много обширный умъ его представлялъ ему переворотовъ. Однимъ словомъ сказать, онъ замыслилъ извлечь истиннаго наслѣдника Плантаженетовъ, Графа Варвика, изъ глубины сего обиталища, въ коемъ онъ томился.

Ни какой заговоръ не производился съ такою основательностію и съ такою тайностію. Варбекъ нашелъ способъ подговорить четверыхъ служителей Лорда Дигби, начальника крѣпости; положено было умертвить его, взять ключи отъ темницы, убѣжать, и увести съ собою Графа Варвика. Сей послѣдній не способенъ будучи къ представленію первaго лица, однимъ только имянемъ поспѣшествовалъ сему отважному предпріятію; онъ былъ призракъ въ которой

торой неустрашимый Варбекъ облекался. Ты увидишь, говорилъ онъ Астлею, кто изъ насъ Князь ли сей или я достойнѣе управлять скипетромъ; будетъ время въ которое взойду я на тронъ, поддерживаемъ единственно твердостїю духа моего и любовїю: въ ожиданїи же того представлю я Англичанамъ сего слабаго Варвика, которой уравняетъ мнѣ путь къ престолу; онъ есть орудїе необходимое для нашего умысла; я буду умѣть отвергнуть его, когда щастїе явится мнѣ благосклоннымъ . . . впрочемъ пусть царствуетъ онъ, лишь бы я былъ отмщенъ . . . Генрихъ мой совмѣстникъ? . . . и Графиня . . . Астлей, я сказалъ тебѣ: я устрашилъ бы вселенную . . . Но почто предаюсь я заблужденїямъ мрачной ревнивости? Мнѣ ли прилично подозрѣвать? Нещастный! станемъ

помышлять токмо о выходѣ изъ сего ужаснаго жилища.

Все вдѣлалось по желанїю узника; оковы его низпадают; однако же не удалось умерщвить Дигба; но думали что усыпили его бодрствованїе: уже Варбекъ прошелъ чрезъ многїя дворы; Графъ Варвикъ за ними слѣдовалъ; отважный путеводитель его достигаетъ до послѣднихъ воротъ, какъ вдругъ появляется Дигби, бросается на Варбека съ отрядомъ воиновъ; Графа отвели обратно въ темницу, а Варбека повлекли въ мрачнѣйшую тюрьму; онъ сїи только слова изрѣкаетъ: прощай любезный мой Астлей; я вижу что должно все оставить; прости мнѣ; дружество тебя погубило; я одинъ долженствовалъ быть злощастнымъ, и я причиною погибели всего меня окружающаго!

Гра-

Графиня . . . Астлей не могъ его болѣе слышать.

Слухъ разнесся что Варбекъ вторично хотѣлъ убѣжать, но пойманъ, и что трудно ему будетъ избѣгнуть наказанія. Генрихъ дѣйствительно приговорилъ его къ смерти, и строжайше запретилъ не впускать къ себѣ Графиню. Онъ предвидѣлъ что трудно будетъ ему противиться прозьбамъ сей отчаянной супруги, и твердо предпріялъ избавиться отъ человѣка, которой во многомъ былъ его совмѣстникъ. Варбекъ былъ столько великодушенъ что скрылъ имена всѣхъ своихъ сообщниковъ; Фріонъ сличенный съ нимъ былъ столько подлъ, что объявилъ всѣ малѣйшія касающіеся до связи ихъ подробности; молодой человѣкъ отвѣтствовалъ ему однимъ токмо пренебрегательнымъ взоромъ.

Фламандской дворянинъ представляется Королю : — Государь, я осмѣлился просить дозволенія поговорить съ вами ; я присланъ отъ моей Государыни Герцогини Бургонской ; вотъ письмо которое васъ въ томъ удостовѣритъ ; рука ея вамъ извѣстна. Она признается Государь , что она ваша непріятельница, что она все дѣлала къ вашей погибели ; не скрываетъ что она вооружила противъ васъ Варбека : но зная ваше великодушіе, надѣется она что вы не простреТе мщенія вашего на такую жертву ; и такъ проситъ васъ чтобъ вы умилосердились надъ симъ нещастнымъ молодымъ человѣкомъ. Спѣши возвратиться къ твоей Государынѣ , возражаетъ кипящій гнѣвомъ Генрихъ , и скажи ей что Варбека не будетъ уже на свѣтѣ когда она тебя паки увидитъ ; великодушіе имѣетъ предѣлы ; уже весь-

весьма давно гонитъ меня ея ненависть; и я не долженъ ни чему внимать болѣе кромѣ справедливой моей досады.

Не одна Маргерита старалась о пощадѣ Варбековой. Едва Графиня услышала о новой мужа своего неудачѣ, какъ бросилась къ Королю; всѣ пути къ нему были ей заграждены, даже не принималъ онъ ея писемъ. Генрихъ былъ не упросимъ, и думалъ только о смерти Варбековой. Проходя чрезъ садъ, видитъ онъ нѣкоторой родъ смятенія; простоволосая женщина, силилась продраться сквозь стражей ее не пропускающихъ. Она бросается съ стремленіемъ къ ногамъ Монарха, вынувъ кинжалъ; Король познаетъ Графиню Гунтлей. — Государь, вы меня выслушаете, или я при васъ умерщвлю себя симъ кинжаломъ. Генрихъ остановляется, и вскорѣ уступивъ страху,

 или

или лучше сказать любви: обезоруживаетъ Графиню: — Чего вы хотите сударыня? — Чтобъ вы видѣли мои слезы; не думайте воспрепятствовать моей смерти, естли вы рѣшились . . . — Я предупреждаю вашу прозьбу, сударыня . . . она безполезна: приговоръ здѣланъ. Прошенія ваши раздражатъ еще болѣе гнѣвъ мой. — Государь, моя смерть . . . и вы не можете отвратить ее? Увы! Не вы ли говорили что я тронула ваше сердце, (Генрихъ повелѣваетъ придворнымъ удалиться): — Безъ сомнѣнія, сударыня, ты царствуешъ всегда въ етомъ сердцѣ, терзаемомъ твоею неблагодарностію, но не надѣйся обезоружить мое правосудіе. Кто! я, чтобъ я пощадилъ подлаго и дерзновеннаго смертнаго, которой осмелился возвести взоръ свой къ престолу, оспоривать его у меня, которой

мой

мой совмѣстникъ, супругъ твой, котораго ты любишь . . . Ты думаешь . . . Онъ кровїю заплатитъ за безразсудную свою дерзость; когда бы всѣ Европейскїе Государи совокупно за него предстательствовали, я имъ бы отказалъ въ ономъ. — Вы мнѣ не откажете въ его помилованїи, Государь . . . я умираю у ногъ вашихъ. — Нѣтъ, сударыня, я не дамъ торжествовать надъ собою чувствїямъ . . . которые я преодолѣть долженъ . . . Ты надмѣру ихъ презирала. — Естли бы вы меня любили! — Неужели ты сомнѣваешся . . . . Я люблю тебя больше прежняго! Чего же ты требуешь? Ты во зло употребляешь власть твою надо мною! Государь . . . явите ему еще разъ опытъ великодушїя вашего. — Кому, сударыня? — Можете ли вы меня спрашивать. Супругу моему . . . Признаюсь что онъ

онъ виновенъ; наказывайте за то меня; я не престану вамъ о семъ твердить: для меня разорвалъ онъ свои оковы, для меня возбудилъ онъ противъ васъ враговъ . . . . Нѣтъ, когдабъ онъ не любилъ меня, то не нанесъ бы вамъ сей новой досады, пусть живетъ онъ, а я умру въ горести. Я не оставлю ногъ вашихъ не испрося ему пощады; я одна преступница . . . Такъ, душа моя исполненная . . — Не ужели бы ты почувствовала цѣну моихъ благодѣянїй? — Ахъ! Государь, все то честь . . . Не теряйте время, прикажите бѣжать въ башню.

Генрихъ сей разъ былъ не умолимъ; Графиня обнимала его колена; сквозь слезъ и рыданїй послышалось Королю что она обѣщавала склониться на любовь его съ условїемъ чтобъ онъ спасъ Варбека; по приказанїю его спѣшитъ

оста-

остановить ударъ угрожающїй ему. Государь изъясняетъ чувствїя свои Милади Гунтлей; но она его не слушала будучи занята единственно желанїемъ узнать о участи мужа своего.

Варбекъ, со времяни послѣдняго своего приключенїя, лишился всей надежды: онъ взиралъ на смерть какъ на щастливое окончанїе столь бурной жизни. Однакоже любовь еще его волновала; онъ подаривъ одному изъ стражей своихъ драгоцѣнный перстень, получилъ дозволенїе написать къ своей супругѣ; приставъ сей взялся вручить ей письмо оное. Можно сказать что Варбекъ излилъ всю душу свою въ сїе начертанїе; никогда не изъяснялся онъ съ такою выразительностїю и нѣжностїю. Сей то жестокой страсти приписывалъ онъ свои нещастїя, заблужденїя и проступки; окончевалъ

чевалъ тѣмъ что умолилъ жену свою простить его; увѣрялъ ее что умретъ съ тѣми мыслями что любовь сїя послѣдуетъ за нимъ во гробъ. Но сквозь возторговъ сихъ, видны были движенїя ревнивости.

Его ведутъ на мѣсто казни, уготованное на одномъ изъ дворовъ темницы: первый предметъ поразившїй зренїе его былъ обезодушевленный трупъ Астлея; онъ отступаетъ отъ ужаса, вскричавъ: — Такъ то воздалъ я за привязанность и услуги друга! Онъ бѣжитъ обнять его: но ему отказываютъ въ семъ утѣшенїи; потомъ взошедъ на амвонъ, вынимаетъ лицеизображенїе жены своей, и проситъ чтобъ не завязывали ему глазъ. Не опасайся промахнуться; говоритъ онъ палачу, я умѣю умереть; Увы! Любезная Гунтлей! Устремивъ взоры свои на

сей

сей образъ представляющій черты его супруги, прижимаетъ его къ устамъ своимъ, въ сію самую минуту отдѣленная отъ тѣла голова его упадаетъ. ,,Такова была (говоритъ Рапинъ Туаранъ) ,,кончина Варбека, которой былъ ,,признанъ законнымъ Государемъ ,,въ Ирландіи, во Франціи, въ ,,Англіи, въ Шкотландіи, и который заставилъ трепетать даже ,,Генриха на его престолѣ.,,

Никогда судьбина не являлась столь гонящею Варбека какъ въ семъ случаѣ. Въ самое то мгновеніе какъ смертное желѣзо разило, пришелъ посланный отъ Короля съ его прощеніемъ. Едва Графиня усмотрѣла идущаго обратно царедворца: супругъ мой погибъ! Не дождавшись еще отвѣта, упадаетъ она въ обморокъ; ее отводятъ, и опамятовавшись видитъ она себя въ объятіяхъ Сольтоны

оро-

орошающей ея слезами; она сїи слова ей изрѣкаетъ: его нѣтъ болѣе!

Незнакомецъ хочетъ говорить съ Графинею: она принуждена была согласиться на усильныя его прозьбы; онъ вручаетъ ей письмо. Какимъ новымъ изступленїемъ предается горесть ея, когда взглянула она на почеркъ! — Ето отъ супруга моего! Приказавъ дать подателю большее количество денегъ, спѣшитъ развергнуть: — дольтона, ето отъ Варбека! Увы! Сругъ мой! Сколько я была любима!... Но былъ ли онъ увѣренъ до какой степени я его обожала! Не подумалъ ли онъ хотя минуту, чтобъ страсть моя могла когда либо уменшиться! Увы! Жизнь его была мнѣ столь драгоцѣнна! Не довольно было бы для меня пожертвовать ему моею: познай любовь мою: я думаю чтобъ для спа-

спасенія Варбека я все бы здѣлала. Варбекъ былъ для меня все на свѣтѣ: не обманываюсь ли я Сольтона, движенія ревнивости примѣсились къ нѣжнѣйшимъ его восторгамъ! Увы! Варбекъ не уже ли снесъ ты во гробъ такое подозрѣніе? Ахъ, Варбекъ! почти не вмѣстѣ испустила я съ тобою духъ? Отпусти мнѣ, что я таила отъ тебя чувствія совмѣстника, которыя безъ сомнѣнія ускорили твоею погибелю! Дражайшій супругъ, развѣ не проницалъ ты въ глубину моего сердца? я опасалась чтобъ такою повѣренностію не усугубить твоихъ страданій! Развѣ не довольно еще мучительны они были? Но какой Царь могъ быть тебѣ предпочтеннымъ? Сольтона, естли умеръ онъ съ сими мыслями почти столь же для меня терзательными какъ его кончина! Почто, о небо! не по-

послѣдовала я первому моему движенїю! Я хотѣла открыть ему что Генрихъ дерзнулъ объявить мнѣ . . . Удалимся отъ сего обиталища. Одна мысль та что я увижу Генриха, приключаетъ мнѣ мученїя . . . . которыхъ я перенесть буду не въ состоянїи : пойдемъ жить на краю вселенныя . . . Подлѣ той пещеры . . . Она будетъ для меня предѣломъ сладчайшихъ утѣхъ! Я провела въ ней щасливѣйшїе дни моей жизни ; я раздѣляла уединенїе и ужасъ сихъ мѣстъ съ моимъ любезнымъ : я отдѣлена была отъ свѣта, а была съ Варбекомъ ; тамъ рука его отирала мои слезы.

Сїя столь жалости достойная женщина, исполнила свое намѣренїе ; пришедъ къ Королевѣ умоляетъ ее истребовать у Короля для нее дозволенїе удалиться отъ двора въ уединенное мѣсто, гдѣ

наме-

намѣрялась она погребсти остатокъ горестныхъ дней своихъ. Супруга Генрихова тронулась ея прозьбою; Король долго колебался исполнить неотступныя прошенія Милади Гунтлей; наконецъ принужденъ былъ согласиться на ея удаленіе; новыя политическія и корыстолюбивыя виды превозмогли любовь, которая и кромѣ того была не свойственное душѣ его чувствіе: истинная страсть требуетъ пожертвованія всѣхъ прочихъ страстей; она есть родъ богослуженія признающаго единое Божество. Графиня оставляетъ дворъ Аглинской съ Леди Сольтонъ, и преселяется въ домъ близъ лежащій отъ вертепа служившаго убѣжищемъ ея мужу.

Прибывъ въ страну ту, бѣжитъ она къ пещерѣ, ищетъ въ ней

слѣдовъ Варбековыхъ, и думаетъ ихъ видѣть. Здѣсь то, говорила она своей пріятельницѣ, часто останавливался онъ обвиняя себя въ моихъ нещастіяхъ, онъ, коего одного взгляда довольно было къ содѣланію меня благополучною. Здѣсь своими руками постилалъ онъ мнѣ постелю; вотъ тотъ камень на которой сложилъ онъ свое оружіе. Я его паки вижу, обожаю его повсюды въ семъ посвященномъ злощастію обиталищѣ; оно будетъ храмъ мой . . . . и гробъ. Сколько разъ Графиня одна при слабомъ свѣтѣ вкушала въ сихъ плачевныхъ мѣстахъ удовольствіе перечитывать письмо Варбеково! Она прижимала его къ сердцу своему, покрывала поцѣлуями и слезами. И такъ есть вопіяла она, есть утѣха для нещастныхъ! Я чувствую что скорьбь

моя мнѣ сладостна, и тотъ кто бы захотѣлъ облегчить ее, лишилъ бы меня единственнаго удовольствія которое мнѣ вкушать дозволено.

Леди Сольтонъ видитъ въ одинъ день пріятельницу свою въ большемъ обыкновеннаго волненіи. — Не уже ли новая печаль тебѣ приключилась, любезная моя Графиня? — Я не знаю, другъ мой, должна ли я благодарить небо, или усугубить на него роптаніе, которое иногда участь моя изъ меня исторгаетъ . . . . Я мыслю что Варбекъ для меня возраждается. Сольтона не можетъ понять сихъ словъ. Наконецъ Графиня открываетъ ей что она беременна; а Варбековъ потомокъ былъ осужденъ на смерть еще прежде своего рожденія. Не довольно, го-

ворила Графиня чтобъ я была достойнѣйшею сожаленія женою, я буду нещастнѣйшею матерію! и чемъ надѣлю я невинное сїе творенїе, которое уже движется въ моихъ нѣдрахъ.

Они скрываютъ сїю тайну отъ всѣхъ ихъ окружающихъ; Графиня разрѣшается отъ бремяни въ пещерѣ, съ помощїю единой Сольтоны: взоры ея устремляются на сына коего раждающїеся черты возвѣщали уже точное съ Варбекомъ сходство. Въ семъ то мрачномъ обиталищѣ младенецъ сей началъ жить, и проливать слезы означающїя общую участь смертныхъ. Графиня вкушала всѣ материнскїя утѣхи: она кормила грудью сына своего, орошала его слезами повторяя безпрестанно: любезное дитя! я вижу въ тебѣ

от-

отца твоего, его я лобызаю! Какая участь тебѣ назначена! Увы! естли бы жестокосердой Генрихъ зналъ что ты существуешъ! Развѣ еще не довольно ты нещастливъ? Возможно ли чтобъ захотѣли лишить тебя жилища, гдѣ ты въ перьвой разъ увидѣлъ свѣтъ, или лучше сказать, въ которомъ осужденъ ты на вѣчную ночь? Пусть онъ царствуетъ варваръ, но да оставитъ меня въ нѣдрахъ земли питать тебя моими слезами; ничего не прошу я у Царей, у человѣковъ, ни даже у неба. Сынъ есть все для своей матери.

Графиня была убѣдительный тому примѣръ. Англія и цѣлый свѣтъ ни что иное были въ глазахъ ея, какъ изглаженная картина и которую старалась изгнать совсемъ изъ памяти своей; она не выхо-

дила почти изъ вертепа; младенецъ начиналъ уже смѣяться и затвѣржать нѣжное имя матери. Сердца чувствительныя! вы одни постигаете всю прелесть имяни сего, когда его произносятъ уста на которыя природа излила все что есть привлекательнѣйшаго.

Сїя нещастная принуждена была однажды ввѣрить на нѣсколько мгновенiй сына своего Сольтонѣ; она возвращается въ пещеру: какое зрѣлище ея поразило! Она видитъ . . . она видитъ пламенники, оружїе, видитъ ожесточенныхъ воиновъ, слышитъ вопль сына своего, онъ простиралъ къ ней руки, его хотятъ исторгнуть изъ объятiй Сольтоны упадшей къ ногамъ сихъ варваровъ; дитя мое!

дитя мое! жестокіе! Нѣтъ, вы его у меня не отнимите .... (она бросается съ стремленіемъ на сихъ безчеловѣчныхъ, которыя не внимая ея прозьбамь, рыданіямъ, отталкиваютъ отъ себя съ грубостію и уносятъ свою добычу.) Вы пронзите меня тысячію ударами, или отдадите мнѣ его ... онъ обо мнѣ плачетъ! О сынъ мой! любезный сынъ! Немилосердые! развѣ вы дѣтей не имѣете?

Сіи чудовища уходили; Графиня впала отъ отчаянія въ изнеможеніе; но пришедъ въ изступленіе, собираетъ силы, возстаетъ, и летитъ за хищниками, здѣлавъ последнее усиліе, кидается на того, кто несъ невиннаго младенца. Сей нещастный уставилъ копіе

 про-

противъ груди ея; Графиня не думая ни о чемъ кромѣ возвращенія сына своего, не видитъ опасности, и повергается на смертоносное желѣзо: кровь ея полилась ручьями, вопль и стенанія Сольтоны раздаются по пещерѣ; она бѣжитъ обнять умирающую Миледи, у которой едва оставалось силы попросить прежде кончины своей чтобъ позволила ей приложить уста свои къ устамъ своего сына; сіи каменныя сердца подвигаются къ сожаленію: слезы покатились изъ глазъ ихъ; одинъ изъ воиновъ бѣжитъ къ ней, неся младенца къ сей нещастной матерѣ, которая обнявъ его съ восхищеніемъ, прижала къ груди своей покрываетъ его поцѣлуями, и омочивъ его слезами и кровію,

испу-

испускаетъ духъ, держа еще его въ объятіяхъ, и препоручая Сольтонѣ.

Вѣрная сія пріятельница не отстаетъ отъ воиновъ; она узнаетъ отъ нихъ что Король увѣдомленный какимъ ни есть измѣнникомъ изъ ихъ домашнихъ о томъ, что у Варбека остался потомокъ, приказалъ взять его и къ себѣ представить. Великодушная Сольтона испросила у Монарха позволеніе жить вмѣстѣ съ сыномъ своей пріятельницы, за которымъ крѣпко присматривали; онъ вскорѣ потомъ умеръ. Графиня по приказанію Сольтоны была погребена въ той самой пещерѣ, гдѣ кончила жизнь свою; она поспѣшно возвращается въ сіе мрачное жи-

лицѣ, и приказываетъ положить младенца въ гробницу злощастной Гунтлей; осталось на сей случай народное преданїе что будто возобновилось тогда чудо случившееся при погребенїи Элойзы возлѣ Абеларда; Графиня, говорятъ, приняла въ объятїя сына своего. Сольтона всякой день орошала слезами воздвигнутую имъ отъ нея гробницу. Она не замедлила вкусить равную съ ними участь, и велела погребсти себя въ томъ же мѣстѣ и близь своей прїятельницы.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(*а*) *Вдозствующей Герцогини Бургонской*, Маргерита Йоркская, сестра Едуарда IV и Ричарда III, вдова Карла Герцога Бургонскаго, прозваннаго *смѣлымъ* или *дерзскимъ*, основала жилище свое во Фландріи. Не имѣя дѣтей, любила съ материнскою горячностію невестку свою, супругу Максимиліана, Ерцгерцога Австрійскаго. Сія Принцеса умерла въ цвѣтущихъ лѣтахъ: Герцогиня сохранила къ дѣтямъ ея ту любовь, которую имѣла къ ней: взяла на себя стараніе о ихъ воспитаніи; постоянный ея нравъ, ласковость, и способность къ народоправленію, пріобрѣли ей надъ Фламандцами надвластіе гораздо сильнѣйшее самодержавія, то есть власть надъ сердцами и умами. Сія Государыня испытала всю силу страстей, особливо же мщенія, коего источникъ былъ можетъ быть почтенія достоинъ: она обожала родныхъ своихъ, и съ великою горестію видѣла что Генрихъ VII поступалъ съ Королевою своею супру-

пругою съ унизительнымъ пренебрежіемъ; Елисавета была племянница Герцогинѣ; а все приближенное къ Йоркамъ было ей дорого; можно сказать что жизнь ея ни что иное была какъ родъ безпрерывной науки въ изысканіи средствъ ко отмщенію сего нещастнаго дома; ненависть ея къ Генриху не имѣла примѣра: по сему то обыкновенно называли ее, *Юнона Короля Англинскаго.*

(б) *Постыдная развяска и прот.* носились слухи что будто Генрихъ VII ненавидящій Йоркскій домъ, намѣрялся умертвить Графа Варвика, заключеннаго въ башню, который былъ единый мужескаго пола остатокъ сего знамѣнитаго дома. Нѣкто Ричардъ Симонъ, Священникъ Оксфордскій; уловилъ сіе обстоятельство; онъ вздумалъ взять изъ лавки нѣкоего хлѣбника, молодаго человѣка имянуемаго Ламбертомъ Симнелемъ, и здѣлать изъ него Князя, Графа Варвика; сей Симнель былъ почти ровестникъ Графу и нѣсколько на него походилъ. Симонъ какъ возможно лучше училъ питомца своего, которой подъ имянемъ Варвика, пріѣхалъ въ Ирландію совершенно преданную Йоркамъ;

тамъ

тамъ съ помощїю наставника своего попа, разгласилъ онъ что сынъ Герцога Кларанскаго ушелъ изъ своей темницы. Ложъ сїю приняли съ жадностїю: намъ описываютъ вдовствующую Герцогиню Бургонскую яко невидимаго духа двизателя хитрости сей, съ великимъ искусствомъ сплетенной, и снабденной совершеннымъ знанїемъ всѣхъ малѣйшихъ подробностей къ Йоркскому дому относящихся. Симнеля нарѣкли Королемъ наименовавъ его Едуардомъ VI; толпа недовольныхъ Генрихомъ примѣтно умножалась, и составила ему войско. Графъ Линкольнскїй явнымъ образомъ взялъ сторону ложнаго Графа Варвика; объявилъ себя начальникомъ надъ бунтовщиками, и сразился съ Англинскимъ Королемъ, которой одержалъ побѣду; Ламбертъ Симнель и его наставникъ попались въ плѣнъ. Сїе предпрїятїе которое бы могло имѣть кровопролитный конецъ трагедїи, напротивъ того кончилось комически: Симонъ хлѣбникова сидѣльца здѣлалъ было Королемъ, Генрихъ же сего Короля здѣлалъ лошкомоемъ; Симнель дерзнувшїй желать скипетра, почелъ себя щастливымъ что

могъ

могъ влачить жизнь свою во мракѣ поварни Генриховой, которой потомъ произвелъ его въ сокольничьи. Государь сей знавшій видно всю силу язвительной насмѣшки, дабы отмстить Ирландцамъ, заставилъ служить за столомъ своимъ ихъ депутатами, того самаго ложнаго котораго нарѣка и они Королемъ.

(в) *Новыхъ Варвиковъ и проч.* Симнель о коемъ мы уже упоминали, выдалъ себя сначала за Ричарда Герцога Йоркскаго; но потомъ по Симонову совѣту назвался онъ Графомъ Варвикомъ. Генрихъ содержалъ въ башнѣ сего нещастнаго сына Герцога Кларанскаго: во время вышепомянутаго замѣшательства велѣлъ онъ его оттолѣ вывесть, и поводя по Лондонскимъ улицамъ, приказалъ опять заключить въ темницу. Нещастія Варвиковы окончились казнію его на амвонѣ. И кто осквернилъ себя мерзскимъ злодѣяніемъ? Государь, коего царедворцы и столь же какъ они подлые и презрѣнія достойные историки не устыдились наимяновать *Соломономъ Англіи.* Соломонъ сей былъ жестокъ, не упросимъ, снѣдаемъ понсcною алчностію къ злату; можно безъ прибавленія ска-

сказать, что онъ пролилъ бы кровавыя рѣки, естли бы не предпочиталъ тому собраніе золотыхъ горъ въ сундуки свои, налагая несносныя дани на множество не щастныхъ жертвъ коихъ любостяжаніе его искупало нѣкоторымъ образомъ у его жестокосердія: по смерти его нашли въ погребу одного изъ его замковъ, миліонъ восемь сотъ тысячь фунтовъ стерлинговъ, количество въ то время необычайное. Послѣ такихъ примѣровъ, пусть вѣрятъ похваламъ, и титламъ безстыдно приписываемыхъ лестію и глупою чернію. Двенадцать Цесарей, коихъ большая часть были скрытыя подъ образомъ человѣческимъ, зовомы были отцами отечества, и удостоены гордыми статуями; правда что по смерти ихъ тотъ же самый Сенатъ, которой при жизни ихъ ползалъ у ногъ ихъ, уничтожалъ всѣ черты сіи подлой лести, и разбивалъ статуи и изображенія. О Генрихъ IV, добродушный Король Французскій, ты не опасаешся чтобъ память твою лишили *имяни наилучшаго изъ смертныхъ.*

(г) *Накажемъ же сего случайника и проч.* Всего страннѣе, заключаютъ многіе

гіе писатели, что Генрихъ можетъ быть не былъ и дворянинъ; онъ происходилъ по матери изъ Соммерсетскаго дома, которой хотя и былъ въ родствѣ съ Ланкастрами но въ побочномъ. Дѣдъ сего Монарха былъ нѣкто Едмондъ, Графъ Ричемондскій сынъ нѣкоего Овена Тудора, которой былъ не извѣстнаго происхожденія, благородство же его и титла дали ему пріятности его. Съ помощію прекраснаго лица, и стройнаго стана внушилъ онъ къ себѣ любовь Екатерины, вдовы Генриха V, которая забывъ санъ перваго своего мужа, пожертвовала всѣмъ своей страсти, и вышла за любовника своего. Нѣкоторые историки увѣряютъ что послѣ смерти сей Принцессы, Овенъ за столь неровной бракъ былъ посаженъ въ башню, и что отрубили ему потомъ голову.

(2) *Онъ назвалъ меня Петеромъ и проч.* Отъ сего имяни произошло уменшительное *Петеркинъ* или *Перкинъ*. Все что расказываетъ здѣсь Варбекъ согласуется съ исторіею: онъ зналъ совершенно многіе языки, между прочими Англинской, которымъ говорилъ онъ столь же хорошо какъ и Фламандскимъ; природа дарова

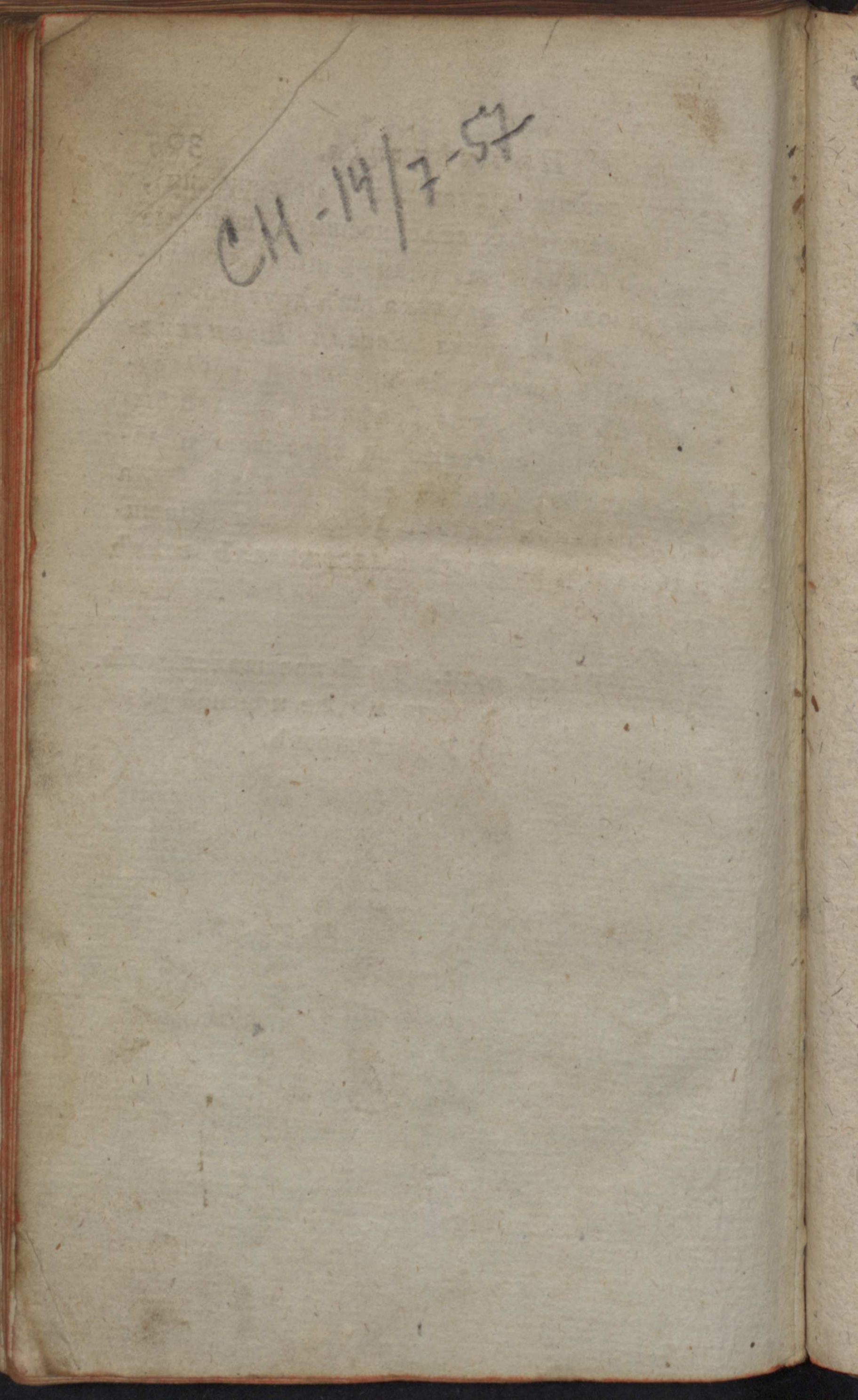
ла

ла ему великую душу, всѣ пріятности, и тѣ щастливыя склонности, которые можетъ быть суть единыя типлы отличающія одного человѣка отъ другаго.

(е) *Свойственница Короля Шотландскаго.* Всѣ тогдашніе писатели согласуются въ томъ, что Графиня Гунтлей была женщина совершенная красотою и добродѣтелію; она въ самомъ дѣлѣ была родственница Іякова IV Короля Шкотландскаго, который поддерживалъ всѣмъ своимъ могуществомъ ложнаго Герцога Йоркскаго.

(ж) *Бѣлой розы.* Такъ назывался домъ Йоркскій, подъ имянемъ же красной розы разумѣлся домъ Ланкастровъ.

CH - 14/7 - 57

